

В.В. Баркова

**Пролеткульт в фокусе прикладного
культурологического исследования**

Учебное пособие

Челябинск
2023

Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет»

В.В. Баркова

**Пролеткульт в фокусе прикладного
культурологического исследования**

Учебное пособие

Челябинск
2023

УДК 809Ф (021)
ББК 82.3 (0) яТЗ
Б 25

Баркова, В.В. Пролеткульт в фокусе прикладного культурологического исследования: учебное пособие / В.В. Баркова. – Челябинск: Изд-во ЮУрГГПУ, 2023. – 188 с. – ISBN 978-5-907611-87-0. – Текст: непосредственный.

ISBN 978-5-907611-87-0

В учебном пособии мы попытались показать историческую роль добровольного социально-культурного движения в строительстве культурных основ Советской России. Оно будет интересно тем, кто интересуется историей становления культурных основ советской жизни рассматриваемой эпохи.

Рецензенты: О.Г. Филиппова, д-р пед. наук, доцент
С.Н. Фортигина, канд. пед. наук, доцент

ISBN 978-5-907611-87-0

© В.В. Баркова, 2023
© Издательство Южно-Уральского государственного
гуманитарно-педагогического университета, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Культурологическая проблематика Пролеткульта в историко-философских исследованиях	47
1.1. Определение понятия «социально-культурное движение»	47
1.2. Анализ культурологической проблематики в научной литературе о Пролеткульте	68
1.3. Идеология формирования феномена «рабочей интеллигенции»	80
Выводы по 1 главе	101
Глава 2. Пролеткульт как инновационное социально-культурное движение	103
2.1. Идеологические и организационные действия Пролеткульта на фоне культурной политики в стране	103
2.2. Модели «пролетарской культуры» как способы обретения идентичности гегемоном соцреволюции и восстановления разрушенной экономики. Программа «пролетарской культуры»	133
2.3. Роль старой русской интеллигенции в социально-культурной деятельности Пролеткульта как выбор служения Отечеству	153
Выводы по 2 главе	176
Заключение	179
Вопросы для закрепления материала	182
Рекомендуемая литература	183
Библиографический список	184

ВВЕДЕНИЕ

Культурология предметом своего исследования считает анализ «способов бытия» мира и человека, т.е. ценностные основы, культурные алгоритмы, формы культуры, созданные в процессе человеческой деятельности и детерминирующие воспроизводство определенного типа культуры. При этом не затихают споры о статусе культурологии как отрасли научного знания, в которых участники, либо отрицают, либо признают её научный характер. Этот спор разворачивается вокруг того, в чем состоит специфика культурологии как науки и какова её роль в формировании современной картины мира как особого способа моделирования и конструирования реальности.

При первом взгляде на предмет культурологического знания в глаза бросается необычный ракурс рассмотрения ею материала, какая-то его неправильность, вернее — алгоритмичность в представлении проблем в системе устоявшихся научных парадигм, которые, по Н.А. Куну, в течение определенного времени предлагают модель постановки проблем и способов их решений научному сообществу. Так вот, способы и приёмы описывать мир культурологией не вписываются ни в одну из устоявшихся научных парадигм в системе социально-гуманитарного знания.

Значимость культурологии резко выросла в процессе социального и экономического кризиса в России 90-х годов XX века, когда начались процессы поголовного «раскультивания» людей, лишения их культурной компетентности и социальной адекватности, поскольку наряду с политической деидеологизацией произошла деградация социокультурной устойчивости личности, а система среднего образования фактически утратила свой обязательный характер и т.п.

В этой ситуации перед российским обществом встали задачи: активизации научной деятельности по изучению общих проблем фундаментальной теории культуры, проблем межпоколенной трансляции мирового и национального социального опыта, организации специальных научных исследований параметров социальной адекватности и культурной компетентности личности в сложившихся условиях, воспитания подрастающего поколения в ценностях и идеалах, исторически выработанных мировой и национальной культурой.

Необходимо было определить направления и принципы культурной политики, выработку методов рационального управления процессами функционирования и развития новой российской культуры, динамикой социализации и инкультурации личности в системе разного рода образовательных, культурно-просветительских, художественных, досуговых и т.п. институтов, а также поиске новых методов непосредственной регуляции социокультурного поведения людей с использованием средств массовой культуры и информации, организованного досуга и т.п. Эти работы манифестировались такими научными авторитетами, как М.К. Мамардашвили, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, Л.Н. Гумилев, Г.С. Померанц, С.С. Аверинцев и др. На сегодня можно говорить, что комплекс научных знаний, который обобщенно называется «культурологией», сформировался по основным направлениям познания культуры — гуманитарному и социально-научному.

Гуманитарная культурология имеет многовековую традицию исследований: литературоведческих и фольклористских, мифологических и религиоведческих, историко-философских и искусствоведческих, по истории общественной мысли и по истории быта, костюма, нравов, а также по

ряду иных направлений, относящихся к области гуманитарного, духовно-творческого и просветительского аспектов жизни общества. Этот научный профиль преследует фактографические цели: максимально точное описание атрибуции изучаемых явлений, их историко-стилевая оценка, этническая, а, по возможности, непосредственная авторская идентификация, а также генетический анализ — сюжетных, стиливых, образных и иных источников, предтеч, более ранних изводов и т.п. исследуемого объекта. Поскольку в рамках этого направления исследователям приходится иметь дело не столько с массово распространенными явлениями культуры, сколько преимущественно с единичными в своей неповторимости произведениями художественного, интеллектуального, а также материально-бытового творчества, их анализ, как правило, отличается повышенной субъективностью оценок. Показательно, что гуманитарное культуроведение сосредоточено почти исключительно на исследовании собственной национальной культуры.

Специфической характеристикой объектов, изучаемых гуманитарным культуроведением, является их недокументированное, но стилистически несомненно индивидуальное авторское происхождение, хотя в поле зрения исследователей нередко попадают и объекты, имеющие археологическую древность и уникальность. Таким образом, в гуманитарном культуроведении неизбежно доминирует некое «шедевроведение», изучающее судьбу тех или иных уникальных произведений духовной культуры, временами, соотносящей их с общим культурным контекстом эпохи, но и не затрудняя себя сложными культурно-историческими аллюзиями. Гуманитарное культуроведение занимает в рамках общей научной классификации «стыковое положение» между собственно культурологией и искусствознанием,

фольклористикой, историей быта, а по используемым научным методам относится к сфере исторических наук, а не культурологических, ориентированных на совершенно иную методологию.

Социально-научная культурология признается в качестве собственно культурологии практически всеми органами управления наукой и образованием, определяется с соответствующим набором регламентирующих ее документов — образовательным Госстандартом, ВАКовской номенклатурой специальностей, УМОвской номенклатурой культурологических специализаций и т.п.

В рамках социально-научной культурологии, выросшей из этнографии, социологии и лингвистики, сложилось множество научных школ и направлений. **Можно выделить три основных отрасли** культурологического знания, ориентированных на ее основные проблемные поля. Это **фундаментальная** культурология, представляющая собой область, где слиты философия и теория культуры, исследующие наиболее общие закономерности исторического и социального бытия культуры, формирующие ее эпистемологию — систему принципов, методологий и методов познания, систематизации и анализа изучаемого материала. **Антропология**, исследующая культурное бытие людей на уровне, приближенном к их повседневной социальной практике, нормативные образцы поведения и сознания, непосредственные психологические мотивации и пр. В отличие от фундаментальной теории, антропология (социальная, культурная, психологическая и историческая) в целом тяготеет более к эмпирическому, измеряемому уровню познания. Ее теоретические концепции нередко кладутся в основу разработки практических технологий управления актуальными социокультурными процессами.

Прикладная культурология занимается непосредственной разработкой технологий практической организации и регуляции культурных процессов в обществе, обоснованием способов трансляции и воспроизводства культурных ценностей в самом широком смысле этого слова. Тесно связанная с теоретической и исторической культурологией она опирается на выработанные в них принципы и закономерности развития культуры, исторические аспекты их функционирования. Как область научного знания прикладная культурология изучает область культурной политики, её сущность, принципы, приоритеты, объекты и т.д., а также социокультурное проектирование — методологию и методики разработки и реализации программ социокультурной деятельности. Особое место занимают вопросы формирования личности, активно вовлеченной в процессы культуротворчества, «просвещения» в структуре информационного общества, поиск путей для эффективной деятельности в этом направлении, реализует возможность использования достижений науки в решении прагматических или практических задач.

При этом возникает вопрос: обладает ли всё это субъективно проинтерпретированное культурологическое знание объективной социокультурной значимостью? И если да, то насколько такого рода значимость вообще присуща любому оценочному подходу, зависящему от социального контекста, в котором он создается. В отличие от законов естественных наук, которые не поддаются интерпретации с точки зрения интересов общества, гуманитарное знание всегда оценочно, всегда отражает интересы и ценности какого-то общества, социальной группы и т.п., что, собственно, было доказано еще философами-неокантианцами и М. Вебером. Оно значимо постольку, поскольку дает основания для психологической комфортности членов данного общества, его само-

оценки и самоидентификации. Является той или иной формой «оправдания» его прошлого и настоящего, особенностей его культуры, нравов, обычаев и пр. Оно дает возможность теоретически обобщить и отрефлексировать социальный опыт коллективного существования, накопленный многими поколениями предков. С этой точки зрения гуманитарное знание, включая историческое, как и искусство, обладает высочайшей социальной значимостью. Оно основа нашей психологической уверенности в себе как в обществе. Но никаких объективных законов мироустройства оно не открывает, поскольку подобные законы, как об этом свидетельствуют естественные науки, не поддаются ценностной интерпретации.

В этом смысле культурология с самого момента ее появления стала выступать в качестве объединяющего начала для интерпретации разрозненных явлений, сочетая множественность подходов, наработанных в философских, социологических, искусствоведческих исследованиях. И при этом ее «взгляд» на реальность не эклектичен. Это своего рода «двойная оптика» — одновременное видение общего и частного. Отсюда и принципы, на которые опираются ученые в культурологических исследованиях, — синергетики, неопределенности, дополнительности. Тем самым мы достигаем объемности в описании конкретного явления, выявляя в нем историческое и актуальное для культуры измерение. Культурология — в её изначальном греческом понимании — «слово, смысл, понятие» и одновременно «причина, источник» всего сущего. Это «слово» о бытии человека и мира, им созданного и его создающего, о смысле, в этом мире пребывающих и определяющих его существование. Поэтому культурология и берется за изучение «всего», поскольку «все» — это одновременно мир культуры (объективная реальность) и его образ (субъективное воплощение).

Целью учебно-методического пособия является раскрытие организационно-технологических аспектов деятельности Пролеткульта как инновационного социально-культурного движения единомышленников-добровольцев, пытавшихся реализовать в действительность молодой советской России те или иные гражданские инициативы. Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач:

1. Определение понятия «социально-культурное движение».

2. Выявить идейные и практические предпосылки формирования Пролеткульта как инновационного социально-культурного движения.

3. Анализ целей и задач, методов и средств, содержания и форм деятельности Пролеткульта как инновационного социально-культурного движения.

4. Исследование концептов «пролетарской культуры» А.А. Богданова и его соратников.

5. Определение роли Пролеткульта в культурной политике советской России в период с 1917 по 1932 гг.

Теоретико-методологической основой исследования являются научные труды по общим вопросам теории и истории культуры, прикладной культурологии, теории социально-культурной деятельности, истории российской культуры, авторами которых являются Г.М. Бирженюк, П.С. Гуревич, Б.С. Ерасов, А.С. Запесоцкий, С.Н. Иконникова, М.С. Каган, Л.Н. Коган, И.В. Кондаков, Э.С. Маркарян, А.П. Марков, М.Б. Туровский, В.В. Савельев, Э.В. Соколов, В.Е. Триодин, Ю.М. Шор и другие.

Методы исследования: библиографические изыскания с целью отбора источников фактографической и концептографической информации, связанных с темой исследования;

критическая оценка и содержательный анализ, отобранных публикаций; метод контент-анализа документальных источников по теме исследования; сопоставление методологии и методики современной социально-культурной деятельности с социально-культурными технологиями, разработанными в Пролеткульте;

- научные публикации (монографии, статьи и т.д.), соответствующие теме исследования; научные труды по проблемам прикладной культурологии, философии культуры, эстетики, социальной философии;

- архивная документация, отражающая деятельность Пролеткульта;

- издания Пролеткульта (в т.ч. периодические: «Пролетарская культура» (М., 1918–1921), «Грядущее» (П-г, 1918–1921), «Горн» (М., 1918–1923), «Гудки» (М., 1919), «Грядущая культура» (Тамбов, 1918–1919), «Пролеткульт» (Тверь, 1919), «Зарево заводов» (Самара, 1919) и другие;

- официальные документы партийных и государственных органов по вопросам культурной политики 1917–1932 гг.;

Пролеткульт как массовая культурно-просветительная организация с самого начала своего официального возникновения в сентябре 1917 года поставил задачу: создать новую пролетарскую культуру, используя культуру прошлого и, противопоставляя одну другой, развивать пролетарскую науку, товарищеские отношения в пролетарской среде, разработку пролетарской философии и использование искусства в интересах пролетариата. Ещё до Октября 1917 г. — это в районе 1908 г. — большевики А.А. Богданов, А.В. Луначарский, рабочий-революционер Н. Вилонов при поддержке (в том числе и финансовой) М. Горького организовали «высшую социал-демократическую школу» на Капри в рамках группы «Вперед» и занялись разработкой программы по

созданию пролетарской культуры. Именно там, на лекциях для рабочих, приехавших из России, вырабатывались представления о типе культуры, который необходим пролетариату, обсуждались задачи подготовки рабочих-пропагандистов.

На страницах одноименного журнала А.А. Богданов развивал идеи пролетарской культуры как необходимого орудия в деле построения социализма, близкие по духу идеям Горького и Луначарского: культура необходима для обучения пролетариата, чтобы развить в нем коллективное сознание, которое охватывало бы все жизненные аспекты, а не только социально-политическую деятельность, и полагал, что эта программа создаст духовные предпосылки для политической власти, которую еще предстояло завоевать.

Но время революции изменило порядок поэтапного развития задуманного, и теперь следовало, уже получив политическую власть, приобрести и духовную — путем культурной, но революционной перестройки. При этом считалось, что пролетариату удастся овладеть всей полнотой власти, если он распределит свои действия по трем направлениям: партия берет «под своё крыло» политическую власть, профсоюзы — экономическую, Пролеткульт — культурную. Решено было отказаться от прямой помощи отсталого крестьянства, резко отличающегося от пролетариата.

Допускалась к делу революционная интеллигенция, хотя впоследствии именно из нее вышло большинство сторонников пролетарской культуры. Несмотря на распределение функций между партией, профсоюзами и Пролеткультом, не возникало даже мысли о том, что это конкурирующие организации, лишь потом это стало точкой преткновения между партией, профсоюзами и Пролеткультом. Цель у всех трех организаций была одна: утвердить господство пролетариата во всех значимых общественных сферах.

Теоретики Пролеткульта А.А. Богданов, В.Ф. Плетнев считали, что пролетарская культура может создаваться только представителями рабочего класса. Они признавали годным для строительства новой жизни из классического культурного наследия только то, в чем обнаруживалась связь с национально-освободительным движением и выступали за создание «чистой» пролетарской культуры. Общеизвестно, что развитие культуры — это единство процессов освоения предшествующей культуры и создания новых культурных ценностей. Источником развития культуры является деятельность каждого нового поколения. Эта деятельность осуществляется в каждый конкретный исторический период на базе того, что было создано до него более ранними поколениями людей, и обязательно включает в себя наследование, освоение и переработку прошлого опыта.

Феномен Пролеткульта, т.е. общественных пролетарских культурно-просветительных организаций, был взращён на основе глубинных проблем взаимодействия революционного субъекта и формированием всеобщей сознательности масс. Каким должно быть сознание людей, чтобы после революции, да ещё в условиях трансформации первой мировой войны в гражданскую на территории России, стало бы возможным построить по-настоящему новое общество? По идее, новую культуру должен творить каждый желающий, но для этого необходимы знания, образование. Как тогда лучше организовать массовое просвещение? Возможно ли научить новой культуре, которую никто никогда еще не видел, и стоит ли обучаться ей у старых «буржуазных спецов»? И должна ли быть эта новая культура столь уж невиданной? Наконец, кто всё-таки должен её строить — пролетариат, главный революционный субъект согласно марксизму, или все оказавшиеся в послереволюционном мире?

В.И. Ленин широко ставил проблему духовного наследия. Широта здесь сочеталась с оценкой культуры прошлого, пониманием водораздела между тем, что бесценно во все времена, и тем, что в прошлой культуре имело узкоклассовый смысл и могло быть изъято из обращения. Бесценным же в культуре и искусстве прошлого для Ленина было все то, что обнаруживало так или иначе связь с народной жизнью, с прогрессивными идеями, с борьбой классов за свое социальное равноправие и участие в общественной жизни. Годы окопной жизни и обнищание всех слоёв населения резко снизили ценность человеческой жизни, фронтовики первой мировой, привыкшие к кровавым боям, тяготели к насильственному решению общественных проблем, что во многом способствовало огромной жестокости террора с обеих сторон в годы Гражданской войны.

В советское время началом Гражданской войны в России обычно считался май 1918 г., а концом — ноябрь 1920 г. (Ольштынский, Волошин, Быкова). Другие авторы (Крамаренко, Волобуев, Ходяков) придерживаются других временных границ — 1917–1922 гг., т.е. весь период вооруженного противоборства в губерниях со славянским населением (в Средней Азии бои длились до 30-х годов). Одно преимущество у красных перевешивало все остальные: авторитет их лидеров. Ментальность Ленина в сочетании с пониманием психологии масс, динамизм и фанатизм Троцкого, целеустремленность и административный талант Сталина обладали сами по себе достаточным весом, чтобы склонить чашу весов в сторону веры в победу красной над белой гвардией. И именно гражданская война стала тем историческим фоном, на котором и под влиянием которого развивал свою деятельность Пролеткульт. Государство помогало пролеткультовцам подбирать педагогов и лекторов, обеспечивать

их жильем, а также предоставлять помещения для работы. Еще в январе 1918 года Ленин подписал декрет «О национализации здания “Благородного собрания” в Петрограде и передаче его Пролеткульту».

Руководство Пролеткульту видело главной целью в этот период приобщение пролетариата и примкнувшего крестьянства к культурным достижениям, раскрытию ценностей и интересов низших слоёв населения, чей голос ранее не был представлен в искусстве и обществе. Русский человек, вышедший навстречу миру техники с его глобальным законом безразличия к земному бытию, человеческому чувству, испытывал ценностный дискомфорт, в свете которого необходимо было найти своё место существования в грубом и жестоком мире, не ожесточаясь самому, поскольку это оправдывало бы смысл его человеческого бытия и поведения. Будучи каждый сам по себе не в силах противостоять мировоззренческим коллизиям, в которых вынуждены были жить все в тогдашней России, люди предпочитали объединяться в коммуны Пролеткульту, чтобы вместе с другими преодолевать духовный хаос и осуществлять поиск идентичности.

Болезненной проблемой культурной революции было то, что широкие массы «не хотели понять» своих «истинных интересов» (с точки зрения руководителей Пролеткульту — А.А. Богданов, В.Ф. Плетнев), что нужно сделать, чтобы творить новое общество. Это хотела знать только мыслящая интеллигенция, взявшаяся выступать и хотеть от имени рабочих, крестьян и солдат. Сторонники «Пролеткульту» на вопрос «что делать?» отвечали, что необходимо поднимать уровень культуры пролетариата. Для этого нужно с помощью сети культурно-революционных школ готовить кадры творчески образованных рабочих.

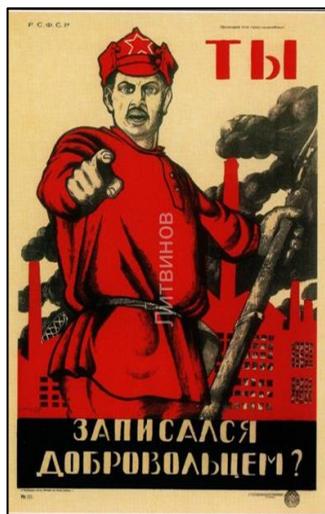
Пролеткульты в сжатые сроки смогли развить разноплановую работу в самых разных организационных формах с использованием широкого набора методов и приемов работы. Помимо всестороннего культурного просвещения масс, Пролеткульт всячески стремился развивать креативные, творческие способности жителей страны. «Во всех областях работы он положил в основу творческое начало самодеятельности, создав для пролетариата полную возможность свободно творить и работать», — писал П. Керженцев [1, с. 8].

К 1920 г. было зарегистрировано более 300 организаций Пролеткульта, их работу освещали около 20 газет. Программа пролетарской культуры разъяснялась в журналах «Пролетарская культура», «Грядущее», «Горн». В стране активно работало 128 литературных пролеткультовских студий, которые объединяли вокруг себя начинающих поэтов и писателей, издавались сборники пролетарской поэзии и прозы. Театральных студий было более 260, доступ в них был открыт для всех желающих. В конце 1921 года в Петрограде действовало 523 кружка, в том числе 135 музыкальных и 131 драматический. По ширине охвата населения Пролеткульт осуществлял в России культурную революцию, программу которой заложил Богданов своими работами в области культуры, заявляя о необходимости создания нового типа человеческой личности, то есть нового человека. Пролеткульт организовывал кружки и студии актёрского мастерства, издавал журналы, публиковал сборники стихотворений и рассказов пролетарских писателей. Эти мероприятия 1917 г. поддержали известные и состоявшиеся поэты: С.А. Есенин и А.А. Блок — участники первой мировой войны.

В 20-е годы в литературу пришло много талантливых писателей: В. Каверин, Л. Леонов, М. Шолохов, А. Фадеев

и др. Продолжали работать признанные еще до революции: В. Маяковский, С. Есенин, Д. Бедный, М. Горький, А. Серафимович и др.

Популярными стали такие журналы, как «Новый мир», «Красная новь», «Октябрь», «Звезда», «Молодая гвардия». В годы Гражданской войны появилось множество литературных групп. В 1917–1918 гг. действовала группа «Скифы», в рядах которой находились крестьянские поэты С.А. Есенин и Н.А. Клюев. В области изобразительного искусства знаменитые полотна создали К.С. Петров-Водкин (картина «1918 год в Петрограде»), К.Ф. Юон (картина «Новая планета»), Б.М. Кустодиев (1878–1927) (картина «Большевик»). Отдельным направлением в изобразительном искусстве стало изготовление плакатов. Советские плакаты были посвящены преимущественно военно-политическим событиям Гражданской войны. В этом направлении проявил себя Д.С. Моор (1883–1946), создавший в 1920 г. знаменитый плакат «Ты записался добровольцем?». Плакат был создан за одну ночь в конце июня 1920 года в трудный для Красной армии период: на Западном фронте — разгар польской операции, на Южном — успешные действия Врангеля. Рабоче-крестьянская армия остро нуждалась в добровольцах. Плакат обеспечил их. «Я собрал много разговоров по поводу этого плаката. Некоторые мне говорили, что они стыдились его, что им было стыдно не записаться добровольцами», — сообщал Моор в своей автобиографии.

Плакат Моора. Фото из открытых источников

Видный деятель Пролеткульта П. Керженцев одним из важнейших способов воздействия на сознание пролетариата и всех поддерживающих Советы граждан России считал массовые празднества: «Народные празднества, театрально и эстетически воспитывая массу и вырабатывая методы коллективного творчества, готовят дорогу к тому массовому социалистическому театру, где театральное действие будет твориться всей трудовой массой, творчески импровизирующей грандиозное зрелище». Образцы подобных народных зрелищ известны еще с Древней Греции: спортивные состязания, олимпийские игры, элевсинские и дионисийские мистерии, сатурналии, в которых участники проходили посвящение, получали тайные знания о сотворении мира. В России до XVIII века в храмах разыгрывалась мистерия, называемая «Пещное действо».

Массовые зрелища 1918–1920 годов в Советской России стали уникальнейшим явлением народного искусства и героики культуры тех лет. Одно из первых массовых действий называлось «Мистерия освобожденного труда». Его премьера состоялась 1 мая 1920 года у Фондовой биржи в Петрограде, режиссер А.Р. Кугель, собравшая в качестве зрителей и участников 4 500 чел. В инсценировке «Взятие Зимнего дворца» 7 ноября 1920 года участвовали уже 8 000 красноармейцев, матросов и представителей театральной молодежи. Для инсценировки были сооружены две огромные площадки, одна — для «красных», другая — для «белых», в качестве третьей площадки был Зимний дворец.

Особое место в работе Пролеткульта занимали «Окна сатиры РОСТА» — серия плакатов, созданных в 1919–1921 гг. советскими поэтами и художниками, работавшими в системе Российского телеграфного агентства. В создании «Окон сатиры РОСТА» принимали участие поэт В.В. Мая-

ковский, художники К. Малевич, Д.С. Моор — каждый из них прошел окопы Первой мировой войны. Сатирические плакаты «Окон РОСТА» были посвящены злободневным событиям, прославляли советскую власть и критиковали её противников, высмеивали недостатки и пережитки в организации повседневного быта советского человека.

П.И. Лебедев-Полянский, П.М. Керженцев, В.И. Плетнев, Ф.И. Калинин, П.К. Беспалько, следуя за схемой, сформулированной А.А. Богдановым, однозначно видели задачу пролетарского искусства в том, чтобы направлять внимание писателя и поэта на классовые аспекты своего творчества. Кроме того, «критик поможет читателю разобраться во всех вереницах перед ним встающих поэтических образов и картин». Таким образом, литературная критика выступает в качестве регулятора и посредника между производителем и потребителем литературного творчества.

Проект создания новой рабочей интеллигенции озвучивается в статье Федора Калинина «Пролетариат и творчество». Автор требовал ограничить роль старой интеллигенции в творчестве пролетарской культуры, так как «те сложные, крутящиеся вихри и бури чувств, которые переживает рабочий, доступнее изобразить ему самому, чем постороннему, хотя близкому и сочувствующему наблюдателю» [7]. Он настаивал на создании рабочих клубов, в которых развивалась бы культурно-просветительская жизнь рабочего класса и которые должны «стремиться удовлетворять и развивать эстетические потребности» рабочих. Примечательно, что в средние века понятие «интеллигенция» имело теологический характер. Оно рассматривалось как Ум Божий, как высший над мировой Разум, в самом себе творящий многообразие мира и отличающий в этом многообразии самое ценное, приводящее его к самому себе. В таком смысле

это понятие употребляется и Гегелем в «Философии права»: «Дух... есть интеллигенция...».

Неоднозначное положение интеллигенции в социальной структуре общества, противоречивые взаимоотношения с властью, с народом привели к тому, что некоторые мыслители России в начале XX в. рассматривали интеллигенцию как новый эксплуататорский класс. Характерным в этом отношении является следующая точка зрения: «Интеллигенция, понимаемая как класс умственных работников, есть новая, растущая общественная сила, эксплуататорская по своей природе, хищническая по своим стремлениям, искусно и методически борющаяся за свое социальное возвышение и подготавливающая тем самым в грядущем свое самодержавное классовое господство. Источниками дохода интеллигенции является умственный труд, или реализация знаний, накопленных и приобретенных ранее. Это дает ей возможность привилегированного существования и дальнейшей эксплуатации» [2]. С позиций сего дня интеллигенция — это крупная социально-культурная общность, социальный массив людей с активной общественной позицией, профессионально занимающихся творческим умственным трудом.

В октябре 1918 года инициативная группа крестьянских поэтов и писателей: С. Есенин, С. Клычков, Н. Клюев, А. Чапыгин и др. обратилась в Московский Пролеткульт с заявлением о принятии в организацию. 12 октября 1918 года заявление было рассмотрено, на его тексте остались пометки: «К журналу 12/Х–1918 г. Вопрос оставлен открытым». Якобы пробовали создать некую «крестьянскую секцию», но отказались от этой мысли, чтобы не нарушать принципы пролетарской организации. От всей этой истории осталась только книга Есенина «Преображение» в библиотеке А.А. Богданова с дарственной надписью: «А. Богданову. Без

любви, но с уважением. С ненавистью, но с восхищением. Без приемлемости индустрии».

В январе 1919 года С. Клубень в статье «С буржуазного Парнаса — в Пролеткульт», подверг критике творчество не только крестьянских поэтов Н. Клюева и С. Есенина, но и В. Иванова, Максима Горького. «Проникая на страницы наших журналов, — писал С. Клубень, — они, в большинстве случаев, стараются протащить за собой и свое упадочное, вырожденческое искусство... которому там совсем не место» [3]. Поэт-символист Вл. Ходасевич, занимаясь со студийцами, посещавшими в Пролеткульте его лекции о Пушкине, говорил о подлинном стремлении к знанию и интеллектуальной честности рабочих, но отмечал, что именно это и не нравилось руководителям Пролеткульта. С их точки зрения, мои слушатели должны были перенять у А.С. Пушкина мастерство, литературную технику, но ни в коем случае не поддаваться обаянию его творчества и его личности. Следовательно, мои чтения представлялись им замаскированной контрреволюцией.

Теоретики и деятели Пролеткульта всеми силами старались оградить пролетарских писателей и поэтов от «чужеродного» влияния литературной старой интеллигенции. Луначарский объяснял подобную опеку в своей статье «Свобода книги и революция» (1921): «Мы нисколько не испугались необходимости цензуровать изящную литературу, ибо под ее флагом, под ее изящной внешностью может быть внедряем яд еще наивной и темной душе огромной массы, ежедневно готовой пошатнуться и отбросить ведущую ее среди пустыни к земле обетованной руку» [4]. Богданов писал в статье «Критика пролетарского искусства», что «печально видеть поэта-пролетария, который ищет лучших художественных форм и думает найти их у какого-нибудь

кривляющегося интеллигента-рекламиста Маяковского или еще хуже — у Игоря Северянина, идеолога альфонсов и кокоток» [6]. Однако многих раздражало и поведение, и творческие результаты молодых поэтов Пролеткульта. Опираясь на свои наблюдения, Н. Клюев в письме С. Есенину 28 января 1922 года писал, что золотая пролеткультовская рота кормится на подножном корму, на густо унавоженных ассигнациями советских лугах.

Поэзию в Пролеткульте рассматривали как голос эстетических кодов — манифестов. Так, А. Гастев в «Поэзии рабочего удара» (1918) и «Пачке ордеров» (1921) воплощал самую суть новой поэтики, сфокусированной на культуре труда, технологии и индустрии. На этом фоне пролеткультовская критика приобретает новые функции. Она обращается к культивированию того, что полезно и необходимо для роста сознания и производственной культуры труда рабочего. Литературная критика становится критикой политической, что, в частности, характерно для журнала «Пролетарская культура». Здесь ведется полемика с журналами, альманахами и авторами, «которые не способствуют развитию идей пролетарской культуры», или с властью, которая не хочет признать Пролеткульт как третий культурный фронт, независимый от политического и экономического, и сильный своей «социально-организующей ролью». А. Гастев работал руководителем ЦИТ. Научные идеи его были одобрены В.И. Лениным. Он сам был сторонником научной организации труда, анализировал систему Тейлора с точки зрения научного прогресса, классовых отношений, политики и экономики. Ему хотелось использовать НОТ для быстрого восстановления и развития народного хозяйства Советской России. В июне 1921 г. В.И. Ленин писал заместителю наркома финансов: «Хочется мне помочь товарищу Гастеву,

заведующему Институту труда... Такое учреждение мы все-таки, и при трудном положении, поддержать должны» [5]. А. Гастева интересовали психотехника и физиология, производственные технологии и оптика, театр и изобразительное искусство, стандартизация и богдановская тектология. Под одной крышей он собрал создателя научной биомеханики Николая Бернштейна, психотехника Николая Левитова, художников Соломона Никритина и Сергея Лучишкина, работавших с Проекционным театром в составе ЦИТ, физиолога Александра Бружеса и других специалистов. Гастевцы сформулировали не имеющую аналогов в мире идею социальной инженерии, согласно которой человек является не просто субъектом деятельности, а единицей комплекса, составной частью целого организма трудовой организации, но части решающей, главной. В институте ставились психотехнические опыты по концентрации внимания и утомляемости. В тренажерах — моделях кабин паровоза и трамвая с кинопроекциями — испытывали скорость реакции. В биомеханической лаборатории — фазы движений: для этого к суставам испытуемого крепились лампочки и делалась циклическая фотосъемка. Разработанный ЦИТ метод кладки кирпича, например, оказался при недавней конкурсной проверке его лучшим из всех методов, известных у нас и за границей! И это только один из характерных примеров. В отличие от тейлоризмов, Гастев считал, что труд рабочего должен носить творческий характер, а сам работник быть активным рационализатором производственного процесса.

Политическая модернизация страны в этот период зависела от двух основных факторов. **Во-первых**, от эффективной экономической и социальной политики власти, которая не должна была допустить потрясений в обществе. **Во-вторых**, от общественных движений, инициативы кото-

рых действовали «снизу» и были направлены на внесение изменений в политическую систему в соответствии с требованиями времени. Преодолеть отставание России от западных стран представлялось социалистическим революционерам возможным при условии обхода буржуазной стадии. Более того, при критическом использовании западного опыта казалось, что удастся избежать ошибок и издержек буржуазного социального строительства общества. С точки зрения революционеров, в отсталости было даже преимущество: она позволяла убедить народ пойти на «социальный переворот» и перейти сразу к социализму, минуя капитализм. Эта идея хорошо «легла» на российскую почву в сочетании с национальными ментальными особенностями — коллективизмом и общинностью русского человека. Известный русский философ Н.А. Бердяев отмечал, что у нас совсем не было индивидуализма, характерного для европейской истории и европейского гуманизма. Хомяков и славянофилы, Вл. Соловьев, Ф.М. Достоевский, народные социалисты, религиозно-общественные течения начала XX века, Н. Федоров, В. Розанов, В. Иванов, А. Белый, П. Флоренский — все против индивидуалистической культуры, все ищут культуры коллективной, органической, соборной» [9, с. 141].

«Дух авторитета, дух индивидуализма, дух товарищества — это три последовательных типа культуры, — писал А. Богданов. — Пролетарская культура принадлежит третьей, высшей фазе». И действительно, именно товарищество, поощряющее инициативу самых низов, ставилось во главу угла в работе пролеткультовцев. Для того чтобы пролетариат осознал свою жизнь в новых условиях, ему необходимы были знания о целях социализма, о способах его осуществления, необходим был опыт, полученный в открытой классовой борьбе с буржуазией. Данная работа должна была

включать в себя и просветительную деятельность, и агитацию, расширять мировоззрение рабочих, создавать предпосылки и основу культуры будущего социалистического строя. Эта идея сочеталась также с общим отношением страны к грамотности, рационализации повседневного быта.

Николай Кузьмин разработал научную организацию быта и жизни в коммуне. «Научная организация материальных частей архитектуры (свет, цвет, форма, вентиляция и т.д.), или, вернее, научная организация работы — это есть одновременно и организация эмоций человека, являющихся прямым следствием производительности, т.е., например, повышение работоспособности человека является источником его радости». Идея «обобществления быта», то есть отказа от личного имущества и индивидуального ведения хозяйства в пользу коммунального быта, яслей, фабрикухонь и общественных прачечных, была чрезвычайно популярна. Николай Кузьмин довел ее до предела: темой его дипломного проекта стало создание города-коммуны для шахтеров из города Анжеро-Судженск. Записав интервью с горняками и проанализировав ужасающие условия, в которых они существовали, он построил круговую схему их жизни — от рождения к смерти. Следуя этому кругу, Кузьмин спроектировал комплекс зданий, связанных между собой переходами и соответствующих разным возрастам и периодам жизни человека. Среди многих домов-коммун, проектированных в СССР на рубеже 20–30 годов XX века, один заслуживает особенного внимания, так как олицетворяет собой идеи большевистской перестройки быта и пространства. Его создал не столичный архитектор, а томский студент Николай Кузьмин (1905–1985). Жилье — орудие революции. Для первого поколения зодчих, выросших в социалистической России, архитектура уже не являлась лишь ис-

кусством или техническим умением. Н. Кузьмин, Дипломный проект «Дом-коммуна для Анжеро-Судженских горняков», руководитель К. Лыгин, Томск 1928–1929, копия документа в архиве Музея истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина, № 2201 [8].

Новорожденные и дети помещались в ясли и «деточаги», достигнув школьного возраста, переводились в дома для школьников, потом переезжали в студенческие общежития, затем в дома-коммуны и, наконец, в дома престарелых. За питание, уборку, стирку и другие повседневные дела отвечали специальные сотрудники.

Все жизненные процессы Кузьмин разделил на семь категорий:

1. Отдых, сон, восстановление сил.
2. Питание.
3. Половая жизнь.
4. Воспитание детей.
5. Культурное и физическое развитие.
6. Хозяйственное и санитарно-гигиеническое обслуживание.
7. Медицинское обслуживание.

Статья Кузьмина, ставшая манифестом Научной организации быта — НОБ, — вышла в 1930 году в журнале «Современная архитектура». Однако его идеи так и не удалось претворить в жизнь: вскоре началась кампания против радикальных социальных экспериментов 1920-х, и Кузьмина обвинили в утопических и «формалистических извращениях». И все же он не ушел из профессии, а продолжил проектировать, строить и даже изобретать. В 1960-е Кузьмин предлагал новые технологии монтажа домов при помощи дирижаблей.

Пролеткульт решал задачу создания имиджа советского человека. Октябрьская социалистическая революция впервые в мировой истории стерла социальную дифференциацию костюма. Возникло новое понятие — **массовый костюм для трудящихся**. Различия в характере одежды отныне стали связывать не с социальной проблематикой, а с условиями жизни и труда (город и деревня), климатом (районы севера, юга, Дальнего Востока), культурными и национальными традициями народностей, входящих в состав Советского государства. Октябрьская социалистическая революция, утвердившая новый социальный состав общества, повлияла на формирование моды советской страны. Трудовой народ молодой страны советов должен был хорошо выглядеть, так как подобает строителю нового общества, хотя, как именно, точно никто не знал, и все, кому суждено было пережить октябрьский переворот, просто должны были приспособиться к суровым особенностям военного и гражданского труда и быта первых послереволюционных лет.

На городских улицах появились мужчины и женщины в кожаных комиссарских куртках, кожаных фуражках и солдатских гимнастерках, перепоясанных кожаными ремнями. Культовая одежда нового времени — кожаная куртка, ассоциирующаяся с образами чекиста и комиссара, ставшая символом революционной моды Советской России. На самом деле знаменитые кожаные

куртки были сшиты еще до революции, во время Первой мировой войны для авиационных батальонов. В то время они так и не были востребованы, а после октябрьского переворота обнаружались на складах и стали выдаваться чекистам и комиссарам в качестве униформы или зарплаты.

Фото. URL:
<https://beautyproline.ru/>

Символом нового послереволюционного времени стала красная косынка — символ освобождения женщины, теперь её надвигали на лоб и завязывали на затылке, а не под подбородком, как это было традиционно принято раньше. Обувь, мужскую и женскую, составляли сапоги, ботинки, парусиновые тапочки, резиновые боты. Комсомольцы носили «юнгштурмовки» — военизированную одежду, заимствованную у немецкой молодежной коммунистической организации «Красный юнгштурм», представлявшую собой гимнастерку или куртку различных оттенков зеленого цвета, с отложным воротником и накладными карманами, носившуюся с ремнем, портупеей и фуражкой на голове. Девушки надевали юнгштурмовки с прямой юбкой тёмного цвета.

На основе юнгштурмовки была разработана единая форма для комсомольцев. Как писала газета «Красная звезда»: «ЦК ВЛКСМ рекомендует местным организациям ввести путем добровольности единую форму комсомола. За образец следует принять форму московского комсомола —

цвет хаки (темно-зеленый). ЦК считает желательным введение этой формы во всех городских организациях.

Аскетичность пролетарского костюма в 1918–1921 годах была обусловлена не только мировоззрением, отрицающим все, что было связано со «старым миром», но и тяжелейшими экономическими условиями, разрухой, гражданской войной и жесточайшей политикой военного коммунизма. Была олицетворением сурового и безжалостного времени. Вещи шили из холста, грубого полотна, бязи, солдатского сукна, байки, бумазеи, грубой шерсти. Пролеткульт участвовал в создании красноармейской формы. В 1918 году была создана специальная комиссия по выработке формы РККА и объявлен конкурс на лучшие образцы военной одежды, в котором приняли участие такие художники как Виктор Васнецов, Борис Кустодиев, М.Д. Езучевский, С. Аркадьевский и другие. В конце 1918 года первая боевая часть получила новую форму. Это был сформированный в Иваново-Вознесенске красногвардейский отряд, отправившийся на Восточный фронт в войска Михаила Фрунзе. И, кстати, именовали новый головной убор «фрунзевка» или «богатырка». Первая конная армия Семена Буденного тогда новой формы еще не имела. Но в исследованиях О.А. Второва «Начало продолжения. Российское предпринимательство и российская социал-демократия» мы читаем: «На интендантских складах уже лежала новая форма, пошитая концерном Н.А. Второва по эскизам Василия Васнецова на сибирских заводах...». Похоже, количество комплектов новой формы было не велико, что могло говорить о ее парадном характере. Форма была сшита по заказам Двора Его Императорского Величества и предназначалась для войск русской армии, в которой она должна была пройти на параде Победы в Берлине. Это были долгополые шинели с «разговорами», сукон-

ные шлемы, стилизованные под старорусские шлемы, позднее известные как «буденовки», а также комплекты кожаных тужурок с брюками, крагами и картузами, предназначенные для механизированных войск, авиации, экипажей броневиков, бронепоездов и самокатчиков. Это обмундирование было передано при организации ЧК сотрудникам этой структуры — вооруженному отряду партии. Сразу отметим, что это не единственное подтверждение «императорской» версии — в эмигрантской мемуаристке оно тоже встречалось, но в Советской России данным источником пренебрегали.

Второй аргумент метафизический, что не лишает его весомости. Дело в том, что стилистика новой формы совершенно не вписывалась в идеологию революционной республики. Древнерусские мотивы, очевидно прослеживающиеся в шлемах или шапках-«богатырках», свободных рубахах-гимнастерках и длинных шинелях с «разговорами» (поперечные стрелы-застежки), подчеркивали национальную принадлежность воинов, что никак не вписывалось в космополитичную концепцию мировой революции. Под всеми приведенными выше документами стоит подпись Л.Д. Троцкого, который не мог пропустить такое вопиющее несоответствие. Кстати, звезды на буденовках изначально были синего цвета, но на них нашивали красный вкладыш с плугом и молотом. Серп и молот, а также разноцветные (по родам войск) звезды появились только в последующих модификациях формы. В то же время в стилистику работ Василия Васнецова новая форма ложится идеально. Певец древнерусских витязей и был, по сути, создателем богатырского образа, который используется в концепции нового патриотического обмундирования. И свидетельств того, что художник занимался разработкой военной формы, достаточно. Отметим, что авторство В. Васнецова не отвергают и совет-

ские военные историки, только переносят момент создания формы на более позднее время.

Есть и чисто экономический аспект. Реально ли было в разоренной войной и дезорганизованной революцией стране всего за несколько месяцев пошить достаточное количество комплектов новой формы? Это выглядит утопией. Как и то, что за месяц можно было разработать концепцию обмундирования и почти сразу довести идею до промышленного производства. Нужно понимать, какие в 1918 году были технические условия и скорость передачи информации. Скорее всего, форма действительно была, а комиссия лишь утвердила ее и доработала. Видимо, это в большей степени относилось к символике, а не к идейной концепции. Троцкий выбирал меньшее из зол — у него, по сути, и не было иного варианта. Или использовать то, что лежало на складах, или вообще обходиться без нового обмундирования, как изначально сам нарком и предлагал сделать. А историю с комиссией и конкурсом придумали, чтобы разорвать цепь исторической преемственности, ведь негоже бойцам и командирам Красной армии щеголять в шинелях, пошитых для триумфа императорских войск. И отсутствие документов, вероятно, связано именно с этим. Упоминания могли быть уничтожены, дабы не дискредитировать новую революционную мифологию, частью которой и стали легендарные буденовки. Косвенно об этом свидетельствует и то, что на практике новая форма показала себя не блестяще и уже через 20 лет полностью вышла из употребления. Кстати, имя самого Троцкого ведь тоже почти начисто было стерто из архивов РККА.

В дореволюционной России носить готовое платье считалось уделом людей, ограниченных в средствах, богатые предпочитали заказывать одежду. Шитье на дому было традицией в российской империи и считалось важным элементом женского образования. После революции такие кружки

создавал повсеместно Пролеткульт. Здесь учили конструировать модели и создавать массовую моду. После Первой мировой войны во всем мире наблюдалось упрощение костюма и переход к массовому промышленному производству одежды. Для управления предприятиями были организованы территориальные тресты в Москве (знаменитый Москвошвей), Ленинграде, Минске, Баку и других городах. Фабрики переходили на более широкое разделение труда, а к концу восстановительного периода с 1925 года начался постепенный переход к поточной организации производства, резко повышающей производительность по сравнению с индивидуальным пошивом.

Советские швейные фабрики начали шить женские и мужские костюмы, легкое платье, пальто и полупальто из различных тканей, белье всех видов, детскую одежду. В связи с требованиями потребителей трест «Москвошвей» ввел прием индивидуальных заказов. При художественно-производственном подотделе ИЗО Наркомпроса открылись «Мастерские современного костюма». Это была первая в Советской Республике творческая экспериментальная лаборатория новых форм одежды. Надежда Ламанова обратилась к министру культуры Луначарскому с предложением о создании мастерской современного костюма. Перед Ламановой стояла задача создать рабоче-крестьянскую моду, и для этого она проявляла колоссальную изобретательность, используя дешевые, простые и грубые материалы, учитывая послереволюционную разруху. На первые показы мод приглашались партийная элита, знаменитости, передовики легкой промышленности. В «Ателье мод» вместе с Надеждой Ламановой, возглавлявшей творческую работу, трудились выдающиеся художники — Вера Мухина, Александра Экстер, Надежда Макарова, специалист прикладного искусства Евгения Прибыльская, тогда же был издан один номер журна-

ла «Ателье», в работе над которым приняли участие многие известные художники.

Модели Н. Ламановой

Грандиозность замысла определялась одним только перечнем звездных имен, давших свое согласие на сотрудничество в журнале. Среди знаменитостей были художники Юрий Анненков, Борис Кустодиев, Кузьма Петров-Водкин, Александр Головин, Константин Сомов, Игорь Грабарь, скульптор Вера Мухина, поэт Анна Ахматова, историк искусств Николай Пунин и многие другие. Журнал иллюстрировался вклейками цветных рисунков. Первый советский журнал мод должен был уделить самое пристальное внимание «детальной разработке вопросов о новом женском костюме», а также отразить «всю разнообразную творческую работу Ателье Мод», а, кроме того, знакомить читателей с новостями в области искусства, театра и спорта.

Журнал «Ателье» вышел тиражом 2 000 экземпляров и имел большой успех. Огромный интерес вызвало то, что в конце номера давался «Обзор модных течений из иностран-

ных журналов». Однако первый номер журнала мод оказался и последним. В журнале «Швейник» появилась заметка: «Как не стоит художничать», в которой вся деятельность «Ателье» подверглась самой суровой критике. В 1925 году к идеологическим обвинениям добавились и экономические трудности, и первый советский модный дом претерпел сильные изменения. Был назначен новый директор, сокращен штат, и знаменитое московское «Ателье мод» превратилось в обычную номенклатурную модную мастерскую, обшивавшую партийных жен и знаменитостей.

В 1926 году начал выходить журнал мод «Искусство одеваться», новое издание было не только модным, но и «культурно-просветительским» с целым рядом интересных рубрик: «Парижские письма» — (сообщения корреспондента из Парижа о тенденциях моды), «Курьезы мод», «Прошлое костюма». Кроме того, в нем печатались статьи ведущих модельеров, врачей-гигиенистов, реклама товаров. В журнале можно было увидеть новые разработки конструкторов одежды М. Орловой, Н. Оршанской, О. Анисимовой, Е. Якуниной. Открывала первый номер модного журнала статья Луначарского «Своевременно ли подумать рабочему об искусстве одеваться?». Простые граждане также привлекались к дискуссии и могли высказывать свои соображения. «Нашим пролетарским художникам при помощи масс нужно заняться созданием новых мод, «своих», а не «парижских». В этом им помогут партийные и комсомольские собрания», — утверждал москвич тов. Юханов в своем письме в «Комсомольскую правду». В 20-е годы появились журналы — «Модный журнал», «Моды сезона», «Модный мир», «Моды», «Модели сезона», «Четыре сезона», «Вестник моды», «Женский журнал» и пр. Модели одежды печатались в женских журналах, таких как «Работница», «Крестьянка» и др. В

1928 году выходит «Домашняя портниха» — журнал мод с рисунками моделей одежды и пояснениями к ним, выкройками и советами портнихам. Художники 20-х годов предложили различные варианты производственных костюмов для хирургов, пилотов, пожарных, строителей, продавцов. Родоначальник советского плаката латышский художник Густав Клуцис разработал костюм шахтера с лампой на шлеме и сигнальным поясом, где находилась сложная клавиатура из кнопок. Одежда становилась как бы микросредой человека. Сырьем для первых моделей советского костюма были все те же — холст, полотно, бязь, ситец, сукно, байка, бумазья, грубая шерсть. Яркий и странный футуристический костюм нашел своих поклонников среди молодежи; «супрематические» орнаменты на свитерах и шарфах, которые вывязывала мать художника Казимира Малевича, находили спрос, равно как и эскизы рисунков Ламановой для модных туалетов из шелка в стиле кубизма или супрематизма.

Профессиональная принадлежность костюма выявлялась через его конструкцию и специфические технические устройства. Костюм становился профессиональным инструментом в работе. В 20-е годы велось множество дискуссий о переустройстве быта советского человека. В 1928 году на страницах газет регулярно появлялись полемические статьи на эту тему. Обсуждалось, какие дома и квартиры нужны рабочим, какой должна быть мебель, чем должен быть украшен интерьер в доме советского человека, есть ли альтернатива кружевным салфеточкам, фарфоровым статуэткам, слоникам и прочим атрибутам мещанского быта. Проблема формирования стиля жизни, советской моды были одной из центральных. Например, в «Комсомольской правде» можно было прочитать следующие рассуждения на те-

му: «имеется ярко выраженная потребность противопоставить образцам «лучшей одежды» из магазинов на Петровке и Кузнецком мосту какую-нибудь свою, советскую, «комсомольскую» моду».

В первые годы советской власти, когда дефицитом было буквально все, слово «прозодежда» подразумевало не только удобную одежду для профессиональных нужд. Под «прозодеждой» понималась также и часть так называемой натуроплаты, половину которой выдавали продуктами, а половину вещами. Удовлетворить потребность в обуви и одежде всех желающих было невозможно, из-за чего в обществе вспыхивали серьезные конфликты. Например, в Петрограде в конце зимы 1921 года на многих фабриках и заводах из списков претендентов на прозодежду исключили не только служащих, но и лиц, не достигших 18 лет. Из-за этого стали возникать «волынки» — особые формы забастовок. Для урегулирования конфликта нуждающимся выдали по одной простыне, одному полотенцу и одной паре ботинок, рассчитанной на троих. Прозодежда распределялась по принципу «классового пайка». Привилегированным классом считались рабочие и партийно-советская номенклатура. На одной из челябинских шахт в 1922 году администрация выданные забойщикам сапоги обменяла на лапти. В сапоги же приоделись сами работники администрации. Нормирование одежды продолжалось до осени 1922-го, так что свой истинный смысл слово «прозодежда» обрело лишь с 1923 года.

Введение новой экономической политики предоставило жителям советских городов уникальную возможность легально покупать одежду впервые с 1917 года. НЭП — новая экономическая политика, существовавшая в советской стране с 1922 по 1929 год, имела целью восстановление народного хозяйства и последующий переход к социализму.

Правда, экономика и покупательская способность населения росли очень медленно, и многие рабочие донашивали униформу времен гражданской войны. С принятием программы НЭПа жизнь в Советской России изменилась. В разоренной революцией и войной стране, после повсеместного голода, разрухи, дефицита всего вдруг воцарилось изобилие. Посмотреть на внезапно объявившееся разнообразие товаров мог каждый житель столицы, или крупного города, но купить их могли немногие. Частные предприниматели — нэпманы — начали завозить в Россию одежду из Европы. В дорогие модные импортные вещи одевались сами нэпманы и семьи средних и высокопоставленных функционеров, а также известные люди, обласканные Советской властью. Так что перспективы НЭПа оказались не самыми радужными. В стране все еще царили разруха, безработица, нищета, беспризорщина.

Говоря о моде молодой советской страны, приходится описывать одежду, в которую одевались жители прежде всего Москвы и крупных городов. В моде были искусственные цветы, нити жемчуга, обернутые вокруг шеи, высокие ботиночки на шнуровке, меховые горжетки из лисы или песца, каракулевые жакеты. Важный аксессуар — шляпки — в первые послереволюционные годы подвергались критике, как признак буржуазности, и активно вытеснялись красными косынками. Роскошью считались мужские ботинки «бульдоги». Каждый второй мужчина 20-х и 30-х гг. предпочитал носить полотняные брюки и белые парусиновые туфли, которые чистили зубным порошком, полосатые футболки. Их носили и мужчины, и женщины. Крашеный кролик был самым распространенным мехом того времени. Те, кому не по карману были частные магазины, выменивали обувь на барахолках или донашивали старую, зимой многих

выручали валенки. Для рядовой советской труженицы конца

20-х–начала 30-х годов был присущ некий усредненный стандарт, нужно было выглядеть как все, быть как все, ничем не выделяться. В стране, где слово коллектив звучало повсюду, индивидуальность не приветствовалась. Люди выглядели довольно однообразно. Мужские гимнастерки, перекочевавшие в женский гардероб, подчеркивали равноправие между советскими женщиной и мужчиной.

Документы — архивные, газетные и журнальные статьи, относящиеся к началу 20-х годов, буквально изобилуют настойчивыми призывами о необходимости переделки быта, художественного воспитания масс, способных не только воспринимать и ценить художественную культуру, но и самим создавать ее. Огромное внимание привлекает в это время производственное искусство, ибо оно, с одной стороны, как никакая другая отрасль, захватывает громадные массы трудящихся. С другой стороны, сами продукты промышленного производства являлись проводниками культуры нового общества, наиболее массовыми и доступными членам этого общества. В известном сборнике «Искусство в производстве» эта проблема рассматривается в ряду основных проблем освобожденного труда: «Производственное искусство вращается в самую глубину новых индустриальных форм созидательного процесса». Горячо и взволнованно звучали голоса деятелей культуры в защиту идей производственной эстетики. Каждый трудящийся должен научиться понимать, что такое стиль, сознавать всю важность гармонического ансамбля обстановки, в которой каждый предмет является одним из тех штрихов или красочных пятен, из которых составляется красивое художественное целое. Рабочий должен не только понимать, что и для чего он делает,

но и должен научиться сочинять весь предмет в его окончательном виде в связи и в гармонии с целым, общим». Это была четкая и вполне конкретная программа в области производственного искусства, актуальная и сегодня.

В феврале 1920 года в Пролеткульте произошел раскол: поэты Василий Александровский, Сергей Обрадович, Семен Родов, Михаил Герасимов, Владимир Кириллов и другие создали группу «Кузница», которая, не отказываясь от идеолов Пролеткульта, отдавала предпочтение профессионализации писателя, заново открывала ценность мастерства и художественного труда и считала себя кузницей пролетарского искусства, где должна развиваться высококвалифицированная художественная работа. С самого начала своей деятельности в Пролеткульте интерес к «овладению мастерством классиков» практически отсутствовал. Так, в статье «О форме и содержании», опубликованной в июньской книжке журнала «Грядущее» за 1918 год, один из идеологов Пролеткульта Павел Беспалько писал: «очень странно бывает, когда “старшие братья” в литературе советуют писателям из народа учиться писать по готовым трафаретам Чехова, Лескова, Короленко. Нет, “старшие братья”, рабочий-писатель должен не учиться, а творить, т.е. выявлять себя, свою оригинальность и свою классовую сущность. В поэтическом мастерстве мы должны набить руку в высших организационных технических приемах и методах, и только тогда наши мысли и чувства вкуют в оригинальную пролетарскую поэзию». Тем самым «Кузница» сделала первый шаг в сторону от пролеткультовского радикализма и эстетического прожектерства.

В.И. Ленин, прочитав статью В. Плетнева «На идеологическом фронте», сделал в тексте ряд пометок. Автор статьи утверждал: «Задача строительства пролетарской культуры

может быть решена только силами самого пролетариата, учеными, художниками, инженерами и т.п., вышедшими из его среды». Ленин подчеркнул в этой фразе слова «только» и «его» и на полях заметил: «Архифальшь». Рядом с другой фразой: «Пролетарский художник будет одновременно и художником и рабочим», вождь написал: «Вздор». В итоге он пришел к неутешительному для автора статьи выводу: «Учиться надо автору не «пролетарской» науке, а просто учиться» [10].

Историографический анализ свидетельствует, что проблема теории и практики Пролеткульта с годами привлекает внимание современных исследователей, сформировались подходы, в научный оборот введены новые архивные источники, методика обработки и обобщения исторической информации. Необходимо дальнейшее глубокое изучение таких проблем, как корни и истоки теории «пролетарской культуры» в России, соотношение теории и практики Пролеткульта, его роли и места в системе советского общества на всем протяжении существования этой организации, влияния идеологии и практики Пролеткульта на развитие культуры страны.

Недостаточно разработанной остаётся история региональных организаций Пролеткульта. Дело в том, что история советской России с точки зрения строительства гражданского общества — это история борьбы власти с творческими инициативами, идущими из низов как бы ни парадоксально это не звучало. Плюрализм, независимость и гражданская активность в большинстве случаев рассматривались государственной властью как негативные и опасные для ее существования факторы, тем более в первые годы становления власти Советов. В рамках консолидации государственной власти почти игнорируются в то время любые

самостоятельные проявления гражданской активности. Пролеткульт не был подотчетен партии, и его массовость в 1920 году Ленина сильно напрягала, поскольку возникал риск раздвоения власти. Была некоторая конкуренция у Наркомпроса и Пролеткульта, которые работали в одной сфере, и Ленину нужнее был встроенный в систему Наркомпрос. Хотя масштабы и агитационно-пропагандистская направленность пролеткультовской деятельности создавали платформу для автоматизации в усвоении массами новой идеологии.

Расцвет деятельности Пролеткульта относится на 1918–1920 гг., когда он объединил более полумиллиона человек. То, что у него получилось за 4 года после революции, — это не совсем точная реализация того, о чем писали Богданов и Лебедев-Полянский. Это было действительно массовое и стихийное движение не очень образованных масс, в котором участвовали не всегда пролетарии, но и крестьяне и интеллигенция, и которое в идеологическом плане часто противоречило само себе. Московский пролеткульт еще как-то пытался оглядываться на Богданова, а все остальные были далеки от следования центральной линии. Под руководством Пролеткульта осуществлялось стихийное расширение культурных рабочих центров по всей стране и ряд периодических изданий (среди них «Пролетарская культура», «Грядущее», «Горн», «Гудки»).

В декабре 1920 г. было опубликовано решение ЦК о Пролеткульте, где отвергались попытки выдумывать особую пролетарскую культуру. На первый план ЦК ставил задачу преодоления культурной отсталости. 20-е годы связаны с отходом от политики военного коммунизма, с пересмотром взглядов политических деятелей на пути, формы и методы дальнейшего развития страны.

Болезнь и смерть В.И. Ленина, кадровые перестановки в ЦК РКП(б) и правительстве отразились не только на теоретической мысли 20-х и последующих годов, но и на практической деятельности Пролеткульта. Это было время, когда политики активно стремились к реализации своих взглядов по вопросам строительства социализма и создания личности нового типа. Особенностью решения проблемы формирования нового человека состояла в том, что она отражала определенные взгляды конкретного политика, который рассматривал ее с идеологических позиций, влиявших на духовное развитие общества, но прикрытые общечеловеческими идеями, устремлениями, связанными с обретением прав свободы, равенства, культуры, духовного обновления, применительно только к одному классу — пролетариату. Ярким примером тому являются концепции А. Богданова, Н. Бухарина, А. Луначарского, Л. Троцкого.

Бухарин и Троцкий были членами ЦК РКП(б), правительства, видными деятелями III Интернационала; Богданов и Луначарский были теоретиками и руководителями культурной политики советского государства, возглавляли Пролеткульт и Наркомпрос.

В 1921 г. была упразднена автономия высших учебных заведений, поставленных под бдительный надзор партийных и государственных органов. Уволены профессора и преподаватели, не разделявшие коммунистической идеологии. К середине 1920-х гг. прекращается деятельность частных книгоиздательств, возникших в период НЭП, закрываются независимые научные и литературно-художественные журналы. В 1922 г. был учрежден Главлит, осуществлявший цензуру за всей печатной продукцией. Многие общественные профессиональные и творческие организации, оказавшиеся в оппозиции к советской власти, например, Всерос-

сийский учительский союз, Союз деятелей художественной культуры. Союз деятелей искусств и др., были распущены. Деятельность Пролеткульта была переподчинена профсоюзам, а после ухода Луначарского полностью подчинена требованиям партии. Ее сеть сокращалась. Из 340 отделений осталось 54, и те работали в полном объеме. Формально он продолжал существовать до принятия постановления «О перестройке литературно-художественных организаций» в 1932 г.

Значительное число публикаций о Пролеткульте начинает появляться только с конца 1950-х гг. Изучением Пролеткульта занимаются представители различных отраслей знания: философы, историки, литературоведы, искусствоведы. Кроме того, публикуется ряд важнейших документов, связанных с деятельностью Пролеткульта (Н.Б. Волкова, В.В. Горбунов, А.Ф. Ермаков, И.С. Смирнов). В научный оборот вводится большой материал фактических данных о деятельности Центрального Пролеткульта (В.В. Горбунов) и местных пролеткультовских организаций (В.В. Горбунов, Н.А. Милонов, В.Г. Пузырев, В.Л. Соскин и В.П. Буторин, Т.А. Хавина). Обобщаются сведения о художественных студиях Пролеткульта (Л.А. Пинегина, Г.Ф. Федотова); исследуется театральная практика Пролеткульта (Д.И. Золотницкий); рассматриваются вопросы эстетики Пролеткульта (П.Л. Арончик, Н.В. Дементьева, Л.Ф. Денисова, М.И. Шумаков и др.). Изучается характер взаимоотношения партии и государства с Пролеткультом (В.В. Горбунов, Н.И. Демидов, И.С. Смирнов, З.В. Шанышина и др.), а также полемика по вопросу о «пролетарской культуре» в октябре 1922 г. (В.В. Новиков и др.).

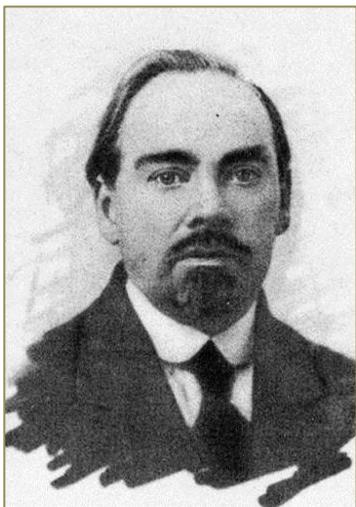
Исследовалась взаимосвязь Пролеткульта с другими литературными объединениями 1920-х гг., а также с обще-

ственными деятелями этого времени, в частности А.В. Луначарским. Оценивая в целом разработанность тематики Пролеткульта в научной литературе первых двух периодов, можно констатировать, что большинство работ в концептуальной их части с точки зрения современного социально-гуманитарного знания являются устаревшими, а зачастую просто выдуманными. Однако значительный фактический материал, введенный в научный оборот в это время, актуален и сегодня.

С конца 1980-х гг. в отечественной науке происходит настоящий «взрыв» научного интереса к личности и творческому наследию А.А. Богданова. Предметом изучения становятся: философия А.А. Богданова и его тектология — всеобщая организационная наука, политическая деятельность А.А. Богданова и его взаимоотношения с В.И. Лениным и другие проблемы «богдановедения». Издаются ранее не публиковавшиеся материалы, документы и труды самого А.А. Богданова. Проблемам теории культуры А.А. Богданова посвящены работы М. Арапова, Г.Д. Гловели, Е.П. Максименко, Н.Н. Никитиной, П.П. Плюто, Л.М. Чижовой и других.

Западным научным сообществом проблемы культурного развития Пролеткульта изучались весьма интенсивно, в том числе и теории, и практики Пролеткульта посвящены работы: Sh. Fitzpatrick, G. Gorzka, L. Mally, D. Oliver. Деятельность Пролеткульта нашла отражение в исследованиях К. Аймермахера, Z. Sochor, Sherrer и других. Теория культуры А.А. Богданова также являлась предметом изучения западных ученых, в частности К. Mänicke-Gyöngyösi, Z. Sochor, J. Sherrer и других. Зарубежная историография накопила богатый запас идей и концепций по этому поводу и которые нуждаются в осмыслении. Более того — проблема пролетарской культуры и Пролеткульта все эти годы не рассматри-

валась культурологами, а была в сфере научных интересов историков, философов и филологов.

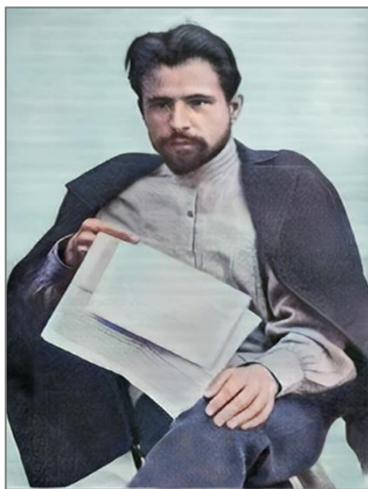
А.А. Богданов

А.В. Луначарский

М. Горький

П.И. Лебедев-Полянский

В.Ф. Плетнев

М.Н. Покровский

Глава 1. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ПРОЛЕТКУЛЬТА В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

1.1. Определение понятия «социально-культурное движение»

Термин «социально-культурное движение» как «определенная форма совместной деятельности людей» не получил должного истолкования в специальной литературе и служил скорее метафорой, нежели теоретическим понятием, и соответственно требует научного определения. Сегодня под социально-культурным движением понимается единство, идеологически связанной группы лиц, воплощающих идеологию путем практической социально-культурной деятельности. Толчком к формированию социально-культурных движений служат социально-культурные противоречия в обществе, которые нуждаются в разрешении. Тогда в работу включается творческая интеллигенция, которая, разрешая эти противоречия, выдвигает идеалы, программы, планы, зачастую утопические, но обладающие интеллектуальной и эмоциональной привлекательностью. Совокупность идей, сплотивших единомышленников, образует идеологию социально-культурного движения, которая входит в качестве составной части в общественное сознание. Таким образом, социально-культурное движение — это, во-первых, движение определенных культурных смыслов (идеологий) в социальном пространстве и, во-вторых, множество единомышленников, готовых реализовать эти смыслы практически.

Традиция рассуждать о социально-культурных, гражданских инициативах и концепциях гражданского общества имеет античные корни и связана с периодом наивысшего

расцвета афинской демократии. Процесс формирования содержания данного понятия в период античности был тесно связан с морально-этической оценкой поведения человека как гражданина. Об этом говорит жизненный подвиг философа-гражданина Сократа, произведения Платона и Аристотеля, Цицерона и Марка Аврелия, а также других мыслителей. Устоявшееся с этих пор сравнение человека и гражданина прошло через века и вошло в Декларацию прав человека и гражданина (1798 г.) и Всеобщую декларацию прав человека (1948 г.).

Истоки синтетического понятия «гражданское общество» уходят в формирование и соответствующую интерпретацию понятий «общество» и «гражданский». Аналогами понятия «общество» в эпоху античности и средневековья выступают «государство» и «община». И только в XIX в. «общество» обретает смысл, отличный от «государства». В широком смысле оно выступает как «совокупность всех способов взаимодействия и форм объединения людей, в которой выражается их всесторонняя зависимость друг от друга» или как «структурно или генетически определенный... тип общения, представляющий исторически как определенная целостность» — «civilis». В русском языке его синонимом является термин «цивильный».

Идея гражданского общества выступает не только отправной точкой отсчета его становления, но и обеспечивает (инициирует) его развитие, ибо идея динамична по своей сути как исторически определенная целостность». Греция эпохи Геродота с житейской мудростью анализировала природу гражданства и государственной власти, рассуждала о политических идеалах. В период расцвета афинской демократии зарождаются представления о гражданских добродетелях. Сократ как философ-гражданин своей жизнью и

смертью решает проблему соотношения предписываемого гражданской культурой и реального политического поведения. Тем самым он обратил внимание на роль законов в организации общественной жизни, а законопослушание считал гражданской добродетелью. Под властью закона общество благоденствует. Необходимым условием возникновения и принципом совершенного государства Платон считает справедливость, которая состоит в том, что каждому гражданину государства и каждому сословию отводится особое положение и занятие.

Начало общества создают материальные потребности в пище, жилье, одежде и так далее. «Испытывая нужду во многом, люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства. Возникшее государство и община рассматриваются Платоном как понятия-синонимы. Согласно Платону, гражданином является свободный член общества, принадлежащий к определенному сословию» [11].

Аристотель неоднократно подчеркивал, что человек по своей природе есть существо общественное, но и политическое, поскольку предназначен для разумной деятельности в обществе и как нравственное существо может формироваться и воспитываться только в человеческом сообществе. Аристотель разработал оригинальную социально-философскую концепцию, не потерявшую актуальности и в наши дни. Он считал, что государство возникает на определенном этапе исторического развития, когда появляется общение между семьями и родами ради совершенной и достаточной для себя жизни. Как и Платон, Аристотель полагал, что государство создано не просто для обеспечения безопасности людей и регуляции общественной жизни с

помощью законов, а должно стремиться к добродетельной жизни и всеобщему счастью.

Аристотель считал, что воспитание совершенного человека-гражданина возможно лишь в справедливом государстве, где наличие хороших законов и их соблюдение способствует воспитанию в человеке благородных качеств. Он отмечал, что «общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершенное государство, достигшее самодовлеющего состояния и существующее ради достижения благой жизни» [12, с. 378], что представляет, по своей сути, гражданское общество. Он также отмечал, что в пределах государства существует целая система других отношений со своими особыми целями достижения какого-либо блага, специфическими путями развития. Рассматривая семью, семейные отношения, религию, где нет необходимости государственного вмешательства до определенного уровня развития общественных отношений, он, по существу, осуществил определенную дифференциацию идей государства и гражданского общества.

Анализируя сущность гражданского общества, Аристотель предавал собственности особую роль и считал, что добродетелью обладают те, кто обладает собственностью. Впервые он ввел понятие о среднем классе, который и должен явиться основой стабильности любого общества. Следовательно, можно полагать, что наличие среднего класса Аристотель рассматривал как важнейшее свойство гражданского общества.

Древнеримский оратор Цицерон Марк Туллий, развивал положение Платона о «равных правах для всех» и обосновывал правовое равенство людей, отмечал, что «закон есть связующее звено гражданского общества, а право, установленное законом, одинаково для всех» [13, с. 24]. Он считал,

что подлинная свобода существует только в том обществе, «...в котором народ пользуется верховной властью...» [13, с. 130].

Итак, в политических учениях античных мыслителей сложились конструктивные представления об основных свойствах гражданского общества: о владении гражданами частной собственностью, их юридической свободе и равенстве, о главенстве права и единстве интересов государства и гражданина. Ставился важный вопрос о взаимоотношениях между обществом гражданским и обществом политическим и о степени вмешательства второго в дела первого.

В период Средневековья, характеризуемого главенством церковных властей и духовенства во всех сферах общества, политико-правовые воззрения концентрировались вокруг проблемы обоснования христианской теологии, рассматривающей существующий феодальный миропорядок как выражение Божьей воли. И как следствие, их взгляды на общество и государство выступали лишь как элементы религиозных представлений о неизбежности и вечности божественного порядка в природе и обществе.

Фома Аквинский, утверждая вслед за Аристотелем, что человек по своей природе существо общественное, главную цель государственной власти видел в том, чтобы сохранять в обществе мир и справедливость, способствовать общему благу, воспитанию добродетельной жизни у подданных и обеспечению их необходимыми для этого благами [14, с. 121]. Вклад в теорию гражданского общества внес Н. Макиавелли. Выступая за сильную государственную власть, он допускал возможность использование любых средств, а не только мораль для её поддержания. Государь, как считал Н. Макиавелли, должен «выказывать себя покровителем дарований, привечать одаренных людей... он

должен побуждать граждан спокойно придаваться торговле, земледелию и ремеслам, чтобы одни благоустроивали свои владения, не боясь, что эти владения у них отнимут, другие — открывали торговлю, не опасаясь, что их разорят налогами» [15, с. 114]. Макиавелли в определенной степени различает государственные и негосударственные сферы жизнедеятельности общества. Таким образом, выдающиеся мыслители Древней Греции, Древнего Рима и Средневековья обнаружили наличие особой формы жизнедеятельности общества, отличной от государственной формы организации общества, и показали, что, кроме государства, есть нечто самостоятельное, не испытывающее его влияния, т.е. гражданское общество.

Просвещение — идейное и общественное движение в странах Европы и Америки, связанное с общими переменами в условиях жизни под влиянием разложения феодальных и утверждения капиталистических производственных отношений. Условно исторические рамки эпохи Просвещения могут быть ограничены 1689–1789 гг. Первая — дата из английской истории, в 1688 г. совершилась, по выражению западных историков «славная революция» в Англии. Французская революция, начавшаяся в 1789 г., воспринималась современниками как воплощение просветительских идей Свободы, Равенства, Братства, ставших ее лозунгами. Просвещение оставило неизгладимый след в науке, литературе, искусстве, политике (просвещенный абсолютизм), но главным образом в истории общественно-политической мысли и общественного движения.

Деятели Просвещения боролись за установление царства разума прежде всего обеспечиваемого развитием науки. Основой такого «царства разума» должно быть «естественное равенство», а отсюда — политическая свобода и

гражданское равенство. При всем многообразии мнений большинство мыслителей сходились в оценке Просвещения как передового новаторского явления. Например, Иммануил Кант понимал Просвещение как попытку использовать разум в интересах морального и интеллектуального раскрытия личности, Фридрих Энгельс усматривал в нем идеологическую подготовку буржуазных революций. Просветителями были материалисты и идеалисты, сторонники рационализма, сенсуализма и даже божественного провидения (уповавшие на волю Бога). Часть из них верила в неизбежный прогресс человечества, другая — рассматривала историю как общественный регресс. Как течение общественной мысли Просвещение представляло собой особое устроение, интеллектуальные склонности и предпочтения. Это прежде всего цели и идеалы Просвещения, такие как свобода, благосостояние и счастье людей, мир, ненасилие, веротерпимость и др. Научное знание, ранее бывшее достоянием узкого круга ученых, теперь распространяется вширь, выходя за пределы университетов и лабораторий, в светские салоны Лондона и Парижа, становясь предметом обсуждения не только ученых, но и литераторов, популярно излагающих последние достижения науки и философии. Просветители убеждали, что просвещением масс воспитанные монархи приведут свой народ к уничтожению бесправия и несправедливости. Просветители происходили из разных классов и сословий: аристократии, дворян, духовенства, служащих, торгово-промышленных кругов; разнообразны были и условия, в которых они жили. В каждой стране просветительское движение носило отпечаток национальной самобытности.

В Англии в XVII–XVIII вв. после революции и гражданского славивания пропали резкие противоречия в обще-

стве. Развитие парламентаризма привело к упрочению правовых форм политической борьбы. Английская церковь не противопоставляла себя Просвещению, а в какой-то мере даже отвечала его идеалу веротерпимости. Это позволяло сохранить равновесие между традиционными ценностями, хранительницей которых выступила церковь, и новаторскими, которые несло Просвещение. В основных чертах политическая программа английского Просвещения была сформулирована философом Дж. Локком. Основное его сочинение «Опыт о человеческом разуме» содержало позитивную программу, воспринятую не только английскими, но и французскими просветителями. К неотчуждаемым правам человека, согласно Локку, принадлежат три основных права: **на жизнь, свободу и собственность.**

Основной литературный жанр эпохи Просвещения — роман. Успех романа, особенно значительный в Англии, был подготовлен успехом просветительской публицистики. Писатели-просветители прекрасно сознавали, насколько несовершенно современное общество и порочен человек, и все же надеялись хотя бы на то, что человечество, полагаясь на свой разум и трудолюбие, взойдет на вершины цивилизации, где его ожидает счастье. Это было время новых философских убеждений, время, когда идеи не только излагались в трактатах, но легко переключивались в романы, вдохновляли поэтов и воспевались ими. Широкий диапазон просветительской мысли представлен А. Попом (1688–1744) в дидактической поэме «Опыт о человеке», ставшей для Европы учебником новой философии. Английское искусство XVIII в. — расцвет национальной школы живописи в Англии — начинается с Уильяма Хогарта — живописца, графика, теоретика искусства, автора серии картин «Карьера проститутки», «Карьера Мота». Хогарт был единственным ху-

дожником Английского Просвещения и первым живописцем-просветителем в Европе. Его искусство прочно связано с искусством театра, сатирическими журналами, с литературой Просвещения. Свои эстетические взгляды он изложил в трактате «Анализ красоты» (1753 г.). Хогарт много делал для введения в практику художественных выставок.

Французское Просвещение представлено Вольтером, Жан-Жаком Руссо, Дени Дидро, Шарлем Монтескье, Полем Анри Гольбахом и др. Во Франции просветители были оппозицией существующему строю. С именем Руссо связан целый этап в развитии просветительского движения Франции — радикальный пересмотр некоторых его фундаментальных целей и идеалов. Радикализм Руссо основывался на его этических воззрениях. Он требовал подчинения личности благу общества. Руссо писал: «Всякий человек добродетелен, когда его частная воля во всем соответствует общей воле». Со всей теоретической обстоятельностью воспитание естественного человека представлено в трактатах Ж.-Ж. Руссо и его романах «Юлия, или Новая Элоиза» и «Эмиль, или о воспитании». Ведущим направлением во французском искусстве XVIII в. стало рококо. Для рококо характерен уход от жизни в мир фантазии, игры, эротических ситуаций. Скульптура и живопись изящны, декоративны, но поверхностны по

содержанию. Все искусство рококо построено на асимметрии, создающей ощущение беспокойства — игривое, насмешливое, вычурное, дразнящее чувство. Не случайно происхождение термина «рококо» относят к слову раковина. Сюжеты — только любовные, эротические, любимые героини — нимфы, вакханки, Дианы, Венеры, совершающие свои нескончаемые триумфы и туалеты. Ярким представителем французского рококо стал Франсуа Буше. Первый художник

короля, как он официально именовался, директор Академии. Буше был истинным сыном своего века, все умевшим делать сам: панно для отелей, картины для богатых домов и дворцов, картоны для мануфактуры гобеленов, театральные декорации, книжные иллюстрации, рисунки вееров, обоев, каминных часов, карет, эскизы костюмов и т.д. Типичные сюжеты его полотен — «Триумф Венеры» или «Туалет Венеры», «Венера с Амуром», «Купанье Дианы».

Просветительские идеи не только влияли в целом на развитие искусства, просветители активно вмешивались в его ход. Салоны Дени Дидро были первой формой критической литературы по искусству. В русле новых эстетических идей в искусстве развивается творчество Жана Батиста Симеона Шардена, художника, создавшего, в сущности, новую живописную систему. Шарден начал с натюрморта, писал вещи кухонного обихода: котлы, кастрюли, бачки, затем перешел к жанровой живописи: «Молитва перед обедом» (около 1740 г.), «Прачка» (около 1735 г.), а от нее — к портрету. Французская скульптура XVIII в. проходит те же этапы, что и живопись. Это преимущественно рокайльные формы в первой половине века и нарастание классических черт — во второй. Черты легкости, свободы, динамики видны в скульптуре Жана Батиста Пигалья в его полном прелести легкого «Меркурия, завязывающего сандалию» (1744).

Наиболее видным представителем немецкого Просвещения был Иммануил Кант. Славу модного писателя принесла Канту работа «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» (1764). Прекрасное и возвышенное служит для него стержнем, на который он нанизывает свои наблюдения о человеческом в человеке. Предметом теоретической философии, по Канту, должно быть не изучение самих по себе вещей — природы, мира, человека, а исследо-

вание деятельности, установление законов человеческого разума и его границ. Кант подвел итог теоретическим исканиям эпохи Просвещения. В конце XVII–XVIII вв. начинает складываться музыкальный язык, на котором потом заговорит вся Европа. Иоганн Себастьян Бах, великий немецкий композитор и органист, работал во всех музыкальных жанрах, кроме оперы. Он до сих пор непревзойденный мастер полифонии. Гендель, как и Бах, использовал библейские сюжеты для своих произведений. Наиболее известные его произведения — «Саул», «Мессия».

Огромное влияние на музыкальное искусство Европы оказала венская классическая школа и ее виднейшие мастера: Йозеф Гайдн, Вольфганг Амадей Моцарт и Людвиг ван Бетховен. Венские классики переосмыслили и заставили звучать по-новому все музыкальные жанры и формы.

По мнению некоторых исследователей, итог деятельности Просвещения подвел Гёте, который показал новый исторический тип человека, напряженно ищущего Истину на основе Разума, верящего в свою созидательную деятельность, но при этом жестко ошибающегося и пока что беспомощного перед им же самим вызванными к жизни могучими силами. Иоганн Вольфганг Гете — основоположник немецкой литературы, иностранный почетный член Петербургской академии наук, начал свою литературную деятельность с бунтарства — участие в направлении «Буря и натиск», сентиментального романтизма («Страдания молодого Вертера»), прошел через период так называемого веймарского классицизма и подошел к философскому осмыслению жизненных проблем в трагедии «Фауст». Столетие Просвещения, по словам Иммануила Канта, вывело сознание народных масс «из состояния своего несовершеннолетия» и захватило потоком новых идей и веяний. В 1784 году

немецкий мыслитель Иммануил Кант в эссе «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?» дал определение эпохи следующей фразой: «Дерзайте знать! Имейте мужество использовать свой собственный разум!».

Во все эпохи в общественном сознании представлены две разнонаправленные идеологии: консервативная, защищающая сложившееся социально-культурное положение и инновационная, выступающая за новые социально-культурные ценности и отношения. Инновационные идеологии можно разделить на либерально-реформаторские, избегающие, в принципе, насилия, как средства достижения целей и радикально-революционные, признающие насилие (диктатуру) приемлемым способом достижения прогресса. Антагонизм идеологий реально воплощается в социально-культурных движениях, противостоящих друг другу. Общество, таким образом, правомерно рассматривать как «сложную систему движений и контрдвижений» (Н. Сметзер). Отсюда, с одной стороны, социально-культурные движения являются инициатором и проводником социальных и культурных изменений, а, с другой стороны, выступают в качестве общности, сохраняющей существующий порядок вещей.

Социально-культурные движения, являясь субъектом социальных отношений и субъектом саморазвития культуры, выполняют роль социальных коммуникаторов. Сущность социально-культурного движения как социального коммуниканта заключается в распространении коммуникационных сообщений (культурных ценностей, норм, практик) для массовых или специальных аудиторий. Содержание сообщений зависит от типа движения. Они могут быть направлены как на изменение существующих ценностей, норм, практик той или иной социальной общности или об-

щества в целом, если движение инновационное, или на их сохранение или возврат к прежним, если движение консервативное. Целевые ориентации движений связаны с двумя существенными пластами социальной памяти: традициями и новациями. Соперничество новационного и традиционного находит свое воплощение в деятельности социально-культурных движений.

Во взглядах и действиях многих ученых, инженеров, учителей, писателей, художников, представителей военной и других страт интеллигенции в рамках Пролеткульта отчетливо выявилась тенденция к сотрудничеству с советской властью, хотя еще не на четкой идейно-политической платформе. Наиболее дальновидные мыслящие представители старой интеллигенции решили связать свою судьбу с социализмом. Остальная ее масса оказалась как бы на идейном перепутье, осознавая невозможность жить и работать по-старому, но и еще ясно не понимая, как же жить и работать по-новому. Сделаны были лишь первые шаги. Но их значимость определялась не масштабами, а тенденцией.

Эффективность внедрения инноваций зависит от конкретной исторической эпохи. В определенные исторические периоды происходят трансформации традиционных ориентаций, что, как правило, связано с фундаментальными катаклизмами в обществе и культуре. Социально-культурная деятельность становится своеобразным зеркалом социальных и культурных противоречий, отражая в себе как взаимодействие, так и соперничество старого и нового. Социально-культурные движения в этом случае — либо форма этих катаклизмов, либо форма компенсации их разрушительных последствий. В любом случае, социально-культурные движения выполняют роль социального коммуниканта; различна лишь содержательная направленность коммуни-

кационных сообщений: на изменение (инновационное движение), или на сохранение (консервативное движение). В подобные переломные эпохи на первый план выступают два универсальных феномена — кризис культурной идентичности и культурный синтез (Н.А. Хренов). Кризис идентичности означает не только и не столько кризис отдельных личностей, коллективов, групп как носителей определенных культурных смыслов (знаний, ценностей, норм, практик), сколько кризис самого мира смыслов. Отсюда возникает потребность в создании новых культурных смыслов (идеологий), охватывающих различные сферы картины мира: интеллектуальную, этическую, эстетическую, религиозную, художественную.

В первые годы после революции именно Пролеткульт оказался единственной общественной и литературной силой, способной к самоидентификации в новом социальном пространстве (и, что очень важно, в нужном идеологическом «русле») и структурированию культурного пространства в ситуации полной растерянности и развешанности прочих группировок: «Было бы исторической несправедливостью, если бы мы прошли мимо тех первых пролетарских поэтов, которые выросли в предреволюционной грозовой обстановке, первыми заняли позиции на полях нашей литературы. Идеологически это был уже настоящий голос революции, и при том такой голос, который стоял и на определенной технической высоте», — говорит Н.И. Бухарин на первом всесоюзном съезде советских писателей в 1934 г. [16].

Пролеткульт как целое стал явлением одного краткого периода, тех вихревых октябрьских лет, когда пролеткультовские организации, при всей свойственной им ограниченности, были средоточием литературных интересов, служили определенным мировоззренческим ориентиром в кипевшей

борьбе. Как результат происходит сложение новой культурной целостности и адекватной ей идентичности. Элементы нового вводятся не только путем творческой деятельности, но и посредством критического переосмысления культурного наследия, приписывания новых значений «старым» традициям и ценностям. В 1917–1921 годах меняется культурная парадигма, происходит разрушение «классического» литературного канона и начинается создание нового, приведшего к формированию соцреализма. Пролеткульт, оказавшийся в центре этого «разлома», достаточно наглядно демонстрирует процесс смены художественного кода, происходивший в двадцатые годы и определивший магистральный путь развития русской литературы вплоть до конца XX века.

В революционной России происходило формирование новых культурных стереотипов, апробирование новых моделей, в которых важную роль сыграла поэзия Пролеткульта. В Пролеткульте отрабатываются не только идеолого-литературные схемы, но и методы руководства, управления и контроля над их порождением и функционированием в процессе структурирования идеологического пространства после Октября.

Пролеткульт не был рупором партийной идеологии. Идейная и даже эстетическая разноголосица, царившая в Пролеткульте, свидетельствовала, прежде всего, о стихийности самого Пролеткульта как организации и культурной среды, создаваемой подчас на противоположных идейных основаниях, но и демонстрирующей — как в лозунгах, так и в поэтической практике — процесс рождения идеологии «из масс», процесс самоосмысления массами самих себя в новом социальном и культурном пространстве. Отчеты Центрального Комитета и местных Пролеткультов рисуют картину

раскинувшейся по всей стране сети отделений, занимающихся «выявлением» и «распространением» пролетарской культуры. В работе Пролеткульта участвовало около 400 тысяч человек, издавалось более тридцати периодических журналов и альманахов, огромными тиражами выходили сборники пролетарских поэтов и писателей.

Слишком недолгое доминирование Пролеткульта в культуре (1918–1920 гг.), обусловленное как экстралитературными причинами, так и малым потенциалом этой художественной системы, вероятно, является причиной того, что Пролеткульт оказывается маргинальным явлением, зачастую не принимающимся во внимание вообще. Он оказался в тени РАППа, даже «Кузницы», своего дочернего образования. «Следы» пролеткультовской поэзии в советской литературе достаточно яркие, но никогда не исследовались (за исключением, пожалуй, полемики о Пролеткульте в романе Е. Замятина «Мы», рассматриваемой в работах Доронченкова, 1989. Роман Е. Замятина «Мы» (1920 г.) охватывает грани двух эпох. Он вырос на благодатной почве Серебряного века, вобрав его многокрасочность и интеллектуальность, воплотив в душе героя идеализм и склонность к всемирной идее переустройства, мечту о будущем и беззащитность перед громадой власти, механизмирующей духовные искания в общий поток мироощущения. После ленинской критики и письма ЦК РКП(б) «О пролеткультах» было принято только ругать это движение.

Пролеткульт несколько лет помогал формирующимся органам управления образованием и просвещением в организации просветительской работы с населением в период становления советских образовательных структур. Пролеткульт сыграл роль некоего культурного буфера в процессе перехода от «буржуазной» культуры к «советской». Как пи-

шет Н. Рославец: «Пролеткульт с первых же своих шагов стал организационным центром эстетической жизни для некоторой части рабоче-трудовой городской среды. Он внес в эту жизнь необходимую стройность, создав сеть учреждений для обслуживания художественных потребностей масс и для научения их художественным знаниям и выработки принципов и методов работы в указанных направлениях» [17]. Меньшутин и Синявский считают, что «установка на массовость причудливо сочеталась в деятельности пролеткультов с духом самовыражения и классово привязанности, изоляции [18, с. 48].

Огромная роль в разъяснении курса партии в сфере культуры принадлежала М.И. Калинину, А.В. Луначарскому, Н.К. Крупской и другим деятелям партии. «Правда», «Известия», партийная печать систематически выступали с разъяснением партийного курса в деле культурного строительства в советской России. Решительно отстаивали прогрессивную культуру прошлого М. Горький, К.С. Станиславский, В.И. Немирович-Данченко, А.И. Южин, М.Н. Ермолова, Ф.И. Шаляпин и другие виднейшие деятели культуры. Главным итогом идейной борьбы партии по вопросам культурного наследия явилось то, что уже в 1918–1920 гг. окончательно утвердились ленинские идеи культурной преемственности, став одной из составных частей политики партии и государства в области культуры.

Если новации не находят понимания со стороны общества (то есть, если отсутствует социальный спрос, определяемый потребностью), то всякое нововведение обречено на забвение, отторжение, или лишь на временную реализацию. В деятельности социально-культурных движений реализуются сущностные функции культуры — функции изменения и сохранения культурных ценностей, норм, практик, то есть формирования социальной памяти, являющейся одной из

основных категорий культурологического знания. Социально-культурные движения уже в те времена представляли собой огромные потенциальные кластеры культурологических событий, направленных на выявление исторической динамики их движения в контексте истории культуры и общества; раскрытии мировоззренческих (идеологических, этических, эстетических и др.) принципов, лежащих в основе деятельности социально-культурного движения; анализ психологических оснований движения (мотивов приобщения личностей и групп к движению, психологических установок, формирующих коллективное сознание и чувство культурной идентичности и др.); исследование организационно-технологических оснований деятельности движения (принципов построения, распределения функций, управления, используемых социально-культурных технологий и т.д.).

Таким образом, анализируя феномен социально-культурных движений как субъектов культуры, мы выходим на ряд значимых для культурологического знания проблем, а именно — соотношения новационного и традиционного в общественном сознании и социальной практике, эффективности творческой и коммуникационной деятельности социально-культурных движений. Отсюда возникает потребность в создании новых культурных смыслов (идеологий), охватывающих различные сферы социального бытия: интеллектуальную, этическую, эстетическую, религиозную, художественную.

Изучение опыта деятельности социально-культурных организаций, объединений, движений — актуальная задача современной прикладной культурологии. Особый научный интерес представляет социокультурный опыт многочисленных государственных и общественных организаций, стоявших у истоков формирования советской культуры.

Пролеткульт — самый значительный среди них. Актуальность темы обусловлена схожестью переживаемых российским обществом этапов в начале века и сегодня: кризис культуры, экономики, политических институтов, появление мощного инновационного пласта культуры и неспособностью культурной политики выработать приоритеты в соответствии с реальностью. Подобными тенденциями в изучении Пролеткульта представлен анализ регионального аспекта их работы.

В 1920-е годы появляются первые обобщения, в которых наблюдаются попытки систематизировать отдельные факты из истории пролеткультовского движения. В частности, история клубной работы; методические рекомендации, статистический материал, примеры студийной работы Костромских организаций Пролеткульта отражены в трудах М. Растопчиной, В. Невского, В. Буевского. Для исследователей более позднего периода эти работы имеют высокую ценность в качестве источников.

Пролеткульт сформировался как массовое добровольное общественное движение, имевшее разветвленную сеть культурно-просветительных организаций: губернских, городских, районных, фабрично-заводских. На основании анализа изменения организационных форм Пролеткульта и его роли в культурной жизни и в культурной политике в 1917–1932 гг. выделены следующие периоды.

Первый период (октябрь 1917 – октябрь 1920 гг.) — время становления и развития пролеткультовских организаций как относительно самостоятельных негосударственных массовых добровольных объединений. Пролеткульт играет одну из ведущих ролей в культурной жизни и политике пореволюционной России.

Второй период (октябрь 1920 – начало 1923 гг.) — время перерождения Пролеткульта из массового движения в составную часть партийно-государственного аппарата в сфере культуры. В этот период произошло включение Пролеткульта в партийно-государственную систему культурного строительства, его огосударствление и подчинение партийной политике. Роль Пролеткульта в культурной жизни и политике России неуклонно снижалась.

В третий период (1923–1932 гг.) произошло резкое сокращение числа его организаций, начавшееся с 1920/1921 гг. в результате политических, экономических, организационно-идеологических причин. Здесь можно выделить два полпериода: а) с 1923 по 1926 гг. и б) с 1926 по 1932 гг., то есть до включения Пролеткульта в профсоюзную культурно-просветительную систему (1926 г.) и после, до прекращения существования Пролеткульта как такового.

Угасание деятельности Пролеткульта порождало дефицит собственно советского начала в синтетической, а во многом и синкретической послереволюционной культуре. Дефицит этого начала восполнялся постепенным втягиванием в советскую культуру новых и новых пластов дореволюционного культурного наследия и в первую очередь человеческого капитала, сохраняющего преемственность по отношению к русской культуре и «поддерживающего саму культуру на должном уровне экзистенциальной ответственности» и поэтому ставшие востребованными в разных сферах российского общества.

«...Мечты и проекты — это материал, из которого делаются социальные изменения» — писал Кагельс [Кагельс, 2000].

Социально-культурные движения представляют собой обширное поле для культурологических исследований,

направленных на выявление исторической динамики движения в контексте истории культуры и общества; раскрытию мировоззренческих (идеологических, этических, эстетических и др.) принципов, лежащих в основе деятельности социально-культурного движения; анализ психологических оснований деятельности движения (мотивов приобщения личностей и групп к движению, психологических установок, формирующих коллективное сознание и чувство культурной идентичности и др.); исследование организационно-технологических оснований деятельности движения (принципов построения, распределения функций, управления, используемых социально-культурных технологий и т.д.).

Таким образом, анализируя феномен социально-культурных движений как субъектов культуры, мы выходим на ряд значимых для культурологического знания проблем, а именно — соотношения новационного и традиционного в общественном сознании и социальной практике, эффективности творческой и коммуникационной деятельности социально-культурных движений.

Плакат 1925

Символ изд-ва Пролеткульта

1.2. Анализ культурологической проблематики в научной литературе о Пролеткульте

Пролеткульт охватывал разветвленную сеть культурно-просветительных организаций: губернских, городских, районных, фабрично-заводских, объединявших в период своего расцвета (1920 г.) около полумиллиона человек. Основной задачей Пролеткульта было ознакомление рабочего класса с культурным наследием прошлого и активное содействие формированию новой, пролетарской культуры. Практическая деятельность Пролеткульта охватывала различные сферы социально-культурной практики: просветительная и образовательная (рабочие университеты, политехнические студии и курсы, научные студии и кружки, публичные лекции и т.д.); издательская (журналы, книги, сборники, учеб-

но-методические материалы и т.д.); культурно-досуговая (клубы, библиотеки, кинематограф); культурно-творческая (литературные, театральные, музыкальные и изостудии).

Как массовое социокультурное движение Пролеткульт — явление, не имеющее аналогов в истории российской культуры. Под социально-культурным движением мы понимаем единство идеологии и ее сторонников, воплощающих ее путем практической социально-культурной деятельности. Исследование истоков, сущности, закономерностей функционирования Пролеткульта с позиций современного социально-гуманитарного знания способствует более глубокому осмыслению истории и судьбы российской культуры как послереволюционного, так и последующего периода. В истории Пролеткульта, как в зеркале, отразились многие социальные и культурные противоречия российской истории 1917–1932 гг.

История взаимоотношений Пролеткульта с партийно-государственной властью позволяет сделать выводы, имеющие актуальность для современной теории и практики социально-культурной деятельности. Первые исследовательские работы о Пролеткульте принадлежали литературоведам, в частности В.Л. Львову-Рогачевскому и В.П. Полонскому, которые в соответствующих главах своих трудов рассматривали историю Пролеткульта, преимущественно в литературном аспекте. В 1930 г. был опубликован исторический очерк С. Марголина о Первом рабочем театре Пролеткульта. В 1937 г. в свет выходит книга А.В. Щеглова «Борьба Ленина с богдановской ревизией марксизма», которая предопределила на несколько десятилетий вперед модель восприятия и А.А. Богданова, и Пролеткульт.

В частности, здесь впервые был сформулирован тезис о «богдановско-пролеткультовском» нигилизме в отношении

культурного наследия. Пролеткульт, по мнению Щеглова, играл вредную роль, в результате чего «партия и правительство» ликвидировали последний. Глубокого осмысления феномена Пролеткульта в истории русской культуры 1920–1930-х гг. не было. В 1950-е гг. появляются первые работы, специально посвященные Пролеткульту (Ф.Я. Матыцин, А.А. Пухов и др.), в которых Пролеткульт обвинялся в проповедовании «враждебных взглядов», «отрыве от прошлой культуры» и т.п. Общая оценка Пролеткульта была негативной и отражала господствующие идеологические установки.

Изучением Пролеткульта начинают заниматься представители различных отраслей знания: философы, историки, литературоведы, искусствоведы. Кроме того, публикуется ряд важнейших документов, связанных с деятельностью Пролеткульта (Н.Б. Волкова, В.В. Горбунов, А.Ф. Ермаков, И.С. Смирнов). В научный оборот вводится большой массив фактических данных о деятельности Центрального Пролеткульта (В.В. Горбунов) и местных пролеткультовских организаций (В.В. Горбунов, Н.А. Милонов, В.Г. Пузырев, В.Л. Соскин и В.П. Буторин, Т.А. Хавина). Обобщаются сведения о художественных студиях Пролеткульта (Л.А. Пинегина, Г.Ф. Федотова); исследуется театральная практика Пролеткульта (Д.И. Золотницкий); рассматриваются вопросы эстетики Пролеткульта (П.Л. Арончик, Н.В. Дементьева, Л.Ф. Денисова, М.И. Шумаков и др.). Изучается характер взаимоотношения партии и государства с Пролеткультом (В.В. Горбунов, Н.И. Демидов, И.С. Смирнов, З.В. Шаньшина и др.), а также полемика по вопросу о «пролетарской культуре» в октябре 1922 г. (В.В. Новиков и др.). Исследовалась взаимосвязь Пролеткульта с другими литературными объединениями 1920-х гг.

(А.Ф. Киреева), а также общественных деятелей этого времени, в частности, А.В. Луначарского (А.В. Бугаенко).

Оценивая в целом разработанность тематики Пролеткульта в научной литературе первых двух периодов, можно констатировать, что большинство работ в концептуальной их части с точки зрения современного социально-гуманитарного знания являются устаревшими и просто неточными. Однако значительный фактический материал, введенный в научный оборот в то время, актуален и сегодня. В 1990-х гг. Пролеткульт становится предметом изучения в исследованиях смежного характера. В частности, в монографии (1997) и докторской диссертации (1998) Ю.К. Калистратова, посвященных культурному развитию рабочего класса в 1920-1930-х гг., специальный параграф отведен Пролеткульту. Пролеткульт рассматривается в связи с историей общественных организаций в пореволюционной России — Т.П. Коржихина (1997), Н.В. Киселева (1999). В 1997 г. появилось историческое исследование (кандидатская диссертация) Л.С. Николаевой «Теория и практика Пролеткульта, 1917–1932», в которой исследуется место и роль Пролеткульта в системе советского общества, определяются соотношение теории и практической деятельности пролеткультовских организаций.

С конца 1980-х гг. в отечественной науке происходит настоящий «взрыв» научного интереса к личности и творческому наследию А.А. Богданова. Предметом изучения становятся: философия А.А. Богданова и его тектология — всеобщая организационная наука, политическая деятельность А.А. Богданова и его взаимоотношения с В.И. Лениным и другие проблемы «богдановедения». Издаются ранее не публиковавшиеся материалы, документы и труды самого А.А. Богданова. Проблемам теории культуры А.А. Богданова

посвящены работы М. Арапова, Г.Д. Гловели, Е.П. Максименко, Н.Н. Никитиной, П.П. Плюшто, Л.М. Чижовой и других.

Западным научным сообществом проблемы культурного развития пореволюционной России изучались весьма интенсивно, в том числе и Пролеткульт. Исследованию теории и практики Пролеткульта посвящены работы: Ш. Фицпатрик, Г. Горзка, Л. Малли, Д. Оливер. Деятельность Пролеткульта нашла отражение в исследованиях К. Аймермахера, З. Сохор, Дж. Шеррер и других. Зарубежная историография накопила богатый запас идей и концепций, которые нуждаются в критическом осмыслении. Научная литература, посвященная проблемам развития русского искусства и культуры 1920-х годов, весьма многочисленна. Американский историк Р. Льюис отметил разделение на рубеже 1970–1980-х годов европейской и американской науки об истории советской культуры на два течения — традиционалистов и ревизионистов. Традиционалисты рассматривают политику в области культуры как централизованную деятельность, осуществляемую исключительно «сверху». Ревизионисты же считают, что культурное строительство определялось не только и не столько политическими установками «сверху», сколько деятельностью определенных групп и социальных слоев «снизу». Именно изучение культурных процессов, происходивших в массах, более всего привлекает представителей этого направления исторической науки.

Самое значительное исследование о Пролеткульте в зарубежном научном сообществе — «Culture of the Future. The Proletkult Movement in the Revolutionary Russia» — «Культура будущего. Пролеткультовское движение в революционной России» принадлежит американской исследовательнице Линн Мэлли, собравшей богатый фактический материал о деятельности этой организации. Ее книга получила значи-

тельный отклик в научном сообществе (Canadian Slavonic Papers. 1991. Vol. 33. N 3–4. P. 370–372; American Historical Review. 1991. Vol. 96. N 4. P. 1248–1249; Slavonic & East European Review. 1991. Vol. 69. N 3. P. 533–534; Theatre Research International. 1991. Vol. 16. N 3. P. 261–262; Labor History. 1994. Vol. 35. N 3. P. 485–486; Russian Review. 1991. Vol. 50. N 3. P. 364–365; Канадские славянские документы. 1991. Том 33. № 3–4. С. 370–372; Американское историческое обозрение. 1991. Том 96. № 4. С. 1248–1249; Славянское и восточноевропейское обозрение. 1991. Том 69. № 3. С. 533–534; Theatre Research International. 1991. Том 16. № 3. С. 261–262; История труда. 1994. Т. 35. № 3. С. 485–486; Русское обозрение. 1991. Т. 50. № 3. С. 364–365; Вопросы истории. 1992. № 11–12. С. 192–194.

Мэлли исследует Пролеткульт как сложное социальное и культурное движение с весьма противоречивыми программными установками, обращая внимание на его разнородный социальный состав и различные культурные практики. Основывая свою работу на архивных материалах и публикациях местных и центральных пролеткультовских организаций, Мэлли стремится показать «сложное взаимодействие между официальными декларациями и их выполнением». Исследовательница исходит из того, что «как независимое массовое культурное движение Пролеткульт был уникальным явлением в начальный период истории советской России» [21, р. 24]. **Линн Мэлли** пишет, что пролеткультовцы хотели сотворить искусство, которое вдохновит общество и ломает границы между элитарной культурой и повседневной жизнью. Они стремились основать новую науку, которая объединила бы все знание в гармоничное целое и в то же время была бы доступна для населения в целом. Они надеялись создать новую пролетарскую интелли-

генцию, которая не потеряет связи с рабочим классом. Однако достаточно быстро «грандиозные планы преобразовать науку, семью и повседневную жизнь были сведены к проектам с намного более скромными устремлениями» [21, р. 255]. «Сжатию» культурных задач движения частично способствовала внутренняя политика Пролеткульта: многие из участников начали терять веру в свою способность преобразовать привычные установления и институты. Вместе с тем, подчеркивает Мэлли, Пролеткульт «никогда не был лабораторией, изолированной от остальной части советского общества». Помимо внутренних, целый ряд внешних причин вынудил Пролеткульт свернуть свою культурную деятельность, в частности давление Ленина и компартии, в результате чего Пролеткульт лишился поддержки советских государственных и региональных учреждений. С проведением новой экономической политики государство выделяло все меньше средств на реализацию культурных программ, в особенности «для организации со спорными культурными и политическими целями» [21, р. 255]. Как только пролеткультовская организация была подчинена государству и партии, ее спорное требование быть на равных с профсоюзами и партией едва ли можно было принимать всерьез. Л. Мэлли обоснованно подчеркивает, что автономия Пролеткульта всегда была «хрупкой конструкцией».

В зарубежной литературе о Пролеткульте главное внимание авторов сосредоточено на нескольких ключевых проблемах: Пролеткульт и культурное наследие прошлого; создание новой пролетарской культуры; Пролеткульт и партийно-государственная власть. В ряде зарубежных исследований убедительно опровергается распространенный в науке тезис об отрицательном отношении А.А. Богданова и его единомышленников к культурному наследию прошлого.

В частности, один из зарубежных авторов писал, что в соответствии «с идеями Богданова речь шла об отказе от осмысления мировой культуры, от ее достижений, поскольку якобы, по мысли А.А. Богданова, «на пути создания пролетариатом собственной культуры мировое культурное наследие будет лишь помехой» [22, с. 92]. Но это далеко не так. Наоборот, руководители Пролеткульта ратовали за освоение и критическое изучение русским рабочим классом богатого культурного наследия. Лишь незначительная часть пролеткультовских активистов заявляла о ненужности и вредности приобщения пролетариата к отечественному и мировому культурному наследию. Иной вопрос — как воплощались эти установки пролеткультовского руководства на местах в ходе практической культурной деятельности. **К. Рид**, в частности, отмечал, что Богданов в своих сочинениях постоянно подчеркивал: культура прошлого должна быть принята и изменена, но не уничтожена. В связи с этим, полагает Рид, предъявляемые Богданову обвинения в варварском отношении к культурному наследию беспочвенны. Подобные обвинения, полагает К. Рид, возникли в связи с полемикой вокруг Пролеткульта, связанных с желанием ограничить его автономию в системе партийно-государственной культурной политики. «Основываясь на неоднородности состава Пролеткульта, среди его членов не сложно было найти рьяных сторонников свержения прошлого [22, р. 122].

Первоначальной целью Пролеткульта было, по мнению Г. Горцка, «содействие внедрению основ пролетарской культуры (в богдановском смысле) в реальную жизнь». Пролеткультовцы рассматривали свою деятельность как состоящую из двух частей: культурно-просветительной и культурно-творческой. В партийном и государственном ап-

парате долгое время не было единого мнения по вопросу о целях и задачах Пролеткульта. Одни считали его вспомогательным учреждением; другие полагали, что он должен заниматься исключительно образовательной деятельностью под контролем Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса); третьи признавали ненужными все пролетарские культурные организации и требовали их роспуска. В соответствии с концепцией А.А. Богданова Пролеткульт должен быть независим от партийного и государственного аппарата. Ленин негативно относился к этому требованию. Большинство зарубежных исследователей (Л. Мэлли, З. Сохор) видят причины упадка Пролеткульта во внешнем давлении компартии и Ленина, для которых Пролеткульт, будучи автономной организацией, казался угрозой монополии на власть в стране. Ленин сумел, опираясь на фракцию большевиков в Пролеткульте, связанных партийной дисциплиной, в октябре 1920 года принять резолюцию об огосударствлении самостоятельных и добровольных культурно-просветительных организаций и движений. По мнению З. Сохора, Пролеткульт являлся политической оппозицией ленинизму, поскольку его теоретики рассматривали культурный фронт как главный плацдарм борьбы за социализм. В силу этого пролеткультовское движение воспринималось Лениным не как культурное, а как политическое.

Карл Аймермахер полагал, что взаимоотношения партии и Пролеткульта выстраивались следующим образом: партия демонстрирует, что ей принадлежит последнее слово в вопросах культурной политики; партия не признает организаций, имеющих собственные цели, отличные от целей партии. «Партийное наступление на Пролеткульт в 1920–1921-х годах своевременно предотвратило раскол власти» [23, с. 18]. Западногерманская исследовательница Г. Горцка,

напротив, акцентирует внимание не на взаимоотношениях Пролеткульта и власти, а на его теоретических установках и характере практической деятельности, с одной стороны, и реальных культурных проблемах пореволюционной России — с другой. По ее мнению, причина упадка Пролеткульта кроется не столько в конфликте с большевистским руководством, сколько во всевозрастающем отчуждении теории и практики Пролеткульта от реальных культурных запросов трудящихся масс.

Ш. Фицпатрик в своей работе, посвященной раннему периоду деятельности Наркомата просвещения, уделяет значительное внимание и Пролеткульту. Она рассматривает историю основания Пролеткульта, его позицию по отношению к Наркомату просвещения и партии, анализирует споры об автономии этой организации и различные точки зрения, высказанные, в частности, на Первой конференции Пролеткульта. Исследовательница отмечает, что, хотя некоторые руководители Наркомпроса — Покровский и Крупская — «выступали на конференции, их мнения относительно культурных и просветительных задач Пролеткульта пользовались гораздо меньшей популярностью у делегатов, нежели мнения Богданова, Лебедева-Полянского и Керженцева. Ш. Фицпатрик в работе «Комиссариат просвещения. Советская организация образования и искусств при Луначарском, октябрь 1917–1921», описывает структуру пролеткультовского движения; анализирует ситуацию, сложившуюся в 1919 году вокруг Пролетарского университета; уделяет внимание полемике о Пролеткульте на Первом всероссийском съезде по внешкольному образованию (май 1919 г.); рассматривает события, связанные с подчинением Пролеткульта Наркомпросу на Первом всероссийском съезде Пролеткульта, прошедшем в октябре 1920 года. Это исследова-

ние — одно из первых в зарубежной науке, системно рассматривающих роль Пролеткульта в ранней советской культурной политике [24].

Позиция лидеров большевистской партии по отношению к Пролеткульту, как показали зарубежные исследователи, не была однозначной. Однако «независимо от спорных идеологических вопросов для практической деятельности Пролеткульта и его финансового положения решающей являлась позиция Луначарского в Наркомате просвещения. Луначарский считал необходимым существование Пролеткульта в качестве самостоятельной организации. Вместе с тем, отстаивая идеи пролетарской культуры, по мнению **О'Коннора**, он «не впадал в догматизм». Ленин резко критиковал взгляды Луначарского. Позиции Ленина и Луначарского в отношении Пролеткульта в определенной степени противопоставляются как «жесткая» и относительно «мягкая». Луначарский был вынужден лавировать между различными течениями и группировками в партии. «Как член правительства, он должен был отстаивать политические интересы партии, но, как впередовец, он не мог мириться со многими переменами, происходящими в области культуры, и порой оказывал сопротивление даже тем решениям, которые принимались по линии его наркомата» [25, с. 89].

Продолжая знакомиться с мыслями зарубежных исследователей, посвятивших своё творчество эпохе октября, мы вновь обращаемся к работам английского историка К. Рида [22]. Исследователь выявляет истоки Пролеткульта, прежде всего теории культуры А.А. Богданова, и анализирует деятельность партийных школ на Капри и в Болонье. Главная особенность мировоззрения Богданова — убежденность в необходимости культурной революции. «Для него культурная революция была важнейшим элементом, в то время как

для других большевиков и марксистов она оставалась на втором плане» [22, р. 112–113]. Рид анализирует разнородность социальных и идеологических позиций внутри Пролеткульта. «В организации можно выделить ядро богдановцев; несколько представителей руководства, критически настроенных к Богданову; а также рядовых членов, включающих активистов, вполне способных пойти по своему пути» [24, р. 123].

Причины ленинского наступления на Пролеткульт Рид видит, во-первых, в стремлении этой организации к критическому овладению культурным наследием, а не к его отрицанию (и это весьма оригинальная исследовательская точка зрения); а во-вторых, в утверждении тезиса об автономности Пролеткульта: «Несмотря на то что в 1920-е годы нигилизм, пролетарское сектанство и в какой-то степени даже футуризм были для партии вполне распространенными явлениями, с каждым днем набиравшими все большую силу, партия вместе с тем не принимала никаких мер по борьбе с ними. Создавалось впечатление, что партия их даже поддерживает. Богдановцы были противниками нигилизма, но именно их и преследовали. Второй причиной для действий против Пролеткульта стало, по-видимому, заявление организации об автономии в области культуры» [22, р. 145].

Зарубежные авторы анализируют взгляды большевистских лидеров и идеологов на пролетарскую культуру, в частности Л.Д. Троцкого, Н.И. Бухарина, И.В. Сталина и др. Л.Д. Троцкий, по мнению ряда зарубежных исследователей, негативно относился к идее пролетарской культуры, полагая, что Пролеткульт должен целиком сосредоточиться на просветительных задачах. Вместе с тем он проявил себя как теоретик культурной революции, обосновав принцип, согласно которому сфера культуры должна быть свободна от партийного диктата. Основным оппонентом Троцкого, а

иногда и В.И. Ленина, по вопросам культурной политики был Н.И. Бухарин. Ряд исследователей считает его ревностным сторонником теории Пролеткульта и идейным последователем А.А. Богданова. **Дж. Биггарт** в своих статьях убедительно доказал, что возобновление дискуссии о пролетарской культуре в августе 1922 года было вызвано разногласиями между В.И. Лениным и Н.И. Бухариным. Однако Бухарин корректировал свои теоретические установки в соответствии с политической конъюнктурой [26, с. 14].

Позиция И.В. Сталина, несомненно, привлекает внимание ученых. Ш. Фитцпатрик полагает, что у Сталина едва ли было сформировавшееся мнение, влиявшее на культурную политику 1920-х годов, а его вмешательство в дискуссии по актуальным вопросам развития культуры и образования крайне немногочисленны [24, р. 286]. Р. Уильямс считает, что Сталин некоторое время благожелательно относился к идеям Богданова, по крайней мере, в 1908–1910 годах его симпатии были на стороне Богданова, а не Ленина [27, с. 40–41].

История Пролеткульта демонстрирует, какими были взаимоотношения партийно-государственной власти и знаковых художественных объединений и групп. Отмечается несовместимость: а) партийно-государственного управления и деятельности массового неполитического движения и б) директивного руководства с принципами самоорганизации и свободного самоуправления.

Помимо этого, зарубежные исследователи выявляют и анализируют опасности, возникавшие в пролеткультовской деятельности, а именно: противоречия между программными установками и реальной практической деятельностью; догматизацию, вульгаризацию идей и их трансформацию в собственную противоположность. Можно сказать, что Пролеткульт — это социально-культурное и художественное движение, возникшее в рамках общего духовного процесса

становления новой культуры, богатый источник фактов и концепций для современного исследователя, способствующий осмыслению феномена советской культуры, ее истоков, становления, расцвета и угасания, причин и следствий, обретений и утрат.

1.3. Идеология формирования феномена «рабочей интеллигенции»

Идеологические корни концептов пролетарской культуры исходили из левого фланга революционного движения, к которому принадлежали Богданов, Горький и Луначарский, отошедшие от ленинской группы в 1909 году. Революционный временной сдвиг поставил Богданова перед новой дилеммой: если до революции он видел в искусстве необходимый инструмент духовной борьбы за социализм, то после Октября искусство стало инструментом укрепления новой власти, и с новой реальностью пришлось считаться. Теперь актуализировалась проблема отсутствия рабочей интеллигенции, которая должна была сформироваться в школах, созданных им на Капри (1909) и в Болонье (1909–1911), но для появления которой прошло слишком мало времени.

Слово «интеллигенция» ввёл в употребление писатель П.Д. Боборыкин, который в 1866 году определил таким образом её как «высший образованный слой общества». Тема преемственности поколений становится одним из важнейших способов моделирования и конструирования социальной реальности советской России. Программа социально-культурной деятельности Пролеткульта не могла быть реализована без участия профессиональной интеллигенции. Участие русской интеллигенции в пролеткультовской дея-

тельности носила заинтересованный характер, что дало возможность приобщения к мировому и отечественному культурному наследию учеников пролеткультовских студий. По воспоминаниям И. Ильинского, он наблюдал громадную тягу и любовь новой рабочей и крестьянской публики к концертам и спектаклям. «Помню, — писал он, как эта публика была снисходительна и радушна, когда в концертах простодушно смеялась, если колоратурное сопрано выводило свои трели в «Соловье» Алябьева и неизменно требовали повторения дуэта Ваньки с Танькой». Трансформация социально-экономических отношений в период Октябрьской революции в России 1917 года и последующих за ней общественных преобразований явились фактором, детерминирующим глубокий сдвиг культурно-исторической парадигмы.

Формирующееся пролетарское государство своими целями и задачами ставило построение принципиально новой системы общественного развития, основанной на отсутствии эксплуатации человека человеком, ликвидации антагонистических классов и, как следствие, любого социального или экономического гнета. Культурная модель нового общества, исходя из ключевых положений марксистской теории, которой руководствовались лидеры Советской России, должна была всецело отражать образующиеся отношения, лежащие в базисе новой формации. В связи с этим культурная надстройка объективно понималась как естественное следствие развития производственных отношений, воспроизведенных как в конкретной личности, так и в обществе в целом. Богданов стремился к созданию культурного фронта, фактически независимого от государства и свободного от партийно-политического вмешательства; он мечтал отдать управление культурой в руки рабочей интел-

лигенции, единственно способной формировать мысли и чувства масс.

Иван Владимиров «В театре. Царская ложа», 1918 г.

Иван Владимиров «В театре. Царская ложа», 1918 г.

Ленин же предполагал создать рабочую элиту, которой можно было бы доверить решение куда более сложных политических задач; по его мнению, задача культуры в тот момент сводилась к использованию культурного наследия прошлого для преодоления безграмотности. Ленин считал, что культурная революция должна произойти сразу после политической и осуществляться партией, уже находящейся у власти. Богданов выступал за внепартийное осуществление культурной революции.

Кризисные периоды истории всегда давали богатую пищу для культурного развития. Именно тогда расширяются возможности художественного выбора человека, меняется его отношение к реализму в пользу современных течений в искусстве. Зритель знакомится с новыми идеями, образом героя своего времени, обнаруживает пути нравственного самопознания и самосовершенствования. Поскольку, согласно Богданову, «искусство есть организация живых образов»

и «его содержание — вся жизнь, без ограничений и запретов», то искусство, благодаря своей организующей функции, способно воздействовать на человеческий ум, становясь мощным стимулом для упрочения коллектива. Пролетарская критика определялась Богдановым как составная часть «пролетарской культуры». Следовательно, позицию этой критики определяла точка зрения класса, от имени которого она действует и регулирует развитие пролетарского искусства. Программа «пролетарской культуры», охватывающая различные сферы миробития и социальной практики (художественно-эстетическую, морально-этическую, научно-философскую) и подчиненная единой цели — формированию качественно иного типа культуры, не могла быть осуществлена без содействия интеллигенции.

Большевики стремились к созданию новой интеллигенции, преданной власти. Были национализированы театры и кинодело; создавалась советская печать, сеть агитационно-пропагандистских учреждений. Новые общественные организации становились орудиями проведения культурной политики партии. К началу 1920-х гг. сложилась советская система партийно-государственного руководства культурным строительством. Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) РСФСР контролировал просвещение, внешкольное образование, науку, литературу, театр, изобразительное искусство, музыку, книгоиздание, творческие объединения. В 1920 г. был создан специальный орган, сосредоточивший партийное руководство всеми сферами духовной культуры, агитационно-пропагандистский отдел ЦК РКП(б) (Агитпроп).

Среди общественных организаций и движений на этом фоне особое положение с 1917 г. занимал Пролеткульт — объединение рабочих литературных кружков, театральных,

художественных и технических студий. Он ставил задачу создать новую пролетарскую культуру, развить пролетарскую науку, разработать пролетарскую философию и подчинить искусство интересам пролетариата. Последователи А.А. Богданова считали, что культура нового типа может быть создана только представителями рабочего класса на базе пролетарской психики и быта.

В отношениях пролеткультовцев к интеллигенции причудливо переплетались как высокомерно-пренебрежительное отношение к ней, так и осознание того, что без ее помощи невозможно культурное развитие. Вот что говорили делегаты Первой Всероссийской конференции пролеткультов (сентябрь 1918 г.): «Она (интеллигенция) пришла к нам, она имеет культурный стаж. Но от нее мы возьмем лишь специальный навык, поставив под строгий контроль ее культурное влияние» [28, с. 20]. «Теперь мы еще не можем обойтись без буржуазной интеллигенции и ученых. Нам еще надо создать свою рабочую интеллигенцию, своих студентов, своих ученых» [28, с. 34]. «В области науки и технических знаний интеллигенция еще может учить нас, но в искусстве нет: пролетариат сам выявит свое творчество» [28, с. 113]. Наиболее красноречиво это выразил Н.И. Бухарин в дискуссии о судьбах русской интеллигенции 1923–1925 гг.: «Нам необходимо, чтобы кадры интеллигенции были натренированы идеологически на определенный манер. Да, мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их, как на фабрике».

27 октября 1918 г. на общем собрании студийцев Пролеткульта разгорелись жаркие прения вокруг определения понятий «интеллигент» и «пролетарий». Эти споры ярко характеризуют отношение рядовых участников пролеткультовского движения к интеллигенции. По мнению одних, ин-

теллигенты, как носители старой культуры, будут тормозить пролеткультовскую работу и поэтому должны покинуть Пролеткульт. По мнению других, идеология и материальное положение, а не место в процессе производства, должны быть положены в основу определения этих понятий. Аргументы были весьма любопытны. «Происхождение не имеет решающего значения, так как люди, вышедшие из буржуазной среды, усыновляются рабочим классом, если идут с ним нога в ногу в общей борьбе. Наиболее ярким примером является симбирский помещик Ленин, в данный момент усыновленный вождь пролетариата». В результате сошлись на том, что в студиях Пролеткульта участниками могут быть «рабочие и интеллигенты из рабочего класса, тесно связанные с последним». Как сообщает автор отчета о диспуте: «Собрание закончилось пением революционных песен» [29, с. 91].

Что подвигло интеллигенцию на участие в работе Пролеткульта? М.В. Волошина в своих мемуарах пишет: «Разве не было это исполнением моего самого сокровенного желания открыть нашему народу путь к искусству. Я была так счастлива, что ни голод, ни холод, ни тот факт, что у меня не было крыши над головой, и каждую ночь я проводила, где придется, не играли для меня никакой роли» [30, с. 267–268]. Отвечая на упреки знакомых, почему она не саботирует большевиков, Волошина говорила: «То, что мы хотим дать рабочим, ничего общего не имеет с партиями. Тогда я была убеждена, что большевизм, такой чуждый русскому народу, удержится лишь недолгий промежуток времени как переходная ситуация. Но то, что получают рабочие, приобщаясь к культуре общечеловеческой, это останется и тогда, когда большевизм исчезнет» [30, с. 269]. И.А. Бунин записал в свой дневник 24 апреля 1919 г.: «Подумать только: надо еще

объяснять то тому, то другому, почему именно я не пойду служить в какой-нибудь Пролеткульт! Надо еще доказывать, что нельзя сидеть рядом с чрезвычайкой, где чуть ли не каждый час кому-нибудь проламывают голову, и просвещать насчет «последних достижений в инструментовке стиха» какую-нибудь хряпу с мокрыми от пота руками! Да порази ее проказа до семьдесят седьмого колена, если она даже «антиресуется» стихами! Это ли не ужас, что я должен доказывать, например, что лучше тысячу раз околеть с голоду, чем обучать эту хряпу ябам и хореям!» [31, с. 44].

Среди активных деятелей Пролеткульта был поэт Андрей Белый, пришедший в Пролеткульт осенью 1918 г. В литературной студии Московского Пролеткульта он читал два основных курса — «Стихovedение» и «Теория художественного слова». В качестве обучающего метода Белый избрал такой принцип — оценивать творческие достижения молодых поэтов как можно выше. М. Волошина вспоминала: «Удивительно было, что вовсе его не легкая манера высказывать свои мысли нашла такой отклик у рабочих» [30, с. 269]. Поэт Василий Казин, учившийся в литературной студии Пролеткульта в 1918–1920 гг., вспоминал: «Настоящим своим наставником я назвал бы Андрея Белого. Человек высокой культуры, постоянного горения; обаятельный и энергичный оратор. Его энтузиазм вдохновлял, зажигал. Мы слушали его, будто замороженные. Как он рассказывал о Пушкине!» [32, с. 315]. А. Белый опубликовал несколько статей в журнале «Горн», в частности «О художественной прозе» (1919. – кн. 2/3), «О ритме» (1920. – кн. 5).

Однако подозрения в «чуждом влиянии» не обошли его стороной. П.И. Лебедев-Полянский (председатель Пролеткульта) писал: «Когда он начинает творить пролетарскую культуру, нас берет страх, и мы утешаемся одним, что скоро

освободимся от этого «творчества», а интеллигенцию сделаем своей слугой, как она служила прежде буржуазии» [33]. «Помню, как связь моя с кружком пролетарских поэтов подвергалась всяческому осмеянию, клевете. Одни видели в ней лишь «службу начальству», другие — коварную агитацию «буржуазного специалиста», деморализующего стихию пролетарской культуры, не видели одного: любви поэта к поэтам», — писал А. Белый [32, с. 321–322].

Горечью пронизаны записи Маргариты Волошиной — секретаря Московского Пролеткульта, занимавшейся организацией студий изобразительного искусства, в которых она вспоминала: «Здание Пролеткульта находилось поблизости от военной школы, где каждую ночь расстреливали людей. В квартире, где я чаще всего ночевала, всю ночь были слышны за стенкой эти выстрелы. Но днем я видела учеников Пролеткульта, людей, жаждущих найти истинный смысл жизни и ставящих перед собой глубокие, даже глубочайшие вопросы бытия. С каким доверием, с какой благодарностью воспринимали они-то, что им давали! В этом двойственном мире жила я тогда» [30, с. 269]. Однако, когда Волошина должна была предоставлять на проверку конспекты докладов, работа жизнь «стала ... невозможной» не только для нее, но и для А. Белого и Вяч. Иванова. «Лучше всех, — пишет Волошина, — было работать руководителю музыкального отдела, его никто не тревожил. Он сделал много хорошего, организуя оркестры по всей России».

В литературной студии Московского Пролеткульта читал лекции, в том числе по поэзии Пушкина, В.Ф. Ходасевич. В журнале «Горн» была опубликована его статья «Стихотворная техника Михаила Герасимова» (1919. – кн. 2/3). В мемуарном очерке «Пролеткульт» Ходасевич отмечал «прекраснейшие качества русской рабочей аудитории» и прежде

всего «ее подлинное стремление к знанию и интеллектуальную честность». С другой стороны, он обвинил «руководителей Пролеткульта» в пагубном захваливании рабочих поэтов. О своих лекциях Ходасевич пишет: «Мои чтения представлялись руководителям Пролеткульта замаскированной контрреволюцией, тогда как настоящей контрреволюцией занимался именно совет Пролеткульта. Удалить нас вовсе — значило бы признать свое бессилие, открыть карты и восстановить слушателей против Совета Пролеткульта. Поэтому нам начали просто мешать» [34].

В театральной студии Московского Пролеткульта курс сценической речи вел князь С.М. Волконский, бывший в 1899–1901 гг. директором императорских театров. Волконский писал в воспоминаниях: «Из той массы народа, которая прошла за три года перед моими глазами во всевозможных студиях, я только в одной среде нашел проявление настоящей свежести. Это в рабочей среде. Здесь я видел яркие, любознательностью горящие глаза; каждое слово принималось ими с доверием и жадой. Я очень много читал в так называемом пролеткульте. Там были исключительно рабочие, не рабочих был процент. Я всегда буду вспоминать с признательностью эту молодежь и их отношение к работе и лично ко мне» [35, с. 288]. Студийцы с доверием относились к Волконскому, протестовав однажды против установления над ним опеки со стороны руководства Пролеткульта. Дважды он выходил из Пролеткульта и дважды по просьбам студийцев возвращался. Чашу терпения переполнила плетневская пьеса «Невероятно, но возможно», охарактеризованная Волконским как «ужаснейшая пошлятина». Он написал в своем заявлении об уходе, что «для этого» его «занятия не нужны» [35, с. 300].

Фон Лауэ в своих работах о интеллигенции писал: «старая российская интеллигенция была типичным побочным продуктом изливания западноевропейской цивилизации в Россию, это была группа, не имеющая аналогов на Западе, но достаточно обычная среди слаборазвитых стран... Ее миссия состояла в том, чтобы передавать культурные стимулы с Запада и привязать их, по возможности, к местным условиям. В ее составе можно было найти всех образованных русских независимо от их социального происхождения, потому что образование само по себе подразумевало вестернизацию». Такое понимание очень близко реальному самоощущению интеллигентов начала XX в. Интеллигенция «есть прорубленное Петром I окно в Европу, через которое входит к нам западный воздух», — писал С.Н. Булгаков в сборнике «Вехи» [32, с. 29]. При этом русская интеллигенция была политически независимой и более активной, чем на Западе; она встала во главе народных масс, привлекая их лозунгами политического и социального равенства. В контексте демографически-структурной теории интеллигенцию можно рассматривать как новую элитную группу, положение которой обуславливалось не владением собственностью, а тем, что она являлась носителем необходимых обществу знаний. Интеллигенция росла вместе с распространением образования, и ее рост находил свое выражение в росте числа учащихся и студентов. Здесь также проявляется специфика русского историко-культурного контекста. Отсутствие у православного духовенства celibата приводило к тому, что священство становилось наследственным занятием. Старший сын священника наследовал приход отца (если же это была дочь, то приход наследовал ее муж, который тоже, как правило, принадлежал к духовному сословию). Дети священника получали образование, но в многодетных свя-

щеннических семьях не все могли получить место при церкви. Таким образом, отсутствие celibата наряду с практикой наследования прихода приводило к тому, что в России складывался образованный класс, неизвестный католическому Западу: дети священнослужителей, которые не пошли по стопам отцов. Именно отсюда постоянно рекрутируется русская интеллигенция — этот класс служит постоянным источником ее пополнения.

В отличие от старой, новая интеллигенция видит в народе не «пассивного страдальца, изредка способного на отчаянный бунт» [36, с. 116], а прогрессивного соратника, коренные интересы которого «совпадают с объективными тенденциями развития конкретной эпохи» [37, с. 48] являющимися органической частью социалистической социальной структуры.

Ее роль в общественном производстве заключается в: а) проектировании непосредственного исполнения серийных материальных продуктов; б) проектировании и непосредственном исполнении серийных идеальных продуктов; в) непосредственном исполнении несерийных идеальных продуктов [38, с. 11].

Среди теоретиков социализма и коммунизма Ленин занимает уникальное место, ведь именно ему история предоставила возможность проверить практикой свои теории. Делая все то, что он сделал, Ленин искренне полагал, что стоит у истоков новой судьбы человечества, судьбы, гениально угаданной Марксом и Энгельсом. Грандиозную задачу массового создания великих рабочих интеллигентов на смену избитого поколения осуществить, конечно, не так-то просто. Ведь в университетах старые буржуазные профессора преподавали старый буржуазный хлам. Не лучше дело обстояло и в школах: Наркомпрос пережил долгую борьбу:

долгое время учительская организация боролась с социалистическим переворотом. В этой учительской среде особенно упрочились буржуазные предрассудки, — так итожил Ленин в конце 1920 г. трехлетние отношения большевиков с учителями. И ставил перед политпросветами «Наробраза» цель: «Работники просвещения, учительский персонал были воспитаны в духе буржуазных предрассудков и привычек, в духе, враждебном пролетариату, они были совершенно не связаны с ним. Теперь мы должны воспитывать новую армию педагогического учительского персонала, который должен быть тесно связан с партией, с ее идеями, должен быть пропитан ее духом, должен привлечь к себе рабочие массы, пропитать их духом коммунизма, заинтересовать их тем, что делают коммунисты» [39, с. 154] В постановлении СНК о приеме в вузы говорится о необходимости подготовить немедленно ряд постановлений и шагов для того, чтобы в случае, если число желающих поступить в высшие учебные заведения превысит обычное число вакансий, были приняты самые экстренные меры, обеспечивающие возможность учиться для всех желающих, и никаких не только юридических, но и фактических привилегий для имущих классов не могло быть. На первое место безусловно должны быть приняты лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства» [40]. По этому проекту 2 августа 1918 г. был утвержден декрет, отменивший не только плату за обучение, что было благородно и неплохо, но и конкурсные экзамены, а также дипломы, аттестаты или свидетельства об окончании школы, что не в лучшую сторону определило специфику контингента. Упорно не считаясь с резким, вследствие этого, снижением качества обучения., Ленин и в дальнейшем настаивал на том, что «мы должны весь аппарат государственной употребить на то, чтобы учебные заведения, вне-

школьное образование, практическая подготовка — все это шло, под руководством коммунистов, для пролетариев, для рабочих, для трудящихся крестьян» [40]. Это был первый способ замены старой интеллигенции на новую. Второй способ был еще проще; для него подобрали термин «выдвиженчество». Ленин определил его так: «Мы должны вводить в учреждения членами небольших коллегий, помощниками отдельных заведующих или в качестве комиссаров достаточное число практически опытных и безусловно преданных рабочих и крестьян. В этом гвоздь! Таким образом вы будете создавать все большее и большее число рабочих и крестьян, которые учатся управлению и, пройдя все сроки обучения рядом со старыми специалистами, становятся на их места» [41]. При рабочем управлении нужно, чтобы каждый рабочий выяснил себе механику этого управления, чтобы рабочий, сколько-нибудь обнаруживший способности администратора, продвигался от низших должностей к более высоким, чтобы его ставили на должность по управлению, испытывали его и продвигали... Этого мы не научились делать, и всякое колебание, где это существует, где это обнаружится, оно должно быть изжито» [41].

Таковы были основополагающие принципы, на которых создавалось первое поколение советской интеллигенции. Увидеть эту интеллигенцию в действии Ленину было не суждено: он вышел из активной жизни раньше, чем она созрела. Правда, кое-что он заметил уже тогда: «Коммунист, не доказавший своего умения объединять и скромно направлять работу специалистов, входя в суть дела, изучая его детально, такой коммунист часто вреден. Таких коммунистов у нас много, и я бы их отдал дюжинами за одного добросовестно изучающего свое дело и знающего буржуазного спеца... Изучение — дело ученого, и тут, поскольку дело идет у

нас уже давно не об общих принципах, а именно о практическом опыте, нам опять в десять раз ценнее хотя бы буржуазный, но знающий дело «специалист науки и техники», чем чванный коммунист, готовый в любую минуту дня и ночи написать «тезисы», выдвинуть «лозунги» [42]. Двойственность вождя по отношению к старой интеллигенции свидетельствует об отсутствии готовых клише для включения интеллигенции в общий поток строителей светлого будущего. В отличие от многих не только пролетариев, но и большинства партийных интеллигентов, Ленин четко понимал, что «без буржуазных специалистов мы ни одной отрасли построить не сможем», что нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем. А эта наука, техника, искусство находятся в руках специалистов и их головах.

Как сделать, чтобы буржуазные специалисты впряглись в триумфальную колесницу победителей и охотой либо неволей повлекли ее в светлое будущее? Ленин немало думал после Октября над этим вопросом. Он ставил его так: «Ведь даже в отсталой России рядом с Колупаевыми и Разуваевыми народились капиталисты, которые умели ставить себе на службу культурную интеллигенцию, меньшевистскую, эсеровскую, беспартийную. Неужели мы окажемся глупее этих капиталистов и не сумеем использовать такого «строительного материала» для постройки коммунистической России?». Нам надо сейчас поднять производительные силы. Сделать это без буржуазных специалистов нельзя... Конечно, большинство этих специалистов проникнуто буржуазным миросозерцанием. Их надо окружить атмосферой товарищеского сотрудничества, рабочими комиссарами, коммунисти-

ческими ячейками, поставить их так, чтобы они не могли вырваться, но надо дать им возможность работать в лучших условиях, чем при капитализме, ибо этот слой, воспитанный буржуазией, иначе работать не станет. Заставить работать из-под палки целый слой нельзя... Эти люди привыкли к культурной работе, они двигали ее в рамках буржуазного строя... Но они все-таки двигали культуру, в этом состояла их профессия.

Поскольку они видят, что рабочий класс выдвигает организованные передовые слои, которые не только ценят культуру, но и помогают проводить ее в массах, они меняют свое отношение к нам.

Обучение грамоте. Фото из открытых источников

Когда врач видит, что в борьбе с эпидемиями пролетариат поднимает самодеятельность трудящихся, он относится к нам уже совершенно иначе. У нас есть большой слой этих буржуазных врачей, инженеров, агрономов, кооператоров, и, когда они увидят на практике, что пролетариат вовлекает в это дело все более широкие массы, они будут побеждены морально, а не только политически отсечены от буржуазии: «Тогда они будут сами собой вовлечены в наш аппарат, сделаются его частью. Для этого заплатить хотя бы два миллиарда — пустяки... По отношению к специалистам мы не должны придерживаться политики мелких придирок. Эти специалисты — не слуги эксплуататоров, это — культурные деятели, которые в буржуазном обществе служили буржуазии и про которых все социалисты всего мира говорили, что в пролетарском обществе они будут служить нам. В этот переходный период мы должны дать им как можно более хорошие условия существования. Это будет лучшая политика, это будет самое экономное хозяйничанье. Иначе мы, сэкономив несколько сот миллионов, можем потерять столько, что никакие миллиарды не восстановят потерянного» [43].

В этих словах четко сформулирована основная функция интеллигенции: развитие культуры — как духовной, так и материальной — и применение ее достижений в различных областях производства и общественной жизни. С одной стороны, пока диктатура пролетариата не располагала собственной, созданной в результате культурной революции интеллигенцией, она должна была делать ставку на приобретение к социалистическому строительству старой интеллигенции и на более-менее широкое использование самых грамотных и толковых людей из рабочих, крестьян, служащих, привлекаемых к выполнению функций интеллигенции.

Речь идет о т.н. интеллигентах-практиках, сыгравших большую роль в создании основ социализма в стране, в том числе и через студии Пролеткульта. С другой стороны, Лениным выстраивалась принципиальная схема взаимоотношений между рабочим классом и интеллигенцией. Задачей рабочего класса, возглавляемого партией и организованного в профсоюзы, являлось политическое руководство обществом, в том числе интеллигенцией, причем особое внимание уделялось борьбе против бюрократизма, контрольным функциям. Задачей интеллигенции, как наиболее подготовленной части населения, было обеспечение функционирования, управление, организация, развитие культуры общества, практическое использование ее достижений.

У американского социалиста Луиса Фишера в его отличной книге, двухтомнике «Жизнь Ленина» есть и такое определение социализма, сделанное Владимиром Ильичом: «Советская власть плюс прусский порядок железных дорог, плюс американская техника и организация трестов, плюс американское народное образование есть социализм» [57].

К сожалению, Ленин, выстроивший принципиальную схему взаимоотношений между рабочим классом и интеллигенцией, не успел ее практически реализовать, хотя и указал, как это сделать. Новым типом рабочих-интеллигентов являются новаторы, рационализаторы и изобретатели. В повседневной деятельности на фабриках и заводах, на колхозных и совхозных полях они не только хорошо обслуживают машины, но и творчески видоизменяют, реконструируют технику, активно участвуют в разработке новой технологии, в совершенствовании современных форм организации производства. Такая новая интеллигенция должна чувствовать свою востребованность и дружеское отношение к ней, заботу, уважение и сотрудничество во имя интересов всего русского народа.

Именно интеллектуально-духовной подготовкой возвращения такой интеллигенции и занимался Пролеткульт. В студиях Московского Пролеткульта в 1920–1925 гг. работал С.М. Эйзенштейн. Он возглавлял первый рабочий театр Пролеткульта. Им были поставлены спектакли «Мексиканец» (по рассказу Джека Лондона), «Мудрец» на основе пьесы А.Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты», «Противогазы» (вместо театральной сцены — газовый завод, превращенный в сценическую площадку). Совместно с Пролеткультом снят фильм «Стачка». Эйзенштейн покинул Пролеткульт из-за конфликта с В.Ф. Плетневым по поводу кинофильма «Стачка».

В студии Петроградского Пролеткульта курс «Искусство живой речи» в Петроградском Пролеткульте читал знаменитый адвокат А.Ф. Кони. Д.А. Щеглов, в 1919–1920 гг. вспоминал: «Он вызывал у нас к себе горячий интерес и нежное почтение как человек, некогда посмеявшийся бросить вызов самодержавию и оправдать на царском суде Веру Засулич, которой грозила смертная казнь».

Следует остановиться на отношениях Пролеткульта и М. Горького, поскольку последний был одним из организаторов и идейных вдохновителей группы «Вперед», провозгласившей лозунг «пролетарской культуры». Во многом мировоззренческие ориентации М. Горького и пролеткультовских функционеров были противоположны. Радикалы от «пролетарской культуры» отвергали гуманистический пафос его статей в «Новой жизни», не принимали его позицию — «культура выше политики». Деятели Пролеткульта критиковали не только политические воззрения Горького, но и его творчество, констатируя падение его таланта.

Единственный известный документ, отражавший взаимоотношения Горького с пролеткультовскими писателями, — письмо К. Федина Горькому, впервые опубликованное Н.Н. Примочкиной 14 марта 1920 г. В Союзе пролетарских

писателей Петрограда с докладом «О психологии пролетарского художественного творчества» выступил М. Горький [44]. В докладе М. Горький утверждал, что «культура есть явление целостное. Представление, что только пролетарий — творец духовных сил и что только он — соль земли, такое мессианское представление губительно» [44]. Выступление Горького было признано «неудовлетворительным». Тем не менее взаимная критика не мешала пролеткультовским функционерам приглашать писателя читать лекции в литературной студии Петроградского Пролеткульта; избирать его почетным председателем различных конференций, а театральным студиям Пролеткульта ставить горьковские пьесы «На дне», «Мещане», «Дети солнца», инсценировать «Мать».

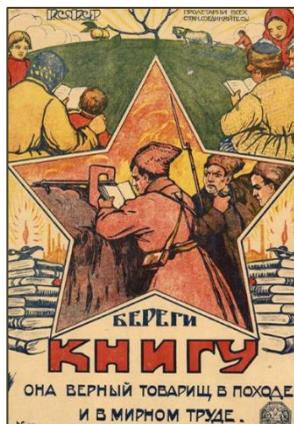
Выступление М. Горького в Союзе писателей Петрограда.
Фото из открытых источников

До Октябрьской социалистической революции большая часть населения России (более 85%) была неграмотной. Ликвидация неграмотности взрослого населения рассматривалась как первоочередная задача советской власти на

пути формирования рабочей интеллигенции, и в её решении принимал участие Пролеткульт. Ленин четко сформулировал проблему: «Неграмотный человек стоит вне политики». Необходимо было не только научить людей писать и читать, но и через процесс обучения воздействовать на их умонастроение.

Урок чтения. Фото из открытых источников

Плакаты о пользе грамоты

Выводы по 1 главе

Выдвинутая в 1908 г. идея об организации Пролеткульта после революции стала срочно вводиться в практику устройства жизнедеятельности новой России. Его лидером по праву был определён А.А. Богданов.

Свои усилия Пролеткульт направлял к тому, чтобы «дать рабочему классу целостное воспитание, непреложно направляющее коллективную волю и мышление» его. Целью своей деятельности Пролеткульт ставил «выработку самостоятельной духовной культуры пролетариата». «Освобожденный народ жадно стремился к культуре, к искусству. Не было никакого декрета, никаких указаний об организации пролеткультов. Они возникали стихийно, в порядке революционной инициативы. Как известно, после жесткой критики Лениным Пролеткульта в конце 1920 года организация резко снизила свою активность: ее сняли с государственного финансового обеспечения, закрыли многие местные студии, естественно, сократилось само число его отделений и членов. Если в начале 1920 года по всей России существовало 300 Пролеткультов, то в ноябре 1921 года их осталось только 37. Однако достигнутое и сделанное все-российским объединением «Пролетарская культура» за столь короткий срок имеет большое значение для истории советской культуры. Поэтому не будет преувеличением сказать, что именно Пролеткульт послужил одним из главных мостов, связавших дореволюционную и послереволюционную интеллектуальную жизнь поколений. В России рождалась новая культура, новое искусство, аналогов которым не было в мировой истории. Пролетарское искусство создава-

лось как народное, рабочее, монументальное, патетическое, революционное, рождающее в потоке крушения старых форм и развития всечеловеческого, всенародного стиля творчества жизни в новом мире.

На первоначальном этапе партия не вела борьбу против пролеткультовских организаций как таковых. Советское и партийное руководство не могло не замечать того положительного значения, которое имели эти пролеткультовские организации. Благодаря пролеткультовским организациям, рабочие и крестьяне впервые получили возможность проявить свое творческое «я», исходя из собственных побуждений и устремлений.

Глава 2. ПРОЛЕТКУЛЬТ КАК ИННОВАЦИОННОЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ

2.1. Идеологические и организационные действия Пролеткульта на фоне культурной политики в стране

Феномен Пролеткульта как инновационного социально-культурного движения связан с важнейшей сущностной функцией культуры — функцией изменения кода культурных ценностей, норм, практик под влиянием внешних и внутренних обстоятельств бытия. Социально-культурная деятельность Пролеткульта ставила своей целью активное содействие формированию, развитию, распространению пролетарской культуры. Для этого необходимо было решение, как минимум, двух задач: приобщение к мировому и отечественному культурному наследию и самостоятельное творчество. Это обусловило степень активности, содержание и формы работы Пролеткульта среди населения страны.

Пролеткульт был первым добровольным общественным движением, которое взялось направить «живое творчество масс» в организованное русло. В литературных студиях Пролеткульта ковался новый человек. К 1920 году в стране активно работало 128 литературных пролеткультовских студий. Программа студийной учебы была весьма обширной — от основ естествознания и методов научного мышления до истории литературы и психологии художественного творчества. Об учебном плане литературной студии дает представление журнал Петроградского Пролеткульта «Грядущее»:

- просветительская и образовательная деятельность среди неграмотного населения советской России;
- издательская деятельность (журналы, книги, сборники, альманахи, учебные материалы и другие издания);

- творческая деятельность театральных коллективов Пролеткульта, творчество рабочих поэтов и писателей;

- организация концертов, художественных выставок, работы художественных и технических мастерских, организация массовых праздников;

- в годы гражданской войны деятельность фронтовых агитационных и театральных групп;

- досуговая деятельность (рабочие клубы, спорт, кинематограф).

Снижение активности социально-культурной деятельности Пролеткульта было обусловлено рядом причин:

- политико-административным давлением партийно-государственного аппарата, подчиняющего Пролеткульт официальной культурной политике и включающего его в партийно-государственную систему культурного строительства, следствием чего являлось выхолащивание самостоятельных и демократических начал;

- экономические — в условиях новой экономической политики, предполагавшей хозрасчет, сфера культуры финансировалась в последнюю очередь, причем государство сократило субсидии неблагонадежному Пролеткульту. Профсоюзы (после включения Пролеткульта в их систему) также не стремились к полноценному финансированию пролеткультовских организаций;

- идеологически организационное новое руководство Пролеткульта не смогло предложить культурной программы, соответствующей сложившейся социально-культурной ситуации;

- психологические — выгорание революционного энтузиазма среди широких масс в отношении возможностей собственного культуротворчества.

Вопрос о формировании специфического пролетарского типа культуры, возникшего в период диктатуры пролетариата, получил теоретическое осмысление не только в концепции Богданова, но и в творчестве Льва Троцкого. Он считал, что духовная культура столь же противоречива, как и материальная. Завоевания науки, существенным образом продвинули человеческие представления об окружающем мире. Познание стало величайшей задачей человека, и духовная культура призвана всячески способствовать этому процессу. Однако практически использовать все достижения науки в условиях классового общества имеет возможность только ограниченный круг людей. Искусство также наряду с наукой является способом познания. Для широких масс, дистанцированных как от достижений мировой культуры, так и от научной деятельности, в основном народное искусство служит для образного и обобщающего отражения реальности: народная хореография, кустарные промыслы, хоровое пение, декоративное шитье и т.д.

В свою очередь, освобождение пролетариата и построение бесклассового общества, по мнению Л.Д. Троцкого, невозможно без овладения пролетариатом всеми достижениями человеческой культуры.

Социально-культурная деятельность Пролеткульта протекала на фоне попыток разрешить «вечную» проблему — «власть и культура», и эта проблема привлекает внимание и современных исследователей.

Исследование истории Пролеткульта демонстрирует уроки деятельности неординарных социально-культурных организаций и групп в деле решения актуальных задач страны и несовместимость партийно-государственного управления с деятельностью массовых неполитических движений. Несовместимость директивного руководства с принци-

пами самоорганизации и свободного самоуправления. Помимо этого, анализ практического опыта Пролеткульта показывает возникновение опасности в деятельности любого культурного движения: бюрократизация социально-культурной деятельности, противоречия между программными установками и реальной практической деятельностью, догматизация, вульгаризация даже самых благородных идей и их обращение в собственную противоположность.

Вместе с тем, прикладная культурология, будучи практически ориентированной наукой, не может не учитывать в своем развитии принципы социально-культурной деятельности Пролеткульта, которые доказали свою жизнеспособность: демократичность и инициативность, студийный опыт, культивирование индивидуальности в противовес индивидуализму, коллективизм действий, системность, самоорганизацию социально-культурной деятельности, критическое осмысление культурного наследия, привлечение культурной элиты.

Теоретические и практические предпосылки возникновения Пролеткульта как инновационного социально-культурного движения связаны с тем, что: культурное развитие дореволюционной России создавало условия для формирования рабочей интеллигенции — социально-культурных групп рабочих, культурно-досуговая активность которых была направлена на освоение культурного наследия; самореализацию путем творческой деятельности, самоопределение путем критического мышления. Рабочая интеллигенция, нацеленная на радикальное изменение и перепонимание социально-культурной реальности, стремилась к культурной индивидуализации, однако сказывалась неполнота «включения» её в культурное пространство эпохи в недостаточной степени. Например, С. Эйзенштейн поставил пьесу А. Островского «На всякого мудреца довольно простоты».

«Быстрый темп спектакля, изобилие акробатизма делали спектакль более живым, и самую идею пьесы более понятной и значительной для широкой публики... Внезапно, но в полной связи с текстом, рампа темнела, и на экране над сценой вспыхивал кинематограф». Тем самым, с целью усиления эффекта и понятности по авторской задумке в постановке использовались акробатические, кинематографические и другие приемы. Однако подобное вольное обращение с текстами классиков вызывало неоднозначную оценку со стороны зрителей. «Считаю себя театрально грамотным; но, тем не менее, когда я смотрел «Мудреца», я не мог ориентироваться. Я не понимал, что там происходит, в чем смысл». Пьеса Лопе де Вега «Собака Садовника» рекомендовалась к постановке в театральных студиях клуба, так как в ней рабочие ясно увидят фальшь, которой был пропитан прежний мир, путы, связывающие людей и мешающие проявлению полноты его жизни.

Пролеткульт охватывал разветвленную сеть культурно-просветительных организаций: губернских, городских, фабрично-заводских, объединявших в период своего расцвета (1920 г.) около полумиллиона человек. Основной целью Пролеткульта было приобщение рабочего класса к культурному наследию и активное содействие формированию новой, пролетарской культуры. Практическая деятельность Пролеткульта охватывала различные сферы социально-культурной практики: просветительная и образовательная (рабочие университеты, политехнические студии и курсы, научные студии и кружки, публичные лекции и т.д.); издательская (журналы, книги, сборники, учебно-методические материалы и т.д.); культурно-досуговая (клубы, библиотеки, кинематограф); культурно-творческая (литературные, театральные, музыкальные и изостудии).

Интересная идея массового вовлечения трудящихся в активную творческую деятельность пользовалась огромным спросом. «В Первом рабочем театре все действительно было по-рабочему скромно и откровенно. Ни сцены, ни занавеса, ни кулис. Действие разыгрывается на полу», — отмечал рецензент на одну из пролеткультовских постановок. Шел поиск новых форм, наиболее ярких выразительных средств. Работали здесь с утра до ночи: увлеченно упражнялись в искусстве выразительной речи, многоголосной декламации, ритме, пластике, гимнастике, акробатике, цирковом тренаже. Для театра Пролеткульта создал свои первые пьесы А.Н. Афиногенов: здесь были поставлены «По ту сторону щели» (1926), «Гляди в оба» (1927), «Малиновое варенье» (1928). В театре работали: актёры Г.В. Александров, Э.П. Гарин, Ю.С. Глизер, И.А. Пырьев, А.А. Ханов, М.М. Штраух; режиссёры С.М. Эйзенштейн, В.С. Смышляев, Н.Б. Лойтер; художники А.К. Буров, Л.А. Никулин; композитор А.А. Голубенцев и др. В театре любили импровизацию. Случалось, что авторами пьесы оказывались все участники спектакля. Принцип коллективного творчества в рабочем театре активно поддерживался идеологами Пролеткульта. Его основные положения были сформулированы в работе П. Керженцева «Творческий театр», выдержавшей пять переизданий. Театр был демократичен, каждый мог стать соавтором, высказывать свое мнение и замечания. Индивидуалистическое искусство уходило на второй план, на первом был коллектив. Массовые постановки приобрели огромную популярность. Первое массовое действо состоялось 1 мая 1919 года в Петрограде. Оно было насыщено стихами, хоровой декламацией, революционными песнями и так далее. Скоро они стали организовываться с привлечением всех самодеятельных кружков города, воинских частей, сводных оркестров с ис-

пользованием артиллерии, пиротехники, флота. Театральными площадками становились огромные территории, как правило, городские кварталы и районы.

Отсюда сформировалась потребность в соответствующих культурных институтах. Концепция «пролетарской культуры» имела практическую направленность, опыт практической работы культурно-просветительных школ на о. Капри и в Болонье оказался востребован в социально-культурной деятельности Пролеткульта. Хотя принято писать, что Пролеткульт родился после конференции 1917 года, но на самом деле уже более десяти лет, с 1904–1905 годов большевики занимались сознательным пестованием этой культуры, поддерживали низовое творчество. И деятельность газеты «Правда», и партшколы в Европе, и то, что делал Горький с опекой пролетарских писателей, — это все была уже очень длинная история к 1917 году, и поэтому Пролеткульт и не выскочил из ниоткуда. Например, газета «Правда» под руководством Ленина не только печатала стихи, но и настаивала на том, чтобы читатели присылали свои стихи и очерки.

В основе идеологии Пролеткульта лежали принципы развития и изменения. Идеологическую основу программы Пролеткульта составляла теория культуры А.А. Богданова. К 1920 году в стране активно работало 128 литературных пролеткультовских студий. Инновационный характер идеологии Пролеткульта определялся в значительной мере осознанием невозможности решения социально-культурных проблем за счет ресурсов «старой» культуры. Идеологические и организационные действия Пролеткульта на фоне культурной политики в стране виделись в формировании качественно новой культуры путем создания новых культурных ценностей и норм, критического переосмысления

культурного наследия, активизации механизмов внедрения инноваций. Идеология пролетарской культуры не представляла собой целостной системы, отразив в себе в полной мере духовные противоречия пореволюционной России. Идеология «пролетарской культуры» охватывала следующие проблемы:

- отношение к культурному наследию прошлого;
- этические принципы человека «нового мира»;
- эстетические принципы творческой деятельности;
- принципы новой «пролетарской науки».

В отношении к культурному наследию идеологи Пролеткульта выступали за сознательный критический пересмотр культурных ценностей прошлого, за развитие наиболее жизнеспособных из них и включение их в сферу общественного бытия. Культурный нигилизм не являлся существенным признаком идеологии Пролеткульта. Пролетарская культура связывалась с формированием нового человека — коллективиста. Коллективизм понимался как лучшая форма развития индивидуальности. Абсолютизация роли коллектива приводила к нивелированию роли личности, теряющей свое самостоятельное значение.

В 1917 году Богданов писал: «Культурная несамостоятельность пролетариата в настоящее время есть факт основной и несомненный, который надо честно признать и из которого следует исходить в программе ближайшего будущего. Культура класса — это вся совокупность его организационных форм и методов. Если так, то какой злой иронией — или каким детским неразумием — представляются проекты немедленно навязать пролетариату дело самого радикального, невиданно сложного и трудного во всей истории организационного переустройства в мировом масштабе? И это тогда, когда так часто на наших глазах распа-

даются и рассыпаются — нередко даже не от внешних ударов — его собственные организации» [45, с. 38]. Богданов полагал, что без культурной революции общество и после установления диктатуры пролетариата останется эксплуататорским, а в условиях России еще и казарменно-солдатским. Богданов считал, что рабочим надо развиваться, тогда как Ленин полагал, что они уже готовы действовать под руководством коммунистов.

Исторический опыт Пролеткульта связан с попытками решения вечных проблем взаимоотношения партийно-государственных властей и неординарных социально-культурных организаций и групп: несовместимость партийно-государственного управления и деятельности массового неполитического движения; несовместимость директивного руководства с принципами самоорганизации и свободного самоуправления. В конечном счете, здесь в концентрированном виде раскрывается проблематика взаимодействия между духовными и институциональными факторами культуры. Помимо этого, история Пролеткульта показывает и «темные стороны» в деятельности массового художественно-культурного движения: бюрократизацию культурной деятельности и художественного творчества, противоречия между программными целеполаганиями и реальной практикой социума и жизни, что приводило к догматизации и вульгаризации идей, подавление индивидуальности.

Социально-культурная ситуация в России революционной эпохи характеризовалась резкими противоречиями между ослабленными, деформированными или разрушенными старыми духовными структурами и институтами и еще не сформировавшимися новыми, адекватными последним социальным, политическим реалиям. Пролеткультовская программа в полной мере отвечала потребностям свое-

го времени, прежде всего, потребности в целостной модели мировосприятия и мироустроительства. Это была программа культурного синтеза, как в силу своей многосторонности (художественно-эстетическая, морально-этическая, научно-философская сферы) и подчиненности единой цели — формированию качественно иного типа культуры и сознания, так и в силу презентации себя в качестве «итоговой формулы» мирового процесса культурного развития. Богданов так формулировал задачу: «Буржуазный мир, имея свою выработанную культуру, наложив отпечаток на современную науку, искусство, философию, через них незаметно воспитывает нас в своем направлении. Выход один: пользуясь прежней, буржуазной культурой, создавать, противопоставлять ей и распространять в массах новую, пролетарскую: развивать пролетарскую науку, укреплять истинно-товарищеские отношения в пролетарской революционной среде, вырабатывать пролетарскую философию, направлять искусство в сторону пролетарских стремлений и опыта» [46].

Богданов вспоминал, что впервые идея о необходимости рабочего университета или рабочей энциклопедии возникла у него в середине 1890-х гг. в Туле во время первых опытов создания организации и пропаганды марксистских идей среди рабочих. Когда первая волна революции разбилась об инертность крестьянских масс и армии, когда пролетариат был оттеснен с политической арены, а интеллигенция отшатнулась от социал-демократии, настало время серьезнее и глубже подумать об этом вопросе. Жизнь, как нельзя нагляднее, показала, что рабочий класс должен полагаться только на себя, что в дальнейшем ему предстоит всецело самому вести свое дело. К этому надо было усиленно и спешно готовиться.

Произошедшая революция вызвала громадный интерес ко всему новому. Городские жители стали проявлять инициативу в области культуры и просвещения несравненно большую, нежели раньше. Возникла потребность в грамотном руководстве данным процессом, его должен был кто-то «оседлать», и вполне естественно, что этими людьми стали те, кто так много спорил и писал о пролетарской культуре. В лидеры дискурса о «новой» культуре выдвинулся А.А. Луначарский, ему помогал старый знакомый П.И. Лебедев-Полынский, не могли не отреагировать на такой резкий скачок А.А. Богданов и М.Н. Покровский, то есть «бывшие впереводцы», получившие возможность воплотить свои старые идеи в жизнь на самом широком поле экспериментов. Впоследствии (и довольно скоро) главный акцент в критике Пролеткульта делался именно на том, что в ЦК Пролеткульта, якобы, засели давние оппозиционеры с мелкобуржуазными отклонениями в идеологии, пытающиеся под видом создания некоей особой «пролетарской культуры» продвигать темные, непонятные пролетариату вредные идеи.

Революционный переворот резко активизировал культуротворческие искания идеологов «нового мира», а пролеткультовский проект явился первым концептуально завершенным. Основные принципы пролетарской культуры состояли, по Богданову, в следующем: культурная преемственность («сотрудничество поколений») путем критической переоценки культурного наследия; демократизации научного знания; развитие критического мышления у рабочего класса и эстетических потребностей на основе социалистических идеалов и ценностей; товарищеское сотрудничество; самоорганизация рабочего класса.

Богданов рассматривал «пролетарскую культуру» не как наличное состояние культуры пролетариата и врожден-

ную классовую привилегию, а как итог планомерной и длительной работы. Однако богдановский проект, востребованный революционной эпохой, начал жить собственной жизнью, включаясь в иные социально-культурные и художественно-эстетические контексты социальной реальности, нежели это было предусмотрено ранее.

Поначалу Пролеткульт, обласканный ставшим Комиссаром народного просвещения А. Луначарским, пользовался громадным авторитетом. Тогда трудно было определить «кто — главный» в вопросах культурной политики среди пролетариата. Обмен представителями между общественными организациями (такими как Пролеткульт) и государственными органами власти, как и передача общественным организациям некоторых управленческих функций, в то время были распространенной практикой. Даже официальный адрес Пролеткульта в конце 1917 года указывался так: «Дом комиссариата народного просвещения у Чернышева моста и Зимний дворец». На заседании ЦК Пролеткульта 17 ноября 1917 г. состоялась разбивка на отделы и назначение ответственных лиц. При этом структуры Наркомпроса РСФСР и Пролеткульта были одинаковы: ЛИТО, ТЕО, ИЗО, МУЗО, Школьный отдел, Внешкольный отдел и т.д.

Сама идея открытия Пролетарского университета в Петрограде в 1918 г. сейчас кажется совершенно фантастической! Наступивший голод и мобилизация гнали рабочих, связанных с провинцией, обратно в деревню или заставляли заниматься «мешочным» промыслом. В городе (по статистике С.Г. Струмилина), если не считать прислуги и ремесленного пролетариата, осталось не более 100 тыс. заводских пролетариев, т.е. едва четверть их числа до революции. Тем не менее, летом 1918 г. Петроградским Пролеткультом было объявлено об открытии трех факультетов учреждаемого им

Рабочего университета им. К. Маркса: факультеты общественных наук, политехнических знаний и искусств. Математик М.О. Шатуновский говорил: «Мы против парт, против классов. Нужны кабинеты и лаборатории, а не классы. Трудовое начало — всегда есть не только работа рук, но и работа головы». Школы-мастерские были предназначены для рабочих, но в условиях экономического кризиса главным ее контингентом стала безработная молодежь и красноармейцы.

Проходящая в июне 1918 г. II Петроградская конференция Пролеткульта принимает решение о реорганизации и создании Отдела общесоциалистического образования в Петрограде (сокр. ООСО, под руководством сначала «пролетарского философа» А.В. Шляхова, затем Е.И. Игнатьева). Направлял деятельность Петроградского ООСО Научный отдел при ЦК Пролеткульта, которым руководил А.А. Богданов. Задача отдела обозначалась как «пролетаризация науки», во главу угла ставились скорость, проверка практикой, товарищеское сотрудничество слушателей и преподавателей, отказ от авторитаризма, т.е. Пролеткульт попытался перехватить инициативу у официальных правительственных учреждений в сфере специального образования для рабочих.

Правительство же в лице Внешкольного отдела Комисариата народного просвещения СКСО (часть РСФСР, включающая ряд областей с центром в Петрограде, до февраля 1919 г. называлась Союзом коммун северных областей, сокр. СКСО) вполне мирно взаимодействовало с Пролеткультом, пытались найти общий язык, т.к., **во-первых**, необходимость рабочих университетов признавалась обеими сторонами, **во-вторых**, экспериментирование при реорганизации школ и внешкольного образования было неизбежно.

В сентябре 1918 года были открыты Инструкторские курсы по внешкольному образованию, включавшие 4 отделения.

1. Инструкционное и технико-организаторское:

- зарубежный опыт организации внешкольного образования;

- общие вопросы внешкольного образования;

- организация рабочих клубов;

- организация клубов для подростков.

2. Общеобразовательное:

- история религии;

- история западноевропейской литературы;

- история России;

3. Естественнонаучное:

- основы математики и естествознания.

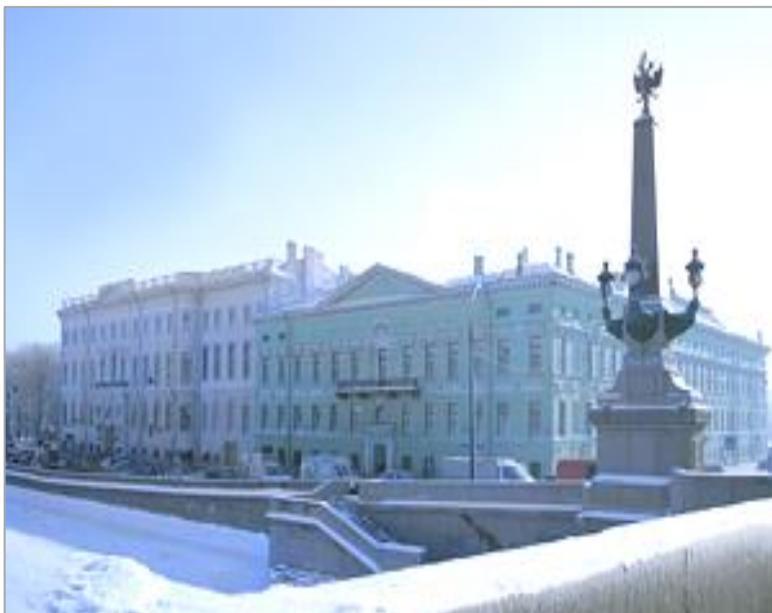
4. Отделение искусств:

- вопросы теории творчества пролетариата и его идеологии;

- лепка, чтение, театр и др.

20 декабря 1918 г. на Надеждинской ул., д. 35 состоялось первое собрание студентов и преподавателей Петроградского института внешкольного образования. Это и был Пролетарский университет, но под эгидой не Пролеткульта, а СКСО. В тот же день начались занятия. Первым директором Института (1918–1924 гг.) стал Василий Адамович Зеленко, учёный-педагог, член коллегии Внешкольного отдела Комиссариата народного просвещения (Наркомпроса).

265 первых студентов Института готовились стать специалистами библиотечного и театрального дела, музыкального просвещения, заведующими культурно-просветительскими отделами, организаторами музеев и выставок.

Первый пролетарский университет

Тем временем, как пишет Богданов, «началась работа организационной комиссии по устройству Пролетарского университета в Москве. Кроме того, в Москве уже было организовано учреждение общероссийского масштаба, имеющее самую тесную связь с идеей Пролетарского университета — это Социалистическая Академия», открытие которой связывалось с необходимостью трансформации прежней системы производства научного знания и образовательных учреждений, призванных разрабатывать марксистскую теорию и готовить кадры, необходимые для строительства коммунистического общества. Одним из первых учреждений подобного рода стала Социалистическая академия общественных наук (далее — САОН), открывшаяся в Москве в октябре 1918 г., несмотря на то, что САОН представляла собой первый этап в истории другого, куда более известного

советского учреждения — Коммунистической академии. Впервые вопрос о создании особого научного центра, ответственного за производство и трансляцию марксистской мысли, был поставлен весной 1918 г. во время разработки проекта первой советской конституции М.А. Рейснером — юристом и правоведом и М.Н. Покровским — заместителем наркома просвещения. Они предлагали организовать научное учреждение, способное стать «рассадником социалистических знаний». Для обсуждения проекта была организована группа, в которую вошли идеолог Пролеткульта А.А. Богданов, историки С.С. Кривцов, В.Н. Сторожев, несколько левых эсеров, собиравшихся «по различным закоулкам Метро-поля».

Новый центр предполагалось открыть как Коммунистическую академию общественных наук. Однако в процессе обсуждения выяснилось, что не все участники были готовы признать себя коммунистами. В результате было предложено более нейтральное название, исключаящее разделение «между своими и чужими» — Социалистическая академия общественных наук. Споры вызывал вопрос о целевых уставках будущего учреждения. М.Н. Покровский отмечал, что объединение в стенах академии научно-исследовательских и учебных функций во многом носило вынужденный характер, будучи обусловленным не только назревшей потребностью в подготовке новых марксистских кадров, но и недостатком научных сил в социалистическом лагере. Иначе вопрос трактовал М.А. Рейснер, подчёркивавший необходимость соединения в САОН учебных и научных задач, потому что в России не было учебных заведений, в которых изучались бы социальные науки, а республике нужны работники, «которые были бы образованы в общественном смысле» [4, с. 162]. Проект о создании САОН был вынесен на обсуждение

Государственной комиссии по просвещению 14 мая 1918 г. Её члены в целом одобрили подобное начинание, рассматривая его «как крупный шаг социалистических побед». Инициативу М.А. Ресивера, М.Н. Покровского и других поддержал СНК, поручивший Народному комиссариату просвещения переработать представленный проект, поставив во главу угла издательские и исследовательские задачи и настаивая на привлечении к работе зарубежных марксистов. Новый проект Положения о САОН был в целом принят на заседании СНК от 7 июня 1918 г., хотя для уточнения некоторых деталей на том же заседании было решено организовать специальную комиссию, которой предстояло внести в Положение последние коррективы (от СНК в состав комиссии вошли П.И. Стучка и В.П. Ногин). Датой принятия окончательного решения об открытии САОН можно считать 25 июня 1918 г., когда был подписан Декрет ВЦИК РСФСР об учреждении данного центра, утвердивший окончательный вариант его положения. С утверждённым документом, впрочем, оказались согласны не все участники инициативной группы. Так, А.А. Богданов считал необходимым упростить структуру созданного учреждения, отказавшись от «лишних разъединяющих рамок», демократизировать аппарат управления академией и т.д. Торжественное открытие САОН состоялось 1 октября 1918 г. Как сообщала газета «Известия», на открытии присутствовали представители социалистических партий, профессора академии, её слушатели и приглашённые гости. М.Н. Покровский, М.А. Рейснер и А.А. Богданов познакомили собравшихся с задачами академии, подчёркивая её новаторский и интернациональный характер. Академия получила в своё распоряжение здание и всю материальную базу бывшей Практической академии коммерческих наук — учебного заведения, основанного ещё

в 1804 г. для лиц, желающих получить знания в области торговли и промышленности, и располагавшего по прошествии более чем ста лет химической лабораторией, физическим, географическим, естественно-историческим и природоведческим кабинетами и фундаментальной библиотекой. Согласно принятому Положению САОН представляла собой «свободное сообщество лиц, имеющих целью изучение и преподавание как социальных знаний с точки зрения научного социализма и коммунизма, так и наук, которые сопрягаются с указанными знаниями».

В основу её работы были положены принципы «пролетарского коллективизма», воспринимавшегося в качестве единственно возможного средства достижения поставленных задач. Общее управление САОН было возложено на Совет академии. Для решения текущих задач из состава Совета сроком на один год избирался Президиум, состоявший из пяти членов и двух кандидатов, распределявших между собой возложенные на них полномочия. В ноябре 1918 г. в состав Президиума входили на правах членов М.Н. Покровский, А.А. Богданов, П.И. Стучка, И.И. Скворцов-Степанов, В.В. Оболенский и на правах кандидатов В.Ф. Плетнёв и С.С. Кривцов. Академия была задумана как мировой центр социалистической мысли. В первый состав правления были избраны, наряду с советскими деятелями (Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Бонч-Бруевич, Крупская, Коллонтай, Луначарский), крупнейшие зарубежные марксисты К. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг и др. Слушателем академии мог стать любой желающий по достижению им шестнадцатилетнего возраста. Для этого требовалось представить удостоверение личности, анкету и фотокарточки, от которых в условиях хозяйственной разрухи вскоре пришлось отказаться. Общее число слушателей САОН постоянно менялось, варьируясь от полутора до практически трёх тысяч че-

ловек. Согласно данным А.Д. Удальцова, в составе академии преобладали беспартийные мужчины в возрасте до двадцати пяти лет с законченным средним образованием, число рабочих и коммунистов было незначительно — 7,54 и 23,69% соответственно. Учебная работа была сосредоточена в учебно-просветительской секции, распадавшейся на несколько разрядов, напоминавших факультеты: социально-исторический, политико-юридический, финансово-экономический, технико-экономический; художественно-литературный не был организован. Слушатели каждого разряда могли посещать общие курсы, организуемые для всех студентов академии, так и специализированные, соответствующие выбранному направлению обучения. Набор и общих, и специализированных курсов был вариативен и зависел от интересов лектора. В апреле 1919 г. академия пережила «второе рождение», связанное с превращением в научное учреждение — Социалистическую академию, представлявшую «автономную ассоциацию работников научного социализма».

Социалистическая академия общественных наук. Москва

Пролетарский университет в Москве будет открыт Наркомпросом 1 марта 1919 г., Богданов будет читать в нем курс организационной науки. Просуществует университет очень мало: в июле 1919 г. ЦК РКП(б) решило слить его с Центральной школой партийной работы и образовать на этой базе Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова. Туда же вливались и другие школы, и курсы Москвы. Политическое руководство устанавливалось за ЦК РКП(б), а перспективы Пролетарских университетов под эгидой Пролеткульта стали весьма призрачными. В то время они существовали в Екатеринославе, Вологде, Туле, Твери, Калуге и др. городах. Еще в феврале 1919 г. Президиум ЦК Пролеткульта принял постановление вменить в обязанность т. Богданову просматривать материалы, касающиеся Пролетарских университетов, и высылать на места свои поправки и заключения.

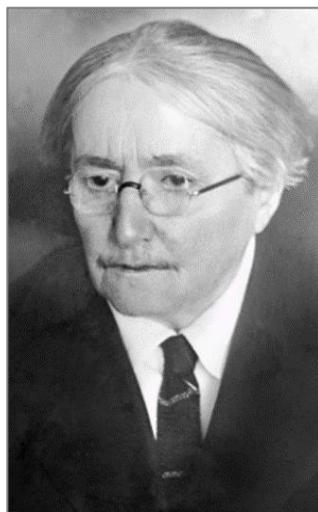
Заседание ЦК Высшего Совета Пролеткультов в августе 1919 г. в Москве (Богданов, Василевский, Керженцев, Кривцов, Пельше, Фалькнер-Смит и Озоль) постановило: при научном отделе Пролеткульта создать Центральную научную студию (вместо Пролетарского Университета), и во-вторых, распустить ООСО в Петрограде по несоответствию названию задачам и закрыть курсы. Богданов едет в Петроград, объявляет там о тактическом отступлении и предлагает сосредоточиться на работе в студиях, оставив пока идею создания Пролетарского университета под эгидой Пролеткульта. Последняя попытка Богданова организовать некий обособленный научный центр относится уже к самому непростому периоду жизни Пролеткульта — 17 мая 1921 г. Пленум ЦК ВСП принял решение «учредить при ЦК ВСП Академию пролетарского творчества как единый учебно-учебный, научный и художественный орган и образовать

организационную коллегия в составе Богданова, Фалькнер-Смит, Плетнева, Кривцова, Игнатова, Гаврилова.

М.Н. Фалькнер-Смит с группой студентов. Начало 1920-х годов

М.Н. Фалькнер-Смит — русский и советский экономист и статистик. Профессор (1921), доктор наук (1925). Член-корреспондент АН СССР с 28.01.1939 принимала активное участие в работе пролеткультовских студий и Социалистической академии общественных наук. В 1901–1905 годах училась в Лондонском университете на факультете экономических наук. В академии читала курсы: Основы статистической методологии (1923–1924), Статистический метод в научном исследовании (1924–1927).

Рассматривая искусство всецело как социальное явление, идеологи Пролеткульта связывали сущность искусства с его классовой природой, выступая за развитие нового «пролетарского» искусства, должного сменить искусство «буржуазное». Его творцом должен был стать художник, вышедший из рабочей среды. Эстетические принципы Пролеткульта сводились к следующему. Рассматривая искусство всецело как социальное явление, идеологи Пролеткульта полагали, что сущность произведений искусства обусловлена классовой природой творцов художественных ценностей. Основной социальной функцией искусства считалось укрепление господства главенствующего класса или социальной группы. По А.А. Богданову, искусство — «одна из идеологий класса, элемент его классового сознания»; «классовость» искусства состоит в том, что «под автором-личностью скрывается автор-класс» [1, с. 130]. Творчество, с точки зрения А.А. Богданова, есть «наиболее сложный и высший тип труда; его методы исходят из методов труда. В сфере художественного творчества старая культура характеризовалась неопределенностью и неосознанностью методов («вдохновение»), их оторванностью от методов трудовой практики, от методов творчества в других областях». Выход виделся в том, чтобы «слить искусство с жизнью, сделать искусство орудием ее активно-эстетического преобразования».

В качестве основы литературного творчества должны выступать «простота, ясность, чистота формы», отсюда рабочим поэтам следует «учиться широко и глубоко, а не набивать руку в хитрых рифмах и аллитерациях». Новый писатель, по А.А. Богданову, может и не принадлежать к рабочему классу по происхождению и статусу, но способен вы-

разить основные принципы нового искусства — товарищество и коллективизм.

Идеологи Пролеткульта считали необходимым реформирование научного знания, которое нужно критически пересмотреть по содержанию и способу изложения, устранить его разрозненность. Понимание идеологами Пролеткульта природы научного знания вело к его интерпретации как утилитарно-прикладного явления. Научное знание, с точки зрения идеологов Пролеткульта, имело классово-обусловленную природу — отсюда их требование развития собственной «пролетарской науки». Прообразом ее является всеобщая организационная наука. Программа «пролетарской культуры», соответствующая духу времени пореволюционной России и выражавшая стремление пролетариата к культурному развитию и созданию справедливого общества, содержала в себе глубокие противоречия, утопические элементы, черты примитивизма и утилитарности, классовости. Содержание идеологии «пролетарской культуры» нуждается в критическом осмыслении для адекватной оценки отечественной социально-культурной деятельности 1920-х гг.

В художественных студиях творческая деятельность была неразрывно связана с просветительской. Пролеткульт рекомендовал писателям в своем творчестве соблюдать «простоту, ясность, чистоту формы», а рабочим поэтам «учиться широко и глубоко, а не набивать руку в хитрых рифмах...». Программа студийной учебы была весьма разнообразной — от методов научного мышления до истории русской критики и устройства библиотек. Вот примерный учебный план литературной студии, который публикует журнал «Грядущее» Петроградского Пролеткульта:

Основы естествознания — 16 ч;

Методы научного мышления — 4 ч;
Основы политической грамоты — 20 ч;
История материального быта — 20 ч;
История формирования искусства — 30 ч;
Русский язык — 20 ч;
История русской и зарубежной литературы — 150 ч;
Теория литературы — 36 ч;
Психология художественного творчества — 4 ч;
История и теория русской критики — 36 ч;
Разбор произведений пролетарских писателей — 11 ч;
Основы газетного, журнального, книгоиздательского дела — 20 ч;
Устройство библиотек — 8 ч.
Итого — 385 часов.

Учебный план первого курса включал дисциплины: гуманитарные — Организация устного изложения и обсуждения, Методы письменного изложения, Способы использования литературных источников. История рабочего движения и форма рабочей организации, Введение в изучение научного социализма, Формы общественности. И естественнонаучные — Математика, Физика, Введение в химию, Астрономия, Введение в биологию, Физиология и др. Слушатели первого курса могли изучать иностранные языки (немецкий, английский, французский), историю литературы и искусства, черчение.

Предметы второго уровня предполагали углубленное освоение методологии естественных наук, политэкономии, истории государственного права, социальных движений и исторического материализма. Предполагалось преподавание курса лекций по теме «Социалистический идеал» — устранение элементов принуждения из отношений между людьми, замена анархии и конкурентной борьбы товарищеским коллективизмом, «переход к неограниченной свободе

труда» и подчинение стихийных сил природы. В дискуссии о преемственности культур пролетариату рекомендовалось критически осмыслить то, что в предыдущей культуре носило «печать общечеловеческого» (так было заявлено в пролеткультовских тезисах в 1919 г.).

Деятели Пролеткульта настороженно относясь к культуре прошлого, боясь ее «воздействия», считали, что старая культура может подавить классовое сознание пролетариата, и что достаточно безболезненно старые ценности может воспринять только интеллигенция. Сами идеологи Пролеткульта были высокообразованными людьми и пользовались этим наследием, педагоги для обучения пролеткультовцев набирались из интеллигентских кругов (например, в литературной студии преподавали символисты А. Белый и Вяч. Иванов и др.).

Программа «пролетарской культуры», охватывающая различные картины мира и социальной практики (художественно-эстетическую, морально-этическую, научно-философскую), подчиняла всё единой цели — формированию качественно иного типа культуры, что не могло быть осуществлено без содействия интеллигенции. В отношении пролеткультовцев к интеллигенции переплетались высокомерно-пренебрежительное отношение и осознание того, что без ее помощи невозможно развитие собственного культурного самосознания. «Если мы хотим, чтобы наш горн пылал, мы будем бросать в него уголь, нефть, а не крестьянскую солому и интеллигентские щепочки, от которых будет только чад, не более» [47, с. 27]. «Теперь мы еще не можем обойтись без буржуазной интеллигенции и ученых. Нам еще надо создать свою рабочую интеллигенцию, своих студентов, своих ученых» [47, с. 34]. «В области науки и технических знаний интеллигенция еще может учить нас, но в ис-

кусстве нет: пролетариат сам выявит свое творчество» [47, с. 113].

В литературной студии Московского Пролеткульта читал лекции В.Ф. Ходасевич. В мемуарном очерке «Пролеткульт» Ходасевич отмечал «прекраснейшие качества русской рабочей аудитории» и прежде всего «ее подлинное стремление к знанию и интеллектуальную честность». С другой стороны, он обвинил Пролеткульт в пагубном захватывании рабочих поэтов. О своих лекциях Ходасевич пишет: «Мои чтения представлялись руководителям Пролеткульта замаскированной контрреволюцией».

В театральной студии Московского Пролеткульта преподавали Н.В. Демидов, В.Р. Ольховский, В.С. Смышляев, М.А. Чехов. Пролеткультовский журнал «Горн» опубликовал две статьи Чехова «О системе Станиславского» (1919. – кн. 2/3) и «О работе актера над собой (по системе Станиславского)» (1919. – кн. 4). Это было первое документальное изложение системы Станиславского, существовавшей до того лишь в устной форме.

В 1920–1925 гг. в Пролеткульте работал С.М. Эйзенштейн. Он руководил режиссерскими мастерскими, возглавлял первый рабочий театр Пролеткульта. В театре Пролеткульта Эйзенштейном были поставлены спектакли «Мексиканец» (по рассказу Джека Лондона), «Мудрец» на основе пьесы А.Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты», «Противогазы» (вместо театральной сцены — газовый завод, превращенный в сценическую площадку). Совместно с Пролеткультом снят фильм «Стачка».

В Петроградском Пролеткульте занятия в литературной студии вел Н.С. Гумилев. В журнале «Грядущее» читаем: «В литературном отделе за сентябрь и половину октября происходили занятия в Литературной Студии. Занятия четыре

раза в неделю, читал лекции по теории стихосложения т. Гумилев». Когда Гумилев был арестован по обвинению в контрреволюционном заговоре, было написано письмо за подписью М. Горького и других с ходатайством об освобождении поэта, среди «подписантов» был и председатель Петроградского Пролеткульта А.И. Маширов-Самобытник.

В театральной студии Петроградского Пролеткульта работали актеры Александринки — Г.Г. Ге, Е.П. Карпов, режиссерами были Н.Н. Урванцов, А.Л. Грипич, ученик Мейерхольда, А.А. Мгебров, осуществивший большинство постановок Петроградского Пролеткульта. Курс «Искусство живой речи» читал знаменитый адвокат А.Ф. Кони. Д.А. Щеглов, заведующий театральной студией, вспоминал, что он вызывал к себе горячий интерес и почтение как человек, посмевшийся бросить вызов самодержавию и оправдать на царском суде Веру Засулич, которой грозила смертная казнь.

Сопоставляя взгляды М. Горького и пролеткультовцев, можно сделать следующие выводы. **Во-первых**, обнаруживается общность их взглядов на социальную роль культурного наследия предшествующих эпох в создании культуры «нового мира». **Во-вторых**, они совершенно по-разному видели пути развития одной из составляющих новой культуры, а именно — литературы. Горький выступал за объединение всех интеллектуальных сил в деле спасения русской культуры. Пролеткультовцы же в большинстве своем ратовали за чисто классовую пролетарскую литературу. **В-третьих**, Горький критически (здесь он сходил с А.А. Богдановым) оценивал в это время идеологию большевизма, которая «наносит великий вред делу революции», за что и заслужил резкие упреки в свой адрес от большевиков.

Сотрудничество русской интеллигенции с Пролеткультом и государством в целом было обусловлено неистребимой в истинном интеллигенте духовной потребностью в сохранении и развитии мира культуры. Иные представители творческой интеллигенции с искренним энтузиазмом поддались романтике революции. Но для многих было невозможно реализовать свое участие в деятельности новой власти в силу возраста, болезни, кто-то вынужден был эмигрировать, поскольку политика военного коммунизма — крайне централизованное управление экономикой и государственная монополия на многие товары привела к карточной системе отоваривания основными продуктами. С августа 1918 года в Советской России по талонам стали выдавать набор самых необходимых продуктов — хлеб (в том числе и муку), крупу, сахар и подсолнечное масло. Просуществовала эта система до 1921 года.

Иждивенцы, интеллигенты и «бывшие» снабжались продуктами в последнюю очередь, а часто и вовсе ничего не получали. Помимо того, что система обеспечения продовольствия была не совсем справедливой, она к тому же была чрезвычайно запутанной. В Петрограде существовало, по меньшей мере, 33 вида карточек со сроком действия не более месяца! По различным данным в течение нескольких лет покинули Россию от 1,2 до 2 млн человек. Интеллигенция России стала очень малочисленна уже к 1923 году, она составляла около 5% городского населения. Факты практики взятия заложников из среды интеллигенции, аресты и прочие враждебные действия заставляли страдать всю Россию 1917–1921 гг. Как и беспрецедентная высылка в 1922 г. из России двух сотен лучших представителей отечественной мысли, не говоря уже о ссылках и беспардонном обращении с теми интеллигентами, которые по тем или иным причи-

нам оказались не нужны большевикам. Их беспомощность, неприспособленность к новой жизни в условиях всеобщего дефицита и во враждебном социальном окружении обрекали их на мучительное вымирание. Мария Александровна Гартунг, дочка Пушкина, его первенец, маленькая копия отца, его Машка, которую он любил, о будущем которой мечтал, умерла на улице в 1919 г. от голода и нищеты. Никто нарочно не убивал ее, но в полном соответствии с текущим моментом ей просто не дали талоны на еду. Первая выплата пенсии и назначенное гражданке М.А. Гартунг единовременное денежное пособие в 2 400 рублей были потрачены на погребение старой дамы на кладбище Донского монастыря.

В августе 1920 г. Ленин запрашивает у М.Н. Покроского, чем на деле является сейчас Пролеткульт. Ответ: «На запрос Ваш относительно Пролеткульта сообщаю, что он является автономной организацией, работающей под контролем НКП и субсидируемый последним». В этой фразе Ленин трижды подчеркнул слова «под контролем», а рядом на полях написал: «Как его сделать реальным?».

Поворотным для Пролеткульта стал I Всероссийский съезд по внешкольному образованию, который проходил в мае 1919 г. в Москве. На нем выступают Луначарский, Ленин, Крупская, Смидович, Богданов, Керженцев, Лебедев-Полянский и др. Ленин дает четкий сигнал к началу культурной революции в массах, но не на основе их самостоятельности, а под руководством партии. Резолюция съезда при поддержке коммунистической фракции узаконила «ликвидацию параллелизма» и «подчинение местных Пролеткультов региональным отделам НКП»: «Задачей органов рабоче-крестьянского правительства, в том числе и Наркомпроса, является распространение революционного

марксизма. Идеи коммунизма представляют собой точку зрения передового отряда пролетариата, которые должны быть распространены среди самых широких слоев. Никакой другой истинно пролетарской точки зрения, которую якобы призван проводить в жизнь Пролеткульт, нет. Пролетарская (социалистическая) культура вырастает в процессе борьбы, а не создается в тиши кабинета. Съезд находит, что пролеткультовская работа должна составить часть Комиссариата и быть тесно связанной с работой внешкольного отдела, входя как секция в его состав в центре и на местах». Огосударствление Пролеткульта столкнулось с сопротивлением: при первом голосовании резолюции голоса распределились 166 «за» и «36» против при 26 воздержавшихся, а через несколько дней при финальном утверждении «против» было подано уже 93 голоса — тревожный знак, в котором можно усмотреть начало новой фракционной деятельности «богдановцев».

Новое руководство Пролеткульта, избранное на Пленуме ЦК Пролеткульта 16–20 декабря 1920 г. (ушел Богданов, Лебедев-Полянский и др.), искало какой-либо свежий курс, новое направление в работе. Решено было переместить центр тяжести из студий в заводские рабочие клубы, то есть поближе к собственно рабочим. В клубах стали устраиваться кружковые занятия по истории революционного движения, истории русской литературы и даже ритмической гимнастике. Но занятия посещались плохо, и было принято решение нацелиться на сознательных рабочих-партийцев, а для этого — связаться с профсоюзами. IV Всероссийский съезд профсоюзов, проходивший в мае 1921 г., выразил полную поддержку сближению с Пролеткультом. II съезд Пролеткульта, проходивший в ноябре 1921 г., рассматривал главным образом вопрос о взаимодействии с партией и профсоюзами. В письме ЦК РКП(б) съезду говорилось, что Пролет-

культы должны стать одним из аппаратов партии по удовлетворению культурных запросов пролетариата и «очистить пролеткульты от мелкобуржуазного мещанского загрязнения».

ЦК Пролеткульта планомерно начинает сокращать сеть. В 1918 г. насчитывалось 147 Пролеткультов по всей России, в начале 1920 г. — 300. В 1921 г. — уже 54, в 1922 г. — работает 22, в процессе организации — 2, в 1925 г. — 11, в 1925 г. — 5, к 1932 г. — 12 и 4 в стадии организации. Все цифры довольно приблизительны, но тенденцию отражают верно. Окончательно статус организации закрепился летом 1926 г. «Положение о формах связи Пролеткульта с профсоюзами» и «Положение о Пролеткульте», одобренные Секретариатом и Оргбюро ЦК ВКП(б), подчеркивали, что Пролеткульт — целостная организация, действующая на средства и под руководством профсоюзов, обязана популяризировать пролетарскую культуру, вести агитацию и пропаганду за ее строительство на основах марксизма-ленинизма. Пролеткульт может строить свои организации только по территориальному признаку, фабрично-заводские пролеткульты создавать не разрешено. Состоявшийся в феврале 1926 г. Пленум ЦК Пролеткульта заявил о разрыве со «старой» идеологией Пролеткульта, исключении из организации группы «дезорганизаторов», продолжавших следовать идеям А.А. Богданова и мешавших работе в новых условиях.

2.2. Модели «пролетарской культуры» как способы обретения идентичности гегемоном соцреволюции и восстановления разрушенной экономики.

Программа «пролетарской культуры»

В отечественном литературоведении Пролеткульт не занимал много места, поскольку был отнесен как ущербное

течение на периферию исторических событий того времени. Были небольшие упоминания Пролеткульта в западных монографиях, но мельком, и было несколько исторических работ, опять же западных, на которые можно было отчасти опираться. Пролеткульт выражал массовое поэтическое творчество, в котором и посредством которого народные массы стремились обрести идентичность и оформить для себя эту новую бурно становящуюся картину социалистического мира. И центральная для Пролеткульта концепция пролетарского творчества, которое должно было преобразовать мир, идеально здесь подходила: она давала людям чувство собственной значимости, возможности преображения всего. Отсюда такие количества стихотворных текстов. Они были средством преобразования реальности и несли в себе идеологию, за которую можно было ухватиться. К 1930 г. массовое творчество уже не было нужно. Ушло на периферию не столько пролетарское, сколько коллективное творчество, оно ушло в другие виды искусств, народный театр, кружки самодеятельности, живущие в местных домах культуры, но уже без пролеткультовской стихийности. Труд становится счастьем, ценностью, а наиболее органичное пространство это уже не лужок и лес, а завод.

«Пролетарская культура» — основной теоретический орган Всероссийского совета Пролеткульта, издавался в Москве в 1918–1921 гг. под редакцией П.И. Лебедева (В. Полянского), Ф. Калинина, П. Керженцева, А. Богданова, А. Маширова-Самобытника. Всего вышел 21 номер. Помещались статьи А.В. Луначарского, Н.К. Крупской, В. Полянского, Ф. Калинина, С. Кривцова, А. Богданова, П. Керженцева, В. Плетнева; стихи В. Кириллова, А. Гастева, М. Герасимова, А. Поморского. Журнал уделял основное внимание вопросам пролетарской культуры, в частности поэзии, критике, театру. В отделе библиографии систематически рецензировали

лись провинциальные пролеткультовские журналы. Значительное внимание уделялось творчеству начинающих рабочих-писателей, культурному строительству в стране, ликвидации безграмотности, культуре быта и т.д.

Идеология пролеткульта основывалась на понятии классовой культуры, которое выдвинул Г.В. Плеханов и развил А.А. Богданов. Рассматривая искусство в качестве «самого могущественного орудия организации классовых сил», Богданов настаивал на необходимости пролетариату иметь свою культуру, проникнутую идеей трудового коллективизма. Одно из главных положений пролеткульта — приоритет коллективного сознания и массового творчества перед индивидуальным: творческую самодеятельность масс он ставит в основу своей деятельности. Изгнание интимного и лирического, демонстрация открытой грандиозности, невозможность индивидуального мышления, технизации слова, — такой представлялась культура будущего. Наиболее ярко программа пролеткульта воплотилась в поэзии, где выступали выходцы из рабочих масс — А. Гастев, М. Герасимов, И. Садофьев, В. Кириллов, Н. Полетаев, В. Казин. В центре их произведений — собирательный образ пролетария, «бесстрашный работник – творец – человек» (Гастев А. Поэзия рабочего удара. Иваново, 1918). Основными темами поэзии пролеткульта были труд («Мы всеильны, мы все можем!» — утверждал Садофьев), коллектив («Мы несметные, грозные легионы Труда» — Кириллов), пафос преобразований «Великой Мировой весны» (Кириллов), «Демократии Грядущей вселенной» (И. Филипченко), Мировой революции («Во вселенной безбрежной дух витает мятежный, Революций кровавых уж гудит хоровод» (Н. Власов-Окский).

Пролеткультовские поэты, художники, агитаторы часто выезжали на фронт, работали во фронтовой печати и крас-

ноармейской самодеятельности. Однако постепенно в деятельности руководства Пролеткульта стали проявляться ошибочные идейные установки. К 1920 г. они переросли в опасный политический уклон. Нигилистическое отношение к культуре прошлого, страх перед нею вытекали из главного тезиса Пролеткульта: пролетариат в силу своей коллективно-классовой психологии должен создать чисто пролетарские культуру и науку. Подобные взгляды В.И. Ленин характеризовал как фальсификацию исторического материализма, игру в исторический материализм. Они неизбежно вели к мнимо революционному догматизму и вульгарному социологизму. Идеологическая установка симпатизирующих старому курсу Пролеткульта на создание социалистической культуры только рабочего класса объективно вела к подрыву союза рабочего класса и крестьянства. Непреодолимое желание некоторых пролеткультовцев противопоставить себя другим социальным группам населения, в том числе и крестьянству, отгородиться от них как высший класс общества и лабораторным путем создавать обособленно-пролетарскую культуру, стало для них повседневным смыслоценностным руководством.

Смысл их аргументации состоял в том, что Советская власть — это не чистая диктатура пролетариата, а политический блок весьма различного классового состава, поэтому «ставить дело организации самостоятельного культурного творчества пролетариата под контроль и руководство идейных представителей крестьянства, армии, казачества, городской мещанской бедноты есть, по меньшей мере, большое унижение культурного достоинства рабочего класса, отрицание его права культурного самоопределения». Аналогичными аргументами обосновывали платформы де-

цисты, которые известны также как «группа 15-и» и рабочая оппозиция.

В машинописной брошюре 1925 г. «Рабочий вопрос» был представлен анализ реального положения рабочего класса в советском «рабочем государстве». В брошюре говорилось о нажиме государства на рабочих, интенсивность труда которых повышается без соответствующего роста зарплаты; об ухудшении правового положения трудящихся; об установлении «полного самодержавия администрации» на предприятиях. Именно эти вопросы, затемняемые схоластическими дебатами о возможностях построения социализма «в одной, отдельно взятой стране», являются определяющими для перспектив социалистического строительства в СССР, подчеркивали авторы и делали практические выводы: рабочему классу необходимы инструменты для защиты от существующего государства, следовательно, надо добиваться легализации стачечной борьбы. Таким образом, в середине 20-х гг. во взглядах децистов происходит существенный сдвиг: от полемики по вопросам внутривнутрипартийной жизни, экономической политики, культурного строительства пролетарской интеллигенции они переходят к постановке в центр своего внимания вопросов, непосредственно связанных с классовыми интересами пролетариата. Именно этот подход будет затем положен в основу «Платформы

15-и». Руководители — Сапронов Тимофей Владимирович, Смирнов Владимир Михайлович. Следствием такой переориентации стало изменение круга сторонников децистов: по данным ЦКК, во второй половине 20-х гг. большинство их сторонников составляли рабочие. «Объединенные левой оппозицией» в 1926 г. сапроновцы покинули оппозиционный блок Троцкого и Зиновьева, посчитав политику в отношении сталинского руководства культурным строитель-

ством недопустимо примиренческой и непоследовательной. Свою роль, по-видимому, сыграло также недоверие децистов по отношению к Троцкому — они хорошо помнили о его прошлых военно-коммунистических увлечениях и опасались вождистских амбиций; как выразился с рабочей прямотой Сапронов: «Мы Троцкому чистить сапоги не будем!».

А. Богданов не разделял увлечение пролеткультовцев теми вопросами, которые выходили за пределы компетенций программных установок Пролеткульта и продолжал работу по поиску методик быстрого воспитания рабочей интеллигенции [48]. По его мнению, пролетарская культура может быть создана только представителями рабочего класса, поскольку именно они знают и чувствуют, что необходимо рабочему классу. Богданов даже уточнял, что необходимо представителям «индустриального пролетариата». В этой позиции Богданова не было никакой пафосности. Он исходил из своих теоретических построений, согласно которым индустриальный пролетариат в силу специфики своего труда глубоко усвоил организационное начало, коллективизм и многое другое, и потому подготовлен к переходу на новый этап — этап освоения и построения пролетарской культуры. Кухарка, скажем, к этому не способна. Она тоже трудящийся, но с другим, индивидуалистическим, опытом. Но с другой стороны, менталитет кухарки и менталитет рабочего Путиловского завода очень существенно отличаются, а в каком-то смысле и диаметрально противоположны. То же самое, например, с менталитетом крестьянина и менталитетом всё того же Путиловского рабочего. Но как тогда быть с ленинским утверждением о том, что каждая кухарка должна научиться управлять государством. Но ведь научиться она должна? А в Пролеткульт ее принимать нельзя. И крестьянина нельзя, даже беднейшего. Между тем, Рос-

сия — это страна с большинством крестьянского населения. Теоретический посыл Богданова, будучи реализованным на практике, входил в глубокое противоречие со многими большевистскими построениями, в частности, другого идеолога Пролеткульта и главы Наркомпроса А. Луначарского, рекомендовавшего придерживаться формулы: «Кто против буржуазии, тот с нами». Был и другой животрепещущий вопрос, по которому в Пролеткульте не было единого мнения. Имеется в виду вопрос об отношении к культурному наследию. Пролетариату рекомендовалось критически осмыслить все то, что в культуре прошлого носило «печать общечеловеческого». Пролеткульт на первый план выдвигал создание пролетарской культуры без помощи других классов. Как заявил В. Полянский, председатель Совета Пролеткульта в июле 1918 г. — это должно было происходить вне зависимости от тех организационных форм, которые предписывались государственными органами, вне всяких декретов. Но тем самым идеологическая проблема становилась политической. В Пролеткульт входили и решительные противники заимствования культуры прошлого для развития и строительства пролетарской культуры и настроенные более умеренно. Считавшие, например, что можно использовать прогрессивную классику, подтвердившую свою правоту и подлинность. В резолюции, предложенной А. Богдановым на Первой Всероссийской Конференции Пролеткульта, было сказано: «Сокровища старого искусства пролетариат должен брать в своем критическом освещении, в своем новом истолковании, раскрывающем их скрытые коллективные основы и их организационный смысл». Нарком просвещения Луначарский в своих обращениях призвал беречь и охранять «культурные сокровища», которые получил народ и при помощи которых всё это поможет ему

быстро перерасти образованностью прежние господствующие классы, поможет ему сделаться новым человеком, обладателем старой культуры и творцом еще невиданной. Член ЦК Пролеткульта В. Полянский также советовал приглядываться к старой культуре: «Необходимо овладеть богатствами буржуазной культуры, чтобы потом переработать их в горниле классового сознания. Самое же главное, пролетариат должен проявить самостоятельное творчество в области искусства, морали, науки, — словом, в области всего, что так или иначе способствует организации новой жизни» [49].

Полянский — это псевдоним П. Лебедева, старого большевика, марксистского критика и историка литературы. С 1918 по 1920 год Лебедев был председателем Всероссийского совета Пролеткульта и даже секретарем Международного бюро Пролеткульта. В журнале «Пролетарская культура» он отстаивал пролетарскую классовую точку зрения в оценке искусства и литературы, требовал от критики политической зоркости и активности, резко выступал против футуристов, ярким представителем которых был Маяковский.

Среди теоретиков Пролеткульта был пролетарский поэт А. Гастев. Алексей Гастев — революционер, поэт и писатель, теоретик и практик научной организации труда. С 1913 по 1919 годы писал своеобразные «стихи в прозе». Его книга «Поэзия рабочего удара», в которой он начал излагать свои идеи, выдержала шесть переизданий. В 1918 году участвовал в работе Пролеткульта. Вот пример его стихов: «Слово под прессом», более известное под названием «Пачка ордеров» 1921 г. (то есть буквально «пресс» — устройство для холодной обработки металлов, «ордер» — технологическая записка):

| Призмы домов. Пачка в двадцать кварталов

В пресс ее. Сплющить в параллелограмм
Зажать до 30 градусов. На червяков и колеса
Квартало-танк. Движение диагональю
Резать улицы, не содрогаюсь.
Лишние тысячи калорий работникам.

Вот что Гастев писал в своей работе «Контурсы пролетарской культуры» (1919): «Машинизирование не только жестов, не только рабоче-производственных методов, но машинизирование обыденно-бытового мышления, соединенное с крайним объективизмом, поразительно нормализует психологию пролетариата... Здесь мы вплотную подходим к какому-то действительно новому комбинированному искусству, где отступят на задний план чисто человеческие демонстрации, жалкие современные лицедейства и камерная музыка. Мы идем к невиданно объективной демонстрации вещей, механизированных толп и потрясающей открытой грандиозности, не знающей ничего интимного и лирического». Велимир Хлебников оценивал Гастева: «Это — обломок рабочего пожара, взятого в его чистой сущности, это не ты и не он, а твердое я пожара рабочей свободы, это заводской гудок, протягивающий руку из пламени, чтобы снять венок с головы усталого Пушкина — чугунные листья, расплавленные в огненной руке». Литературный критик и деятель Пролеткульта Б. Арватов так характеризовал стихи Гастева: «Происходящая в настоящее время революция в искусстве характеризуется прежде всего полным разгромом самоцельных эстетических форм, противопоставленных действительности. В поэзии этот процесс выражается в том, что формы живого практического языка вторгаются в художественную композицию и подчиняют ее себе. Так происходит социализация поэтических форм, а вместе с ней уничтожается вековая грань между искусством

и жизнью: поэт начинает говорить на социально-активном языке во имя социального дела. В этом смысле гастевская «Пачка ордеров» является симптоматичным и необычайно важным произведением наиболее передового пролетарского поэта». Идея Гастева — одухотворенное единство человека с машиной (машинизм), коллективизм и планетарность. В 1924 году был издан основной научный труд Гастева «Трудовые установки», где изложена методика ЦИТа по научению граждан трудовым приемам.

Лозунги Гастева

- Держи карту учета, сделаешь революцию времени!
- Юность! Ты не должна зевать, ты должна всюду попевать!
- Не говори о больших пространствах! Научись овладевать малым пространством и малым временем.
- Учитывать время — значит дольше жить.
- Человечество научилось обрабатывать вещи. — Наступила пора тщательной обработки ЧЕЛОВЕКА.
- Если решил —ДЕЙСТВУЙ!
- Когда работа нейдет, — не хватайся за папиросу, лучше вздохни поглубже.
- Прекрати работу «начерно», — делайся АРТИСТОМ работы.
- Если хочешь вводить НОТ, стань мастером хоть одной операции!
- Пролетариат не для того приходит к власти, чтобы коротать свои дни на завоеванных орудиях производства, а чтобы их поднять, возвеличить и сообщить им невиданные скорости.

Пролетариат, будучи полноценным социальным субъектом и наследником общечеловеческой культуры прошлого, по Богданову, не воспринимает ее пассивно, а перерабатывает на основе своих принципов: Пролетариат, конечно, законный наследник художественного богатства старой

культуры. Но культурное наследие не постигается без усилий. И для этого один способ: надо иметь свою культуру, чтобы с ее новой точки зрения осветить и понять продукты старого творчества [51].

Труд машины, который стал завоевывать производство, требует управления. В отличие от ручного труда, он вызывает необходимость повышенной технической подготовки, более высокого уровня интеллектуального развития. С дальнейшей автоматизацией производства, по мнению А.А. Богданова, нужно достичь однородности труда рабочего и труда инженера. Реализация этого в полной мере станет возможна лишь тогда, когда в экономике не будет главенствовать идея эксплуатации человека человеком, а ее место займет принцип заботы об участнике производства и о пользе для самого производства [50]. По мысли Богданова, новая культура ассимилирует старую, преобразуя ее на свой лад: «Создавая новое искусство, коллективизм преобразует старое и сделает его своим воспитательным средством, своим организационным орудием» [52]. Такое преобразование старого в новом произойдет не только в искусстве, но и в идеологии, науке, нормативно-правовой сфере и т.д. [45].

Богданов выделяет четыре «элемента», составляющих пролетарскую культуру.

Первый из них — любовь к труду и гордость труда (чего не было у эксплуатируемых классов, живущих в эпохах до промышленного капитализма). Любовь — потому что пролетарий является организатором «машины», а гордость — «он видит постоянно на своей работе, как труд побеждает природу, побеждает стихии» [52, с. 39]. Элемент классовой борьбы — навязанный пролетариату силой существующих общественных отношений отрицательный элемент. Пролетариат вынужден бороться, чтобы жить и защищать себя,

чтобы развиваться. Это элемент временный, который при социализме заменится творчеством: «пролетарская культура определяется в основе не борьбой, а трудом, не разрушением, а творчеством» [53].

Второй элемент пролетарской культуры. Если «капитализм организуется при посредстве права частной собственности и морали индивидуализма» [45], то социализм должен быть построен на иных — товарищеских принципах. Разумеется, при капитализме в мышлении рабочего класса сохраняется много элементов старых «культур»: авторитарной и индивидуалистической. Полного их исчезновения при отсутствии материальной свободы и культурного прогресса ожидать нельзя. В Англии ввиду самого долгосрочного мануфактурного периода в среде пролетариата укоренились буржуазные ценности. Такой же скепсис у Богданова в отношении американского рабочего класса [51, с. 184–185]. Что самое удивительное, российское общинное крестьянство, настроенное сугубо антикапиталистически, Богданов считал мелкой буржуазией. В рамках взаимоотношений пролетария (при устранении внутриклассовой конкуренции) и капиталиста индивидуализм вытесняется коллективизмом: «индивидуальный договор найма уступает место коллективному, капиталист вынужден иметь дело с профессиональным рабочим союзом. Продажа-покупка рабочей силы, с устранением конкуренции между рабочими, превращается в борьбу классового пролетарского коллектива против буржуазного контрколлектива». Все же надо сказать, что при капитализме конкуренцию между рабочими за рабочее место устранить невозможно. В товарищеской дисциплине — уверен Богданов, — неизбежно должно с течением времени растворяться индивидуальное честолюбие». Однако тут же Богданов замечает, что «сохраняется в рабочих ор-

ганизациях институт лидерства, т.е. не формального, а фактического подчинения многих отдельным авторитетам — институт, совершенно необходимый для буржуазных организаций при анархичном индивидуализме их членов, но безусловно вредный для рабочего класса на нынешней степени его развития» [48, с. 47–48, 52]. В записных книжках Богданова встречается такая мысль: «Пролетарские массы жаждут великих вождей, не понимая, что суть решения исторической задачи не в вождях, а в методах» [Богданов, Записные книжки, л. 33].

Позднее Богданов к вождизму относится более терпимо: «развивается контроль класса над вождями, и они становятся таковыми постольку, поскольку выражают стремления и сознание этой массы» [53, с. 55]. Тектолог, учитывая классовый авторитаризм капиталиста в отношении пролетария, надеется, что «борьба ведется не за перемену властителя, не за то, чтобы самим лично стать властителями, а за ограничение власти, за изменение самого способа организации» [48, с. 49, 51], и «вместо индивидуализма буржуазии, против авторитарности поднимается коллективизм, жажда освобождения классового и с ним общечеловеческого» [51, с. 186]. По мысли Богданова, «именно товарищеское сотрудничество является для рабочего класса его специфической формой организации» [48, с. 54]. Опять же здесь из виду Богдановым исключается русское общинное крестьянство. Товарищеское сотрудничество определяется Богдановым как «коллективное обсуждение, коллективное решение и затем коллективное исполнение того, что принято» [53, с. 43–44]. В записных книжках Богданов определяет товарищество следующим образом: «Товарищество — это центр мироотношения, это высшая точка зрения, с которой оцениваются формы сознания, а природа перестает быть без-

различной и враждебной средой, становится полем общественного действия — опоры гордого сознания силы (без оптимизма) опять определяемого товариществом» [Богданов, Записные книжки, л. 86]. Причем коллективизм, по Богданову, является высшей формой универсализма, призванной очеловечить Вселенную: «Коллективизм познания есть активный универсализм, т.е. выражает реальную тенденцию к осуществлению универсализма: человечество организует мир, но он еще не организован по-человечески, универсализм же пантеистов и панпсихистов есть созерцательный, т.е. фиктивный...» [Богданов, Записные книжки, л. 94]. Вдобавок тектолог формулирует различие демократического сознания от коллективизма: «В демократическом сознании есть коллегиальность, т.е. сознание того, что силы объединены и должны действовать согласно; но нет коллективизма, при котором сознается и полное внутреннее единство целей». Богданов полагает: процедура демократического голосования превращает человека в отвлеченную (=обезличенную) единицу, которая должна подчиниться авторитету большинства. «Если коллектив есть единое целое», — замечает тектолог, — то вопрос решается не большинством и меньшинством, а единодушием, единогласием» [53, с. 76–77].

Третий элемент пролетарской культуры. При социализме человечество, по Богданову, должно достигнуть некоего «просветленного» состояния, завершающего историческую стрелу времени, заключающуюся в смене «фетишистских» (=ложных) способов мышления. Богданов понимает фетишизм как «вообще всякое извращенное представление действительности» [53, с. 52]. Это поразительно схоже с понятием фантазма у виднейшего представителя «идеалистического» лагеря (точнее, идеалреалистического) — Н.А. Бер-

дьява, фантазмы как то, что извращает реальность, то, что «делает человека антиреалистом, идеалистом в дурном смысле слова». «В мире фантазмагорическом, — утверждает Бердяев, — все реальности смещены со своих мест и извращены, структура бытия нарушена и все отнесено к эгоцентрическому существу, одержимому теми или иными страстями» [54, с. 193–194]. По Богданову, фетишизм присутствует в религиозных верованиях, представлениях (по его мнению, цементирующих авторитарную концепцию «божественной природы власти»), нормах морали и права. В частности, тектолог полагает: этика, красота, истина и справедливость являются относительными, каждый социальный класс их волен трактовать по-своему, что является несомненным креном в сторону релятивизма. Фетишизм Богданову представляется в качестве воплощения отвлеченного, спекулятивного идеализма, метафизики, оторванных от реальности и от человека, в то же время насилующих реальность и человека посредством авторитарной власти через принудительные моральные и правовые нормы. Последним противопоставляется «целительное», «спасительное», строгое и сухое монистическое научное мышление [55, с. 282]. Наиболее концентрированно эта мысль отразилась в записных книжках: «Техницизм — в центре наука — законы, подлежащие познанию. Норматизм — в центре идея власти, законы, которые предписываются» [Богданов, Записные книжки, л. 33]. Заметим, что, в сущности, между ними различий нет: естественнонаучные законы предписываются «властью природы» над человеком. Если брать конкретно капитализм, то в качестве его основополагающих фетишей Богданов выделяет частную собственность, товарную ценность, власть рынка и конкуренции [45]. Добавим: и Бердяев трактует капитализм — «мир банков, биржи, бумажных денег,

чеков и векселей, реклам, конкуренции и погони за легкой наживой» — в качестве мира фантазмагорического [54, с. 196]. Богданов утверждает: по-существу своему фетиши бесчеловечны по причине отвлеченности, оторванности от человека и трудового коллектива с их потребностями. Наиболее ярко этот тезис иллюстрируется ролью естественных и технических наук в первой мировой войне: безразличием применения ее результатов — «к творчеству ли человеческому, к истреблению ли всего человечества». Что удивительно, избавление от бесчеловечного фетишизма тектолог видит у «коммунистического христианства античного мира» в выражении из Евангелия: «Суббота для человека, а не человек для субботы». Возвращаясь к пролетарской культуре, он оговаривает не только ее классовость, но и общечеловечность, проявляющуюся в коллективно-трудовом характере жизни человечества. «Общечеловеческое: то, — утверждает Богданов, — что в человечестве всегда было, но чего оно не сознавало». Если под фетишами всегда скрывалась коллективно-трудовая связь человечества, то Богданову приходится отойти от первоначальной релятивистской точки зрения об истине, справедливости, красоте и т.д. к их более конкретно-объективному пониманию [53, с. 68–72, 89].

Характеризуя пролетарскую товарищескую солидарность, Богданов дистанцируется от термина «моральные принципы», заменяя его «организационной потребностью-целесообразностью коллектива» [48, с. 83–85]. Причем, Богданов заходит гораздо дальше и социальные нормы будущего приравнивает к техническим нормам [48, с. 86] и правилам, к «научным положениям», нарушителями которых могут быть лишь люди с «психическими» отклонениями, к которым может быть применено «врачебное» насилие [51,

с. 197]. Пролетарские нормы, по Богданову, условны и пластичны, что застраховывает их от «закостенения» и бюрократического овладения человеком. Они исходят из интересов и потребностей коллектива: «устав для коллектива, а отнюдь не наоборот» [48, с. 86–87].

Богданов убежден: искусство сможет облагородить агитацию и пропаганду, сделав ее живой и красочной, пробуждающей сознание, а не обыденно-истеричной [45]. Объектом пролетарского искусства, как считает Богданов, должен быть мир классового опыта в целом (т.е. все общественное бытие), а не только быт рабочего класса [48, с. 77]. Центральной фигурой художественного произведения, по Богданову, становится не личность, а коллектив — сначала классовый, а затем и общечеловеческий в борьбе с природой: «Новое искусство делает своим героем не индивидуума, а коллектив и человека в коллективе» [51, с. 194] Вот как очерчивается Богдановым роль автора: «Если даже видимым автором книги, картины, теории, нормы является определенная личность, то действительный генезис их гораздо шире и глубже, он коренится в коллективе». Авторское право Богдановым отрицается. Автор является организатором «данного материала, а через то, в известной мере, и самой коллективности», что, по Богданову, схоже с «ролью сборщика машинных частей в механическом производстве» [48, с. 39]. В этом механицистском представлении есть некоторое преддверие постмодернистского подхода, где текст представляет собой лишь сборник цитат. Данной риторике, отчасти отстраняющей личность, противоречат мысли Богданова из других работ: «Только в социалистическом строе возможен полный расцвет духа и выявление личности» [56, с. 5].

Интеллигенцию Богданов считает промежуточным, несамостоятельным социальным слоем, который в культурном плане работает лишь на социальное усиление других классов, значит, он не может «явиться определяющей силой для культурных задач эпохи». Между тем, в кризисные времена, в «точке бифуркации» роль интеллигенции, по утверждению Богданова, повышается [48, с. 27]. Социалистическая интеллигенция, неся свет науки в пролетарские массы, поможет создаться собственной «органической» пролетарской интеллигенции. По мысли Богданова, нужна новая интеллигенция, выходящая из среды пролетариата, но не уходящая от него, проникнутая его общими переживаниями [48, с. 69]. «Для художественного творчества, — полагает Богданов, — обязательна конкретность и целостность отражения жизни, а потому необходимо более полное и непосредственное проникновение во все переживания коллектива, чем для творчества научного и философского». Исходя из этого, «пришельцы»-художники из других классов для пролетариата — исключение более редкое, чем ученые и философы. Поэтому «из простого соединения писателя-интеллигента с желанием служить делу пролетариата, — утверждает Богданов, — мы еще не получим пролетарского писателя». Пролетарский деятель искусства должен жить жизнью нового коллектива, ощущать глубоко в своем сердце его радости и печали, учиться воспринимать мир его глазами, а идеолог же, по Богданову, как индивид, может и не принадлежать к «своему» классу [48, с. 78–80]. Чуть позже Богданов высказывает мысль совершенно иную — пролетарий-художник может вести свою профессиональную жизнь, оторвавшись от производства, т.е. превращаясь из пролетария в интеллигента [51, с. 195].

Четвертый элемент пролетарской культуры состоит или складывается из «единства методов». По словам Богданова, в настоящее время наука буржуазна по своему миропониманию и мироотношению — это далеко не только открытая защита и апология буржуазных интересов, а гораздо глубже — система мышления. По Богданову, необходимо преобразовать науку в смысле трудового коллективизма, — как Маркс политэкономия и историю, частью также и науку о мышлении — сделать само изложение наук проще и доступнее для рабочих, не ослабляя научной строгости и точности [45], т.е. провести демократизацию научного знания. Пролетариат должен выработать свою новую энциклопедию [48, с. 55–57].

На интеллигентские энциклопедии надежды нет, потому что, по убеждению Богданова, интеллигентам присущ индивидуализм, претензия на оригинальность мысли, что не позволяет прийти к общей позиции. Новая энциклопедия должна быть подготовлена посредством преобладающего прямого участия пролетариата по результатам работы Пролетарского университета: «Тут она будет питаться опытом и мыслью того класса, которому она прежде всего необходима, как идейная опора в собирании сил для его великой, надклассовой миссии» [50]. Вот как Богданов обозначает круг студентов такого университета: «В нем должны получить свою идейную закалку люди уже взрослые по существу, с серьезным опытом в сфере труда и социальной борьбы».

Целью Пролетарского университета, по Богданову, является «всестороннее ознакомление людей, вполне способных к самостоятельной работе с общими ее методами в различных областях практики и теории», воплощение которой можно уместить в один-два года обучения. Исходя из опыта современной образовательной практики, мы приходим к

такому суждению: для сколько-нибудь серьезного и основательного обучения недостаточно даже пяти-шести лет, а происходящее сокращение учебных программ в рамках «оптимизации» приводит к значительному и потрясающему понижению качества образования. Учебный процесс в Пролетарском университете, по мысли Богданова, складывается на демократических основах: курс лекций составляется из вопросов учащихся» [48, с. 59, 68–69, 70–72, 74]. Заметим, что для этого стартовый интеллектуальный уровень учащихся должен быть на высоте, к тому же в них должен быть воспитан навык самоуправления.

Окончательный переход к коллективистской культуре, по Богданову, совершится только при социализме: «переход от одной культуры к другой, иной по самому типу, есть гигантская перестройка; он вполне наметился и определился среди господствующего смешения их элементов, — но завершится он лишь тогда, когда все необходимые самостоятельные силы каждого для этого не будут экономически освобождены.

Богданов разграничивает пролетарскую культуру, формирующуюся в рамках капитализма, и культуру социалистического общества: «Без сомнения, социалистическая культура пролетариата не вполне то, что культура социалистического общества. Еще бы: юноша не то, что зрелый человек; одна стадия процесса отличается от другой. Но различие не в принципах, не в качестве — различие в степени» [45]. Но беда в том, что сам пролетариат еще не выработал в себе пролетарской культуры, формирующей социалистический идеал: только часть, но далеко еще не всю и не вполне. Богданов, отражая опыт Первой мировой войны, делает весьма трагическое для себя умозаключение: культурная несамостоятельность пролетариата в настоящее время есть

факт основной и несомненный, который надо честно признать и из которого следует исходить в программе ближайшего будущего.

Пока пролетариат не выработал свои культурные принципы, организационные орудия, до тех пор он, — по убеждению Богданова, — очевидно, не может и не должен предпринимать попытки непосредственного решения мировой организационной задачи, попытки осуществить социализм. Но, тем не менее, вызов времени требует социалистического переустройства: мировая организационная задача поставлена ходом событий, который, под угрозой полного крушения цивилизации, требует, чтобы эта задача была разрешена насколько возможно быстрее. Несмотря на неудачи, Богданов продолжает верить в осуществление идеала социализма: «Великие задачи стоят перед нашей эпохой. Путь к идеалу труден, но ясен. На этом пути могут быть поражения, но не может быть разочарования, ибо он есть сам идеал в его последовательном жизненном осуществлении» [45].

2.3. Роль старой русской интеллигенции в социально-культурной деятельности Пролеткульта как выбор служения Отечеству

Гете в финальном хоре «Фауста» заметил: *Alles Vergdngliche ist nur ein Gleichniss*, т.е. все происходящее — только подобие (иначе говоря, сравнение, символ). А это значит, что мы живем в мире исторических аналогий, универсальных формул и символических иносказаний. Все есть поистине только подобие. И в этом плане классика играет роль универсального текста национальной культуры, перенимая эту роль от сакрального «первотекста» (в мире христианской культуры таким «первотекстом» выступает текст Священного Писания). Что такое «большое время» — по

всей видимости, это не только «вместилище» неких вечных смыслов или общечеловеческих ценностей, но и постоянно протекающая, стадийная в своей исторической основе смена ценностных контекстов восприятия тех или иных событий.

Основная проблема, которая витала в мыслях интеллектуальных слоёв тогдашней России — это проблема взаимоотношений народа и интеллигенции, проблема нравственного выбора людей, оказавшихся в центре ожесточенной борьбы классовых сил после крушения самодержавия и опасности перерастания ещё не законченной Первой мировой войны в силовое гражданское противостояние.

Вопрос о месте человека в мире не раз ставился в истории России. В общественно-политическом смысле в России большое внимание уделялось внутреннему миру человека, его душе, таким чертам, как совесть, соборность, сострадание. Личность и народ, свобода и нравственность рассматривались русскими мыслителями в неразрывной связи с понятием Родины. В дни, когда рушилась монархия и формировались новые органы политической власти, выдающиеся представители российской интеллигенции, среди которых были художники А. Бенуа, И. Билибин, М. Добужинский, К. Петров-Водкин, Н. Рерих, архитекторы Н. Лансере, И. Фомин, артисты А. Ершов, Ф. Шаляпин, собрались на квартире М. Горького. Обсуждался вопрос о создании министерства искусства, которое взяло бы на себя функции царского министерства двора по охране культурных ценностей. Они считали, что должны сделать все от них зависящее, чтобы спасти достояние народа, не дать ему расползтись по миру и сгнать на чужбине, и помочь народу войти во владение тем, что ему принадлежало по праву. Одной из самых первоочередных задач, которая стала заботить художников

почти с первых же послефевральских дней, явилась охрана памятников искусства и старины. После свержения самодержавия, — вспоминал П. Нерадовский, — в Петрограде и его окрестностях, в Петергофе, в Ораниенбауме и других местах участились случаи порчи или разрушения памятников искусства. Такие разрушения имели место в общественных местах — в казенных зданиях, в садах, парках — и в частных домах и квартирах. Подвергались порче или уничтожению памятники искусства, статуи, картины и другие художественные предметы. Слухи и сведения о гибели того или иного произведения поступали почти ежедневно. Это вызывало тревожное настроение у художников, деятелей искусства, среди интеллигенции и передовой части рабочих». Была избрана комиссия по делам искусств во главе с Горьким, вскоре подобная комиссия была создана и в Москве под руководством И. Грабаря и поддержавших власть большевиков К. Тимирязева, В. Маяковского, А. Блока, В. Брюсова, Е. Вахтангова, В. Мейерхольда, А. Таирова.

В России интеллигенция всегда занимала и ныне занимает положение неформального лидера. Ее деятельность ощутимо сказывается во всех сферах жизни. Она с опережением выражает взгляды и настроения широких слоев населения, выводит сознание человека из драматического состояния экзистенциальной раздвоенности, смятения, неуверенности в жизни. Своей широкой подвижнической работой создавая духовное, здоровое морально-нравственное состояние общества. Примечательно, что в средние века понятие «интеллигенция» имело теологический характер. Оно рассматривалось как Ум Божий, как высший надмировой Разум, отличающий в земном многообразии бытия самое ценное, приводящее его к самому себе. В таком смысле это по-

нятие употребляется и Гегелем в «Философии права»: «Дух ... есть интеллигенция...».

Неоднозначное положение интеллигенции в социальной структуре общества, противоречивые взаимоотношения и с властью, и с народом привели к тому, что некоторые ученые России в начале XX в. рассматривали интеллигенцию как новый эксплуататорский класс: «Интеллигенция, понимаемая как класс умственных работников, есть новая, растущая общественная сила, эксплуататорская по своей природе, хищническая по своим стремлениям, искусно и методически борющаяся за свое социальное возвышение и подготавливающая тем самым в грядущем свое самодержавное классовое господство. Источниками дохода интеллигенции является умственный труд или реализация знаний, накопленных и приобретенных ранее. Это дает ей возможность привилегированного существования и участие в дальнейшей эксплуатации» [2]. На самом же деле, интеллигенция — это крупная социально-культурная общность людей с активной общественной позицией, профессионально занимающихся творческим умственным трудом и оказанием услуг. Интеллигентность характеризуется определенной степенью нравственной зрелости личности независимо от социально-классовой принадлежности. Это качество мышления, безупречность в поступках, ощущение себя человеком по отношению к любому другому человеку, способность поставить себя на место другого человека. Интеллигентность есть ни что иное, как сплав умственной и нравственной культуры. В свое время академик Д.С. Лихачев говорил, что нельзя притвориться интеллигентным. Можно притвориться добрым, щедрым, даже глубокомысленным, мудрым, наконец, но интеллигентным — никогда.

Историческая судьба России, любовь к ней обретали высший духовный и нравственный смысл всегда в трудные годы её существования. В первых рядах защитников Отечества, прежде всего, была русская интеллигенция, осознававшая причинно-следственную связь случившихся событий. Из окопов Первой мировой войны они, не задумываясь, выступили на стороне Новой России. заботясь о её суверенитете и целостности. Воевал А.А. Богданов — лидер и теоретик Пролеткульта, Николай Гумилёв военные мемуары назвал «Записки кавалериста». Пошел на фронт добровольцем поэт Николай Тихонов («...гвозди бы делать из этих людей»). Артиллеристом служил поэт Валентин Катаев. Демьян Бедный был призван фельдшером, так как в юности окончил военно-фельдшерскую школу. Санитаром трудился Константин Паустовский. Александр Вертинский в качестве помощника санитаря оказался в команде 68-го санитарного поезда. Осип Цадкин жил в Париже, но вернулся в Россию, пошел добровольцем, стал санитаром при полевом лазарете, служил рядовым Саша Черный. В составе санитарно-продовольственного отряда был Александр Серафимович. Ездили на фронт военными корреспондентами Валерий Брюсов, Алексей Толстой, Сергей Городецкий, Илья Зданевич, Илья Эренбург. Михаил Зощенко и К. Малевич служили пулеметчиками. Художник Павел Филонов служил рядовым Балтийской морской дивизии, писарем был А. Блок. Они принимали Россию такой, какой ей случилось быть при них, и в число своих приоритетов ставили деятельность на профессиональном поприще.

Провозглашённые Временным правительством демократические реформы (отмена сословий, религиозных и национальных ограничений, признание гражданских свобод, отделение церкви от государства) открывали дорогу к

демократизации культурной жизни. Пробуждение масс к активной творческой жизни отразилось в широком движении социально-культурных самостоятельных движений: на фабриках и заводах создавались театральные студии, изостудии, литературные кружки, музыкальные студии. В сентябре 1917 года был создан центр, координирующий творческие организации пролетариата — Пролеткульт, сделавший акцент в своей работе на воспитании пролетарской интеллигенции и её готовности строить культуру новой России. Однако Временному правительству не удалось вывести страну из кризиса. Революционные иллюзии большей части интеллигенции развеялись на протяжении 1917 года. После октябрьского переворота часть интеллигенции приняла

установление советской власти, поскольку сами принимали непосредственное участие в революционных событиях. Это те люди, которые еще до революции связали свою судьбу с революционным движением и большевистской партией. Само появление большевизма как идейного течения было связано с исканиями леворадикальной части российской интеллигенции. К концу 1917 года в большевистской партии насчитывалось около 10% интеллигентов. Помимо профессиональных революционеров по разным причинам советскую власть поддержали К. Тимирязев, В. Маяковский, А. Блок, В. Брюсов, Е. Вахтангов, В. Мейерхольд, А. Таиров и т.д.

Идея созыва Учредительного собрания — представительного органа в России, который должен был определить государственное устройство страны, витала в воздухе. С времён Александра II оно стало своего рода символом радикальной модернизации страны. После свержения Николая II идея созыва Учредительного собрания дала надежду на об-

решение единства всех слоёв российского общества. О своей верности идее Учредительного собрания в феврале 1917 года заявили практически все политические партии. Первыми это сделали большевики. Но именно их позиция в дальнейшем претерпит наибольшие изменения. В борьбе за власть Учредительному собранию большевики загодя отводили второстепенную роль. Последствия разгона партией Ленина Учредительного собрания имели для страны далеко идущие последствия. Это стало своего рода «точкой невозврата» к гражданскому миру как для большевиков, так и для всей страны. До этого еще была возможность вернуться на мирный путь развития и предотвратить гражданскую войну, которая в значительной мере разжигалась захватом большевиками власти в октябре 1917 года, а также расстрелом мирных демонстраций в защиту Учредительного собрания и его разгоном в январе 1918 года.

Отряд Красной гвардии, участвовавший в роспуске Учредительного собрания, у главного входа в Таврический дворец, январь 1918 г. Фото из открытого доступа

Итогом его ликвидации стала широкомасштабная Гражданская война, которая стала неизбежной, так как противоборствующие стороны больше не имели политических средств для борьбы за власть, поэтому перешли к вооружённому противостоянию. Террор белых и красных был одинаково чужд российской интеллигенции, но только немногие ее представители поднимали голос против всякого насилия в гражданской войне, в частности В.Г. Короленко. В своем же большинстве российская интеллигенция ждала исхода гражданской войны, чтобы уже после ее окончания сделать свой выбор. Многие интеллигенты, враждебно принявшие Октябрьскую революцию, уже весной 1918 года соглашались на профессиональное сотрудничество с новой властью. Но наиболее многочисленной оказалась группа интеллигенции, занявшая позицию невмешательства в политику. Это объяснялось тем, что эта часть интеллигенции в прошлом не поддерживала политику самодержавия, стремилась к изменению существующего строя, активно участвуя в революционном движении. С другой стороны, она испытывала страх перед революционным народом, и не могла понять сущности советской власти, начавшихся социалистических преобразований вперемешку с массовыми репрессиями, расстрелами.

Первые месяцы ее существования при дефиците кадров привели к тяжелым последствиям для многих отраслей культуры. Забастовали государственные чиновники Министерства народного образования, и комиссия Луначарского, созданная первым советским правительством для руководства культурой, повисла в воздухе. Система государственного руководства культурой была разрушена, и новые органы формировались практически на пустом месте. Была разрушена старая система финансирования отраслей культуры.

Наращение экономического кризиса в условиях войны и революции неизбежно сказывалось на бюджетных средствах, выделяемых на культурные нужды. Экономическая экспроприация, начатая новым правительством, подорвала меценатство. Финансирование культуры сокращалось. Спасал положение Пролеткульт. Первоначально Пролеткульт был попыткой направить стихийную инициативу масс на воплощение идеи о необходимости создания новой пролетарской культуры, планы создания которой давно были выпестованы Богдановым и близкими ему по взглядам бывшими «впередовцами». Но абсолютизация роли пролетариата в строительстве новой культуры и его идеализация в стране с громадным преобладанием крестьянства, желание действовать в качестве самостоятельной или автономной организации в условиях формирующейся жестко централизованной однопартийной системы выглядели утопией и были обречены на неудачу.

Гражданская война как тяжелейшая социальная драма оказала существенное влияние на судьбы мира, страны, регионов, конкретного человека. Этот многомерный феномен втянул в свои действия все без исключения слои российского общества и вылился во множество видов войн и противостояний: между регулярными армиями, регионами, общественно-политическими движениями, социальными слоями. В условиях резко возросшей интолерантности и эмоционального перенапряжения в противоборствующих сторонах нередко оказывались не только представители одних социальных групп, но и члены одной семьи. Гражданская война провела демаркационную линию по некогда единому социокультурному пространству России, разведя по разные стороны баррикад семьи, социальные и профессиональные группы, уезды, культурно-исторические взаимосвязанные

губернии. Практически в этом противостоянии приостановилось всё — научные исследования, с большими перебоями работали университеты и школы, боролись за выживание музеи, библиотеки, театры. Разрушалось нечто более важное, чем отдельные учреждения культуры. «Прежней культурной среды уже нет — она погибла, — писал в 1919 г. К. Чуковский, — и нужно столетие, чтобы создать ее».

Как это ни парадоксально, в сближении интеллигенции с советской властью определенную роль сыграла гражданская война, во время которой перед каждым человеком остро встал вопрос о том, на чьей стороне он. С точки зрения изменения политических настроений российской интеллигенции в это время были особенно важны два момента. **Во-первых**, все иные правительства, возникавшие первоначально там, где власть советов ещё не утвердилась, под самыми демократическими лозунгами, довольно скоро выродились в режимы военной диктатуры. **Во-вторых**, что имело особенно важное значение — за белогвардейцами шли обычно иностранные интервенты, самым нахальным и наглым образом грабившие Россию, третировавшие русских вообще. Изданные недавно дневники А.А. Будберга — управляющего военным министерством в правительстве Колчака — яркое свидетельство того недовольства, которое вызывало поведение интервентов даже у высших военных чинов белой армии. Интеллигенция, в том числе военная, довольно быстро убеждалась, что именно советская власть отстаивает независимость страны. В конечном счете, именно это определило позицию большого числа интеллигентов, в том числе из офицеров старой армии, встать на сторону советов.

На настроения интеллигенции влияли масштабы преобразовательной работы, которая была начата в Советской

России в первые годы после Октябрьской революции, когда молодая Республика Советов была в кольце врагов при крайне неустойчивой базисной позиции, но государственная власть думала о будущем и выращивала, формировала нового человека с его устремлениями к светлому будущему через систему студий Пролеткульта. Может быть, именно поэтому большевики выиграли гражданскую войну? Может быть, именно поэтому смогли в чудовищных условиях удержать в основе власть и не дать погибнуть стране и народу?

Известно, например, какое большое значение для привлечения к работе громадной массы учителей, преподавателей высших учебных заведений имела политика Советского государства в области развития народного образования, позволившая даже в условиях войны организовать в громадных масштабах работу по ликвидации неграмотности, расширению обучения детей из семей рабочих и крестьян. Специалист, интеллигент не может быть равнодушным, когда ему предоставляют действительно возможности профессиональной реализации. Что же касается неверия основной массы старой интеллигенции в социализм и коммунизм, так от них, по крайней мере в первые годы советской власти, этого и не требовалось. Базой, на которой реально наметилось в 1917–1920 гг. сотрудничество основной массы интеллигентов с советской властью были вещи простые и понятные: не допустить развала страны, растаскивания ее иностранными интервентами, не допустить вымирания народа с голоду, попытаться преодолеть разруху, учителям нужно было учить детей, врачам — лечить больных, инженерам — восстанавливать из руин заводы и фабрики.

Пролеткультовское социально-культурное движение помогало организовывать подготовку пролетарской интел-

лигенции, приобщая её к духовным и социальным ценностям отечественной культуры. Надо отметить, что рабочая молодежь охотно шла в пролеткультовские организации. Пролеткульт брал на себя сложную задачу помощи трудящимся в постижении основ творчества. Во-первых, потому что отсутствие первоначальной специальной подготовки исключало возможность поступления рабочих непосредственно в вузы, а во-вторых, высших художественных и музыкальных вузов в стране было очень мало, а литературных вузов не было вообще. Учитывая важность деятельности Пролеткульта, советское государство через Наркомпрос оказывало ему финансовую помощь, предоставляло лучшие помещения под студии и театры, а материальную поддержку оказывали Пролеткульту также местные органы власти, профсоюзы и другие организации. Можно добавить, что для трудящихся занятия во всех студиях Пролеткульта были бесплатными. В первые два года советской власти наблюдался чрезвычайно быстрый количественный рост культурно-просветительных организаций, в том числе даже в деревнях. Пролеткульт рекомендовал будущим пролетарским интеллигентам в своих творческих дерзаниях соблюдать «простоту, ясность, чистоту формы», а рабочим поэтам «учиться широко и глубоко, а не набивать руку в хитрых рифмах...». Новый писатель, как считал А. Богданов, может и не принадлежать к рабочему классу по происхождению, но должен выражать основные принципы нового искусства через призму товарищества и коллективизма. О выборе пути сотрудничества В.В. Маяковский писал: «Принимать или не принимать? Такого вопроса для меня (и для других москвичей-футуристов) не было. Моя революция. Пошел в Смольный. Работал».

В 1920-е гг. продолжилась научная деятельность И.П. Павлова, К.Э. Циолковского, И.В. Мичурина, В.И. Вер-

надского и др. Была создана библиотека Социалистической академии общественных наук (совр. ИНИОН). В начале 1920-х годов в Библиотеку поступило много частных коллекций и библиотек, собрания рукописей и архивов из ликвидированных властью учреждений, церквей, монастырей, комиссий. В фонд академической библиотеки поступили рукописи А.И. Яцимирского, Ф.А. Витберга, Н.П. Лихачева, Н.Е. Ончукова, Ф.О. Плигина, П.А. Сырку, И.И. Срезневского, Ф.М. Плюшкина, И.Я. Рудченко, В.И. Яковлева, книги и рукописи по сектантству, пожертвованные В.Д. Бонч-Бруевичем, коллекция изданий 1905–1907 годов С.Н. Троицкого, пожертвования Э.А. Вольтера и др. В 1924 году суммарный книжный фонд БАН составил 3,5 млн томов.

В условиях голода и нехватки ресурсов правительство предпринимало попытки по улучшению быта ученых путем введения натуральных пайков и повышенных окладов. В годы Гражданской войны большевики уделяли внимание восстановлению научного потенциала страны. Были открыты новые научно-исследовательские учреждения: физико-химический, физико-технический, Центральный аэрогидродинамический институты. К участию в их организации привлекли известных ученых: крупного теоретика в области авиации Н.Е. Жуковского, физика А.Ф. Иоффе и др.

Преобразования коснулись высшей школы. Были введены новые правила приема в вузы. Зачисление студентов проводилось без экзаменов и без документов о среднем образовании. Преимуществами при поступлении в вузы пользовалась молодежь из среды рабочих и крестьян. В 1919 г. с целью повышения общеобразовательной подготовки для поступающих в вузы стали создаваться рабочие факультеты (рабфаки). Реформа высшей школы должна была спо-

способствовать созданию новой, рабоче-крестьянской интеллигенции.

Между тем, по мнению Горького, одной из самых первоочередных задач социальной революции являлось очищение душ человеческих, «смягчение жестокости» и избавление его от чувства ненависти, «облагораживание отношений». Чтобы осуществить эту задачу, есть только один путь — путь культурного воспитания. Основным творческим методом литературы и искусства становился социалистический реализм, важнейшим принципом которого являлась партийность. Регламентация художественного творчества сдерживала, но не остановила развития литературы, живописи, театрального и музыкального искусства. Музыкальная культура этих лет была представлена произведениями Д.Д. Шостаковича (оперы «Нос» и «Катерина Измайлова»), С.С. Прокофьева (опера «Семен Котко») и др.

На рубеже 20–30-х годов в литературу и искусство пришло новое поколение поэтов, композиторов. Многие из них участвовали в развитии песенного творчества. Авторами песен выступали поэты В.И. Лебедев-Кумач, М.В. Исаковский, А.А. Прокофьев. В песенном жанре работали композиторы И.О. Дунаевский, братья Покрасс, А.В. Александров. В 30-е годы широкое признание получила поэзия А.А. Ахматовой, Б.Л. Пастернака, К.М. Симонова, В.А. Луговского, Н.С. Тихонова, Б.П. Корнилова. Лучшие традиции русской поэзии продолжали в своем творчестве П.Н. Васильев (поэмы «Христоролюбивские ситцы» и «Соляной бунт») и А.Т. Твардовский (поэма «Страна Муравия»).

Заметным явлением в литературной жизни стали произведения А.Н. Толстого, А.А. Фадеева. Лучшие представители художественной интеллигенции посвятили свой талант службе народу. Владимир Маяковский воспел революцию в

замечательной поэме «150 000 000». Своими стихами и плакатами он призывал трудящихся на смертный бой с буржуазией, международным империализмом.

Песни, басни и поэмы Демьяна Бедного воодушевляли бойцов Красной армии на борьбу с интервентами и белогвардейцами. Военные очерки Александра Серафимовича с фронтов гражданской войны получили высокую оценку Ленина. Талантливый поэт Александр Блок перешел на сторону революции и воспел ее в поэме «Двенадцать». Свои первые произведения опубликовали Дмитрий Фурманов, Михаил Светлов, Лидия Сейфуллина, Всеволод Иванов и другие писатели. В августе 1918 года организовалась Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП).

Плакаты Маяковского.
Фото из открытого доступа

Появились первые советские пьесы. В. Маяковский написал «Мистерию-буфф». Эта пьеса, показывавшая героический образ народа и высмеивавшая врагов, была поставлена в первую годовщину Октябрьской революции. Бригады артистов выезжали на фронты гражданской войны. В народных домах, на массовых митингах выступали прославленные артисты: Мария Ермолова, Федор Шаляпин, Леонид Собинов, Антонина Нежданова и другие.

Л. Собинов

Ф. Шаляпин

А. Нежданова

Под руководством музыкального отдела Наркомпроса проводилась просветительская работа среди широких масс, однако значительного ничего не было создано. Главное внимание сосредоточивалось на песенном жанре, обработке народных и революционных мотивов, создании боевых маршей и песен военной тематики. В просветительской и художественно-пропагандистской работе активно участвовали Пролеткульт, многие композиторы, исполнители, му-

зыковеды. Среди них Б.В. Асафьев, С.Н. Василенко, А.Д. Глазунов, М.Ф. Гнесин, Ф.И. Шаляпин.

В области театрального искусства упор был сделан на открытие большого количества театров и различного рода студий по линии Пролеткульта. Только в Москве в 1918 г. действовало 45 профессиональных театров. В целях установления контроля за их репертуаром при театральном отделении Наркомпроса создается репертуарная секция, в составе которой работали А.А. Блок, В.Э. Мейерхольд, К.И. Чуковский. 26 августа 1918 г. СНК принял декрет «Об объединении театрального дела», предусматривавший национализацию театров. При участии М.Ф. Андреевой, А.А. Блока, М. Горького, А.В. Луначарского в Петрограде был основан Большой драматический театр как театр героического репертуара. Его представителем и литературным руководителем стал А.А. Блок. Спектакли ставили режиссеры Н.Н. Арбатов, Р.В. Болеславский, А.Н. Лаврентьев, оформляли постановки художники А.Н. Бенуа, А.В. Добужинский, Музыку писали композиторы Б.В. Асафьев, Ю.А. Шапорин, а в спектаклях играли Н.Ф. Монахов, В. Максимов, В.Я. Софронов и др.

В пропагандистской работе видное место отводилось киноискусству. Совнарком декретом «О переходе фотографической и кинематографической торговли и промышленности в ведение Народного комиссариата по просвещению» от 27 августа 1919 г. узаконил национализацию кинематографа. Его деятельность была направлена на создание кинохроники, агитфильмов и художественных картин, пропагандирующих коммунистические идеи. В 1918–1920 гг. было выпущено более 200 хроникальных и специальных кинолент. Среди них «Вскрытие мощей Сергия Радонежского», «Петроград на страже революции», «На Красном фронте».

Специфической формой распространения кинофильмов явились агитпароходы и агитпоезда. ВЦИК организовал 20 рейсов, в которых участвовали пять агитпоездов и агитпароходы «Красная звезда». С 1920 г. контроль за киноискусством стал осуществлять отдел агитации и пропаганды при ЦК РКП(б).

В 1930-е гг. в Москве открылись Институты органической химии, геофизики, Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. Ленина (ВАСХНИЛ). Советские ученые проводили исследования по проблемам микрофизики (П.Л. Капица), физики полупроводников (А.Ф. Иоффе), атомного ядра (И.В. Курчатов, Г.Н. Флеров, А.И. Алиханов и др.). На основе исследования ученого-химика С.В. Лебедева был организован промышленный способ получения синтетического каучука из этилового спирта. В 1932 г. геологи под началом академика И.М. Губкина открыли новые нефтеносные районы на Урале и в Башкирии. Академик Н.И. Вавилов собрал ценнейшую коллекцию культурных растений пяти континентов. В 1930-х гг. продолжилось исследование Арктики. В июле 1933 г. научная экспедиция во главе с О.Ю. Шмидтом отправилась в арктическую экспедицию через Ледовитый океан на корабле «Челюскин», который вскоре попал в ледовое сжатие и затонул. В Чукотском море на дрейфующей льдине в условиях полярной зимы исследователи создали «лагерь Шмидта». Лагерь был эвакуирован с помощью авиации. Изучение Арктики продолжили И.Д. Паппанин, Э.Т. Кренкель, Е.К. Федоров, П.П. Ширшов. В районе Северного полюса были созданы опорные метео- и радиостанции, благодаря которым в 1937 г. летчики В.П. Чкалов, Г.Ф. Байдуков и А.В. Беляков впервые по кратчайшей прямой совершили беспосадочный перелет через Северный полюс из Москвы в Ванкувер.

Справедливости ради следует отметить, что выпускники студий и курсов Пролеткульта становились активными участниками всех значимых событий в стране, что свидетельствовало о несомненной пользе, проведенной им работы. Но поскольку Пролеткульт не мог изолировать себя от окружающей среды, то не мог выдержать своего лабораторного характера. Когда кругом массы рвутся к знанию, жадно ловят каждую его крупицу, когда искусство творится массой, невозможно замкнуться от масс, отказаться от массовой работы, уйти в тень. Но, превратившись в организацию, ведущую работу среди масс, Пролеткульт не в состоянии был оградить себя от наплыва интеллигентских и мещанских элементов, заявлявших себя носителями пролетарской культуры. И Пролеткульт превратился в самую обычную просветительную организацию, мало чем отличающуюся и по методу работы, и по классовому своему составу от организаций Наркомпроса. А поскольку он претендовал на независимость, на название «пролетарской» организации, он становился на путь конкуренции с учреждениями Наркомпроса. Создалось крайне ненормальное положение, особенно в провинции. Более того следует сказать, что новая культура вырастает на базе предыдущей под влиянием общих политико-социальных и экономических условий. Надо дать только возможность выявляться новой, создаваемой жизнью коммунистической культуре.

Поскольку Пролеткульт путем организации общедоступных студий и прочего создавал условия, благоприятные для выявления этой коммунистической культуры, постольку работа его была нужной и плодотворной. После слияния с профсоюзами оставшиеся центры Пролеткульта сосредоточили свое внимание на поднятие уровня сознательности трудящихся масс, поскольку без неё невозможно строительство коммунизма, поэтому работа внешкольных учрежде-

ний сосредоточилась на обслуживании этих масс, т.е. рабочих, крестьян и красноармейцев, в большинстве своем являющихся или рабочими, или крестьянами. С этой точки зрения были пересмотрены сети внешкольных учреждений: отодвинуты на задний план или вовсе закрыты учреждения, обслуживающие почти целиком обывателя и интеллигенцию (к таким учреждениям отнесли большинство народных университетов, библиотеки в центре города, куда не ходит рабочий, разные клубы для развлечения обывателя, театры в центре, музыкальные школы, концерты и т.д.). На первый план выдвигаются учреждения, непосредственно обслуживающие рабочих, крестьян и красноармейцев: избы-читальни, передвижки, ликвидационные пункты, пункты чтения вслух, народные дома с их художественной пропагандой, школы взрослых и т.п. В этой своей части сети должны быть значительно расширены, дополнены и преобразованы.

К середине 1920-х годов все сильнее стали распространяться разговоры о необходимости ликвидации Пролеткульта. Однако открыто высказывать свою позицию по отношению к организации, руководство которой так умело использовало марксистско-ленинскую терминологию и аргументацию, боялись. На ликвидации настаивали только профсоюзы. Ф. Сеньюшкин, завкультуротделом ВЦСПС, в докладной записке от февраля 1925 года писал, что Пролеткульт хиреет с каждым днем — оставалось всего 10 провинциальных отделений, вместе с Москвой они имели 17 театральных, 11 ИЗО, 4 литературных, 2 музыкальных и одну хоровую студии, а «съедали» ежегодно 100 тысяч рублей. К 1927 году осталось только шесть ячеек Пролеткульта в РСФСР (в Москве, Ленинграде, Иваново-Вознесенске, Рыбинске, Саратове, Свердловске), да по две-три в республиках. Они влачили жалкое существование, а их деятельность сводилась, главным образом, к театральным постановкам. При

этом на 700 творческих работников в Пролеткульте приходилось 156 руководителей и хозяйственников. С каждым годом значение Пролеткульта уменьшалось. В 1932 году в связи с выходом постановления «О перестройке литературно-художественных организаций» он прекратил свое существование. 11 июня 1932 года ЦК Пролеткульта признало его дальнейшее существование нецелесообразным, оставшиеся ячейки были переданы профсоюзам, а ЦК самоупразднился. В течение всех девяти лет своего существования Пролеткульт получал субсидии от государства, а в последние годы ежегодная дотация от Наркомпроса РСФСР составляла 100 тысяч рублей. И если в первые годы Пролеткульт довольно много делал как культурно-просветительская организация, то позднее он выродился в рядовое учреждение. Он утратил все признаки общественной организации, так как его ЦК не переизбиралось в течение долгого времени, собственной социальной базы у него не было, так же как и строгого членства.

Помощь государства Пролеткульту через специальный отдел Наркомпроса в первые годы советской власти была закономерна. Государственные органы и профсоюзы в тот период еще не окрепли и имели мало возможностей заниматься культурно-просветительской работой. Позднее, когда соответствующие структуры появились и набрались сил, потребность в Пролеткульте отпала.

Практическая деятельность Пролеткульта наиболее полно в наши дни рассмотрена в специальной работе Л. Пинегиной «Советский рабочий класс и художественная культура (1917–1932)». Ее книга является первым монографическим исследованием роли советского рабочего класса в строительстве социалистической художественной культуры. Автор освещает характерные особенности художественного творчества рабочих и, что особенно важно, тщатель-

нейшим образом рассматривает деятельность пролеткультовских студий, их вклад в развитие советской литературы, театра, музыки с учетом социально-экономических, политических и культурных тенденций тех лет. На I Петроградской конференции пролетарских культурно-просветительных организаций была принята общая резолюция, в которой записано: «Конференция подчеркивает, что движение культурно-просветительное должно занимать место в общем культурном развитии рядом с политическим, профессиональным движением и кооперацией». В октябре 1917 года такая резолюция подчеркивала всю важность культурного просвещения масс, так как ставила духовную сферу в один ряд с политической и экономической. Основная цель организации была зафиксирована в уставе: «Воспитать пролетарскую армию сильных средствами сердца и разума неутомимых борцов в духе непримиримой классово-борьбы за грядущее будущее социализма». И в этом плане Пролеткульт достойно выполнил свою миссию. Он не свернул от истоков идей пролетарской культуры, высказанных в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса («Немецкая идеология» (1846), «К критике политической экономии» (1859)). Именно эти идеи, помимо научного обобщения опыта классово-борьбы пролетариата, были привлечены к разработке стратегии и тактики в вопросах духовного становления и просвещения рабочих. В произведениях классиков пролетарская культура трактуется как переходный ее тип (от капиталистической культуры до культуры соцреализма), строящийся преимущественно силами пролетариата и отражающий его дух, менталитет.

Марксистскую концепцию культуры характеризует деятельностный подход, который акцентирует внимание на человеческом факторе в развитии культуры и трактует культуру как способ жизнедеятельности человека, процесс,

результат и поле реализаций человеческих потенций. «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его», определяет свое философское кредо К. Маркс в «Тезисах о Фейербахе». При чем К. Маркс в категорию «философов» относит не столько ученых-специалистов, профессионально занимающихся данной научной дисциплиной, сколько ваятелей человеческих душ. Активная сторона культуры сводится марксизмом к формированию параметров общественного идеала и путей его достижения, основными из которых является революционная теория и радикальная критика несовершенных общественных условий, требующих коренного преобразования общества (идея, овладевающая массами, становится материальной силой).

К. Маркс акцентирует, что в процессе труда, особенно в условиях капитализма, человек не сознает своих собственных творческих сил. Даже равенство дохода здесь не является для К. Маркса первостепенным. Главное, что его волнует, — освобождение человека от такой формы труда, которая разрушает его личность, от такого труда, который превращает человека в вещь, который делает его рабом вещей.

Ленинская «Правда» от 7 мая 1917 года напечатала воззвание «К поэтам, беллетристам и художникам»: «Пролетариат — это титан всех революций и строитель светлого будущего человечества — должен иметь свое мощное искусство, своих поэтов и художников». Полного расцвета пролетарское искусство достигает, конечно, только в социалистическом строе. Но уже теперь, когда сброшена часть оков, лежащих на пролетариате, искры свободного искусства должны разгореться в яркое пламя. Этого требует момент. Этого требует революция. Призываем поэтов, беллетристов и художников сплотиться при издательстве «Прибой» в «Кру-

жок пролетарского искусства». В августе 1917 года на 2-й Петроградской конференции фабрично-заводских комитетов А. Луначарский поднял вопрос об объединении разпыленной культурно-просветительной работы. По его инициативе было избрано организационное бюро из 5 человек по созыву I Петроградской конференции пролетарских культурно-просветительных организаций, которая и состоялась 16, 17 и 19 октября 1917 года. Она, по существу, и положила начало созданию Пролеткульта, хотя само название «Пролеткульт» появилось позднее, в ноябре 1917 года.

Выводы по 2 главе

Первое десятилетие сыграло важнейшую роль в становлении советской культуры. Были заложены мировоззренческие основы нового строя, сформировалась плеяда молодых деятелей культуры, на коммунистических идеалах было воспитано первое поколение детей. Имела место огромная политизация общества, условия для которой обеспечивались ликвидацией неграмотности, увеличением издательского дела.

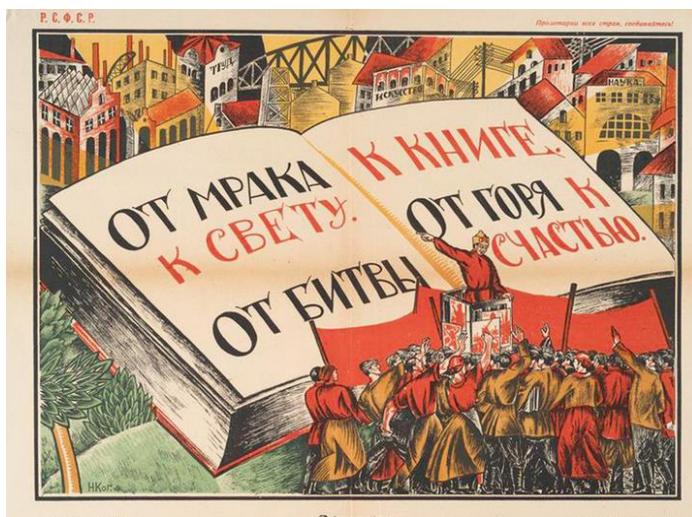
В культурном развитии эпохи столкнулись две тенденции. Одна — устремлённого революционного натиска, приоритета количественного роста, схематизации реальности. Другая — глубокого осмысления закономерностей и противоречий переломного времени. Ещё одним признаком 20-х годов была пестрота литературно-художественной жизни, которую уже со второй половины 20-х пытались ввести в управляемое русло. Обострилось противостояние власти и церкви. После смерти патриарха Тихона в 1925 г. церковь была напрямую подчинена власти. В основном это было время интенсивных творческих поисков, которые определяли процесс культурной революции. Культурная рево-

люция — это коренная ломка стереотипов общественного сознания, духовно-нравственных ориентиров и поведения людей. Вместе с тем это государственная политика, проводившаяся в 20–30-е годы и направленная на изменение социального состава послереволюционной интеллигенции и на разрыв с традициями культурного прошлого. В 20-е годы культурная революция стала составной частью социалистических преобразований.

Творец лозунга культурной революции В.И. Ленин в работе «Странички из дневника» так поставил ее важнейшие задачи: ликвидация культурной отсталости и прежде всего неграмотности, открытие простора для развития творчества трудящихся, формирование социалистической интеллигенции, обеспечение социалистической интеллигенции, обеспечение господства идей научного коммунизма в обществе. Была сформулирована концепция пролетарской культуры, имела место попытка противостоять литературному шаблону. Главной темой стало литературное осмысление революции. Единая русская культура раскололась надвое: на эмигрантскую и советскую. Главным из искусств в Советском Союзе, действительно, становится кинематограф. В конце 1920-х гг. фильмы отечественного кинопроизводства окончательно вытесняют зарубежные. Большой вклад в развитие мирового киноискусства внесли выдающиеся советские кинодокументалисты. Д. Вертов, Э. Тисе, А. Згуриди, Э. Шуб.

Первым советским звуковым игровым фильмом стала «Путевка в жизнь» режиссера Н. Эка. К числу лучших художественных лент этой эпохи отнесены фильмы, проникнутые революционной героикой и пафосом социалистического созидания: «Семеро смелых» и «Комсомольск» С. Герасимова; «Депутат Балтики» И. Хейфица и А. Зархи; Трилогия о Максиме Г. Козинцева и Л. Трауберга; «Человек с ружьем»

С. Юткевича; «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году» М. Ромма; «Чапаев» С. и Г. Васильевых. Огромным успехом пользовались знаменитые музыкальные комедии Г. Александрова — «Веселые ребята», «Цирк», «Волга-Волга» с участием замечательной актрисы Л. Орловой; 1930 г. стал важной вехой в работе, направленной на превращение СССР в грамотную страну. Было введено обязательное всеобщее начальное образование. Принимались меры по развитию системы среднего специального и высшего образования. Были ликвидированы ограничения для «классово чуждых элементов» при поступлении в вузы.

Плакат Пролеткульта, 1925. Фото из открытого доступа

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История России в XX в. — больше, чем история: это история, по выражению английского историка Э. Хобсбаума, «крайностей», экстремизма, «экстремальности». Данным словом элегантно описаны невиданные ранее катастрофы и

жертвы, успехи и прорывы в будущее, колоссальные потрясения и трансформации устоев человеческой жизни. Россия, Советский Союз неизменно находились в центре этих перипетий.

Если пытаться порассуждать на этом фоне о выпавших за это время на долю России разного рода «экстремальности», страна наша вполне может претендовать среди других ведущих акторов истории на печальное лидерство. Суммарные демографические потери России в первой половине XX в. не просто велики; они ставят под вопрос существование страны, во всяком случае — в ее традиционном демографическом и культурном облике.

В 1917–1921 годах меняется культурная парадигма, происходит разрушение «классического» литературного канона и начинается создание нового, приведшего к формированию соцреализма. Пролеткульт, оказавшийся в центре этого «разлома», достаточно наглядно демонстрирует процесс смены художественного кода, происходивший в двадцатые годы и определивший магистральный путь развития русской литературы и искусства вплоть до конца XX века. Пролеткульт отрицает ценность буржуазной литературы, но, используя ее приемы, присваивает себе статус подлинной литературы. В терминологии Бурдьё можно говорить о том, что здесь имеет место перераспределение культурного и символического капитала. В основе специфичности пролеткультовской интертекстуальности лежит воля к власти, стремление редуцировать пре-текст и самоутвердиться за его счет; заменить буржуазную литературу своей, пролетарской, вобравшей ее достижения.

Первоначально Пролеткульт был попыткой направить стихийную инициативу масс на воплощение идеи о необходимости создания новой пролетарской культуры, давно вы-

пестованной Богдановым и близкими ему по взглядам бывшими «впередовцами». Дальнейший взлет, а затем постепенное угасание следует считать тем, что было неизбежным — подобный откат часто происходит с великими идеями, имеющими признаки утопии: здесь и абсолютизация роли пролетариата в строительстве новой культуры, и идеализация рабочего класса России — страны с громадным преобладанием крестьянства, и желание действовать в качестве полностью самостоятельной или хотя бы автономной организации в условиях формирующейся жестко централизованной однопартийной системы.

Но практическая роль, которую сыграл Пролеткульт в первые годы становления советской власти, оказалась очень существенной. В провинции в целом ряде местностей Пролеткульт исполнял обязанности отделов народного образования — устраивал школы, библиотеки и экскурсии, при этом ни одно из литературных или вообще художественных объединений того времени не могло соперничать с Пролеткультом в размахе издательской деятельности. Вместе с тем, материалы о низовых Пролеткультах и учреждениях свидетельствуют об их обычной просветительской деятельности, тогда как лозунг — творить «особую», не похожую ни на что «пролетарскую культуру» для них так и оставался лишь лозунгом. Однако в ядре этой просветительской системы формировались и новые творческие явления, самобытные авторы. В первые годы после революции именно Пролеткульт оказался единственной литературной силой, способной к самоидентификации в новом социальном пространстве (и, что очень важно, в нужном идеологическом «русле») и структурированию пространства культурного — в ситуации полной растерянности и развешанности прочих группировок: «Было бы исторической не-

справедливостью, если бы мы прошли мимо тех первых пролетарских поэтов, которые выросли в предреволюционной грозовой обстановке, первыми захватили позиции на полях нашей литературы. Идеологически это был уже настоящий голос революции и при том такой голос, который стоял и на определенной технической высоте», — говорил Н.И. Бухарин.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ЗАКРЕПЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА

1. Охарактеризуйте отношение российской интеллигенции к советской власти в 1917 г. Как и в связи с чем оно изменялось в последующие годы?
2. Как видели А. Богданов и В. Ленин место и роль интеллигенции в социалистическом обществе?
3. Причины противоречивого отношения советской власти к интеллигенции в 1920-е гг.?
4. Чем объяснить усиление репрессий против интеллигенции на рубеже 1920–1930-х гг.?
5. В чем заключалась противоречивость процесса формирования советской интеллигенции?
6. Как изменился облик отечественной интеллигенции к концу 1930-х гг. в сравнении с дореволюционным периодом?
7. В чем суть богдановских четырех моментов в формировании пролетарской культуры?
8. Кто стоял у истоков формирования социально-культурного движения Пролеткульт?
9. Творчество Гастева и НОТ.
10. Почему Ленин был против автономного функционирования Пролеткульта?

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. В жерновах революции: российская интеллигенция между белыми и красными в послереволюционные годы: сб. документов и материалов. – Москва, 2008.
2. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК, ВЧК о культурной политике. 1917–1953. – Москва, 1999.
3. Горький, М. Несвоевременные мысли / М. Горький. – Москва, 1991.
4. Короленко, В.Г. Письма к Луначарскому / В.Г. Короленко // Новый мир. – 1988. – № 10.
5. Луначарский, А.В. Об интеллигенции: сб. статей / А.В. Луначарский. – Москва, 1923.
6. Судьбы русской интеллигенции: материалы дискуссий 1923–1925 гг. – Новосибирск, 1991.
7. Байрау, Д. Интеллигенция и власть: советский опыт / Д. Байрау // Отечественная история. – 1994. – № 2.
8. Галин, С.А. Отечественная культура XX века: учебное пособие для вузов / С.А. Галин. – Москва, 2003.
9. Геллер, М.С. Первое предостережение — удар хлыстом / М.С. Геллер // Вопросы философии. – 1990. – № 9.
10. Казанин, И.Б. Забытое будущее: советская власть и российская интеллигенция в первое послеоктябрьское десятилетие / И.Б. Казанин. – Волгоград, 2001.
11. Квакин, А.В. Идеино-политическая дифференциация российской интеллигенции в период нэпа (1921–1927) / А.В. Квакин. – Саратов, 1991.
12. Квакин, А.В. Октябрьская революция и идейно-политическое размежевание российской интеллигенции: теоретико-методологические, источниковые, историографические аспекты / А.В. Квакин. – Саратов, 1989.
13. Панарин, А.С. Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века / А.С. Панарин. – Москва, 1998.
14. Соскин, В.Л. Российская советская культура (1917–1927 гг.): очерки социальной истории / В.Л. Соскин. – Новосибирск, 2004.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Керженцев, П.М. «Пролеткульт» — организация пролетарской самодеятельности / П.М. Керженцев // Пролетарская культура. – 1918. – № 1. – С. 8.
2. Лозинский, Е. Лев Толстой об интеллигенции и рабочем вопросе / Е. Лозинский. – Москва, 1911.
3. Клубень, С. С буржуазного Парнаса — в Пролеткульт / С. Клубень // Грядущая культура. – 1919. – № 3. – С. 3.
4. Луначарский, А.В. Свобода книги и революция / А.В. Луначарский. – Москва, 1921.
5. Ленин, В.И. Полн. собр. соч. / В.И. Ленин. – Москва, 1970. – Т. 52. – С. 244.
6. Богданов, А.А. Критика пролетарского искусства / А.А. Богданов. – Москва, 1924.
7. Гастев, А.К. Установка производства методом ЦИТа / А.К. Гастев. – Москва: Госиздат, 1927.
8. Калинин, Ф. Пролетариат и творчество / Ф. Калинин // Пролетарская культура. – 1918. – № 1. – С. 9–12.
9. Бердяев, Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии) / Н.А. Бердяев. – Москва: Азбука, 2015. – 416 с. – ISBN 978-5-389-10422-8.
10. Авербах, Л. О пометках Ленина на статье В. Плетнева «На литературном посту» / Л. Авербах. – 1926. – № 5–6. – С. 2–11.
11. Платон. Государство / Платон // Полное собрание сочинений. – Москва: Альфа книга, 2013. – 1311 с.
12. Аристотель. Политика: соч. в 4 т. / Аристотель. – Москва: Мысль, 1983. – Т. 4. – 830 с.
13. Цицерон, Марк Туллий. О государстве. О законах / Марк Туллий Цицерон. – Москва, 1996. – 224 с.
14. Аквинский, Фома. Сумма против язычников: в 2 кн. / Фома Аквинский; пер. с лат. и примеч. Т.Ю. Бородай. – Москва: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2004. – Кн. 1. – 440 с. ISBN 5-94242-008-4.
15. Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли. – Москва, 1990. – С. 4–8, 10–12, 46–58, 66–114.
16. Бухарин, Н.И. О поэзии, поэтике и задачах поэтического творчества в СССР / Н.И. Бухарин // Сб. «Первый съезд советских писателей». – Москва, 1934.

17. Рославец, Н. Семь лет Октября в музыке / Н. Рославец // Музыкальная культура. – 1924. – № 3. – С. 184.
18. Меньшутин, А.Н. Поэзия первых лет революции: 1917–1920 / А.Н. Меньшутин, А.Д. Синявский. – Москва, 1964. – С. 59.
19. Курилина, И.М. История становления советской культуры 1917–1927 гг. (Анализ немарксистской историографии): автореф. дис. ... канд. ист. наук / И.М. Курилина. – Москва: МГУ, 1991. – 19 с.
20. Плаггенборг, Ш. Революция и культура: культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма / Ш. Плаггенборг. – Санкт-Петербург: Журнал «Нева», 2000. – 416 с.
21. Мэлли, Л. Культура будущего. Пролеткультовское движение в революционной России / Л. Мэлли. – США, Калифорния, 1990. – С. 306.
22. Read, K. Culture and Power in Revolutionary Russia / K. Read. – London: Macmillan, 1990. – Т. XII. – 266 p.
23. Аймермахер, Карл. Политика и культура при Ленине и Сталине, 1917–1932 / Карл Аймермахер. – Москва: АИРО-XX, 1998. – 204 с.
24. Фицпатрик, Ш. Комиссариат просвещения. Советская организация образования и искусств при Луначарском, октябрь 1917–1921 / Ш. Фицпатрик. – Кембридж: Кембриджский университет, 1970. – Т. XXII. – С. 380.
25. О'Коннор, Т.Э. Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры / Т.Э. О'Коннор. – Москва: Прогресс, 1992. – 223 с.
26. Биггарт, Дж. Бухарин и истоки дебатов о «пролетарской культуре» / Дж. Биггарт // Советские исследования. – 1987. – Т. 39. – № 2. – С. 229–246.
27. Савельев, А.В. Проблемы развития культуры в СССР в дискуссиях 1921–1928 гг. (Обзор англо-американской литературы 1960–1980-х гг.) / А.В. Савельев // Социальные и гуманитарные науки. – Серия 5. История. – 1995. – № 4. – С. 33–59.
28. Протоколы Первой Всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительных организаций, 15–20 сентября 1918 г. / под ред. П.И. Лебедева-Полянского. – Москва: Пролеткульт, 1918. – 127 с.
29. Хроника // Горн. – 1918. – Кн. 1. – С. 89–96.

30. Волошина, М.В. Зеленая змея: мемуары художницы / М.В. Волошина. – Санкт-Петербург: Андреев и сыновья, 1993. – 339 с.
31. Бунин, И.А. Окаянные дни / И.А. Бунин. – Ленинград: АЗЪ, 1991. – 84 с.
32. Богомолов, Н.А. Андрей Белый и советские писатели / Н.А. Богомолов // Андрей Белый: проблемы творчества. – Москва: Сов. писатель, 1988. – С. 309–337.
33. Лебедев-Полянский, П.И. Рецензия / П.И. Лебедев-Полянский // Пролетарская культура. – 1919. – № 6. – С. 47.
34. Ходасевич, В.Ф. В Пролеткульте / В.Ф. Ходасевич // Ходасевич В.Ф. Колебимый треножник. – Москва: Сов. писатель, 1991. – С. 390–393.
35. Волконский, С.М. Мои воспоминания: в 2 т. / С.М. Волконский. – Москва: Искусство, 1992. – Т. 2. – 383 с.
36. Сверчкова, Л.П. Субъект духовного производства: методологический анализ / Л.П. Сверчкова. – Ленинград: Ленинградский университет, 1988. – 128 с.
37. Смоляков, Л.Я. Социалистическая интеллигенция: Социально-философский анализ / Л.Я. Смоляков. – Киев: Политиздат Украины, 1986. – 222 с.
38. Петров, М.Т. Итальянская интеллигенция в эпоху Ренессанса / М.Т. Петров. – Ленинград: Наука, 1982. – 217 с.
39. Ленин, В.И. Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования, 3 ноября 1920 г. / В.И. Ленин // В.И. Ленин. ПСС. – Т. 41. – С. 154.
40. Постановление Народного Комиссариата Просвещения. О введении обязательного совместного обучения. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. № 38. от 4 июня (22 мая) 1918 г. – Отдел первый. – 99.
41. Ленин, В.И. VIII Всероссийский съезд Советов: речь в организационной секции / В.И. Ленин // В.И. Ленин. ПСС. — Москва: Политиздат, 1974. – Т. 39. – С. 426–431.
42. Ленин, В.И. Об едином хозяйственном плане / В.И. Ленин // В.И. Ленин. ПСС. – Москва: Политиздат, 1974. – С. 339–347.
43. Ленин, В.И. Доклад о партийной программе / В.И. Ленин // В.И. Ленин. ПСС. – Т. 38. – С. 166–168.

44. Горький, М. О психологии пролетарского художественного творчества / М. Горький // Федин К. Горький среди нас: картины литературной жизни. – Москва: Сов. писатель, 1977. – 367 с.
45. Богданов, А.А. Вопросы социализма / А.А. Богданов. – Москва, 1918.
46. Богданов, А.А. О пролетарской культуре: 1904–1924 гг. / А.А. Богданов. – Ленинград–Москва: Книга, 1924. – 344 с.
47. Протоколы Первой Всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительных организаций, 15–20 сентября 1918 г. / под ред. П.И. Лебедева-Полянского. – Москва: Пролеткульт, 1918. – 127 с.
48. Богданов, А.А. Культурные задачи нашего времени / А.А. Богданов. – Москва: Изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1911. – С. 75.
49. Полянский, В. О пролетарской культуре / В. Полянский. – Ростов-на-Дону: Донское областное отделение государственного издательства, 1921. – 32 с.
50. Неизвестный Богданов: в 3 кн. / сост. И.С. Антонов, Н.В. Дроздов. – Москва: ИЦ «АИРО–XX», 1995. – Кн. 2. – 283 с.
51. Богданов, А.А. Наука об общественном сознании / А.А. Богданов. – Москва: Книга по Требованию, 2015. – 222 с. – ISBN 978-5-458-54716-1.
52. Богданов, А.А. Пролетариат и искусство / А.А. Богданов. – Москва, 1918. – 80 с.
53. Богданов, А.А. Элементы пролетарской культуры / А.А. Богданов. – Москва: Гос. изд-во, 1920. – 96 с.
54. Бердяев, Н.А. О назначении человека / Н.А. Бердяев. – Санкт-Петербург: Лань, 2017. – 510 с. – ISBN 978-5-507-43255-4.
55. Богданов, А.А. Краткий курс экономической науки / А.А. Богданов. – Москва: Книжный склад А. Муриновой, 1897. – 290 с.
56. Богданов, А.А. Что такое социализм. Из истории и теории социализма / А.А. Богданов. – Москва: ЛитРес, 2010.
57. Фишер, Л. Жизнь Ленина / Л. Фишер // Ленинский сборник. – 1918. – Т. 36. – С. 31.

Учебное издание

Валентина Васильевна Баркова

**ПРОЛЕТКУЛЬТ В ФОКУСЕ ПРИКЛАДНОГО
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Учебное пособие

ISBN 978-5-907611-87-0

Работа рекомендована РИС ЮУрГГПУ
Протокол № 28 от 2023 г.

Издательство ЮУрГГПУ
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69

Редактор Е.М. Сапегина
Технический редактор Т.Н. Никитенко

Подписано в печать 09.03.2023 г. Тираж 100 экз.
Формат 60×84/16. Объем 7,39 уч.-изд. л. (11 усл. печ. л.)
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ЮУрГГПУ
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69